
ОГОНЁК
№ 14 АПРЕЛЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Март. Новосибирск ночью.

Фото Я. Халипа.

На первой странице обложки: Монтаж высокочастотных заградителей на Ногинской подстанции электропередачи Куйбышевская ГЭС — Москва. Фото В. Тюккеля.

На последней странице обложки: Рим. Площадь святого Петра. Фото А. Новикова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 14 (1503)

1 АПРЕЛЯ 1956

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Беседа у карты

ЕЭС — единая энергетическая система...

Ныне эти слова записаны в Директивах по шестому пятилетнему плану, они стали программой работ огромного масштаба. И чтобы понять их величие, надо перелистать страницы истории электрификации нашей страны, начатой 35 лет назад ленинским планом ГОЭЛРО.

Тридцать пять лет назад... Москва... VIII съезд Советов. Яркая картина его запечатлена в трилогии Алексея Толстого.

«В пятиярусном зале Большого театра в тумане, надышанном людьми, едва светились сотни лампочек красноватым накалом. Было холодно, как в погребе. На огромной сцене... с колосников свешивалась карта Европейской России... Перед картой стоял маленький человек, в меховом пальто, без шапки; откинутые с большого лба волосы его бросали тень на карту. В руке он держал длинный кий и, двигая густыми бровями, указывал время от времени концом кия на тот или иной цветной кружок...»

В тот исторический вечер он сказал:

«...Сидящий здесь, среди нас, Владимир Ильич Ленин, вдохновитель моего сегодняшнего доклада, указал генеральную линию созидающей революции: коммунизм это — советская власть плюс электрификация...»

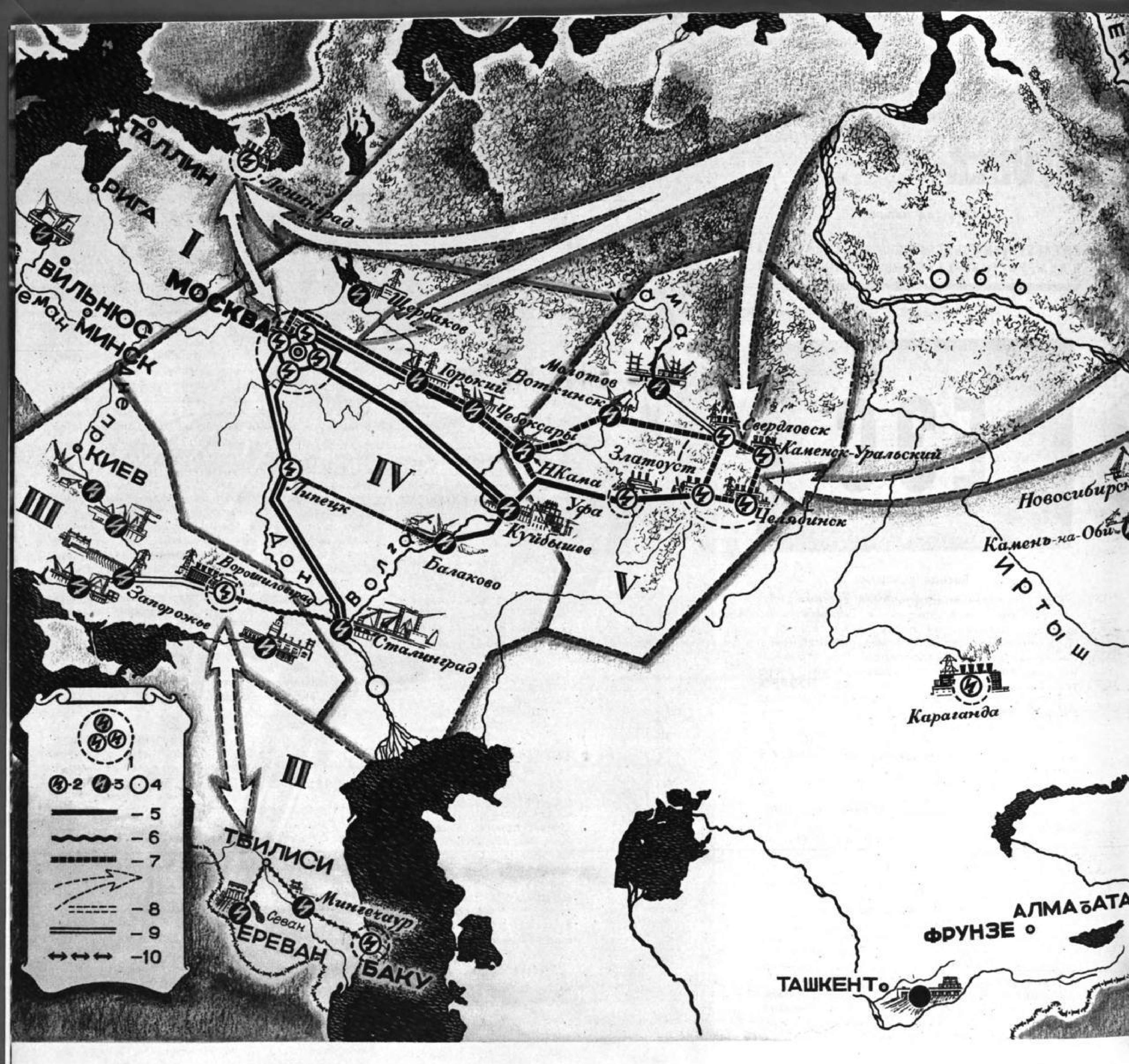
Человеком этим с указкой у карты был большевик, инженер, ученый Глеб Максимилианович Кржижановский. По его инициативе десять лет спустя был организован специальный институт, ставший центром энергетической науки в нашей стране. Этот институт в союзе с другими научными и проектными организациями разведывает и прокладывает многие дороги, по которым идет развитие советской энергетики. Здесь всесторонне изучается энергохозяйство страны и пути комплексного использования энергетических ресурсов. Здесь рассчитывается энергобаланс страны на много лет вперед и определяются наилучшие режимы совместной работы электростанций. Здесь решаются вопросы сложных взаимоотношений между поставщиками и потребителями энергии. И как логическое завершение многолетних исследований разрабатываются научные основы единой энергетической системы, венчающей труд советских энергетиков.

В создании этой системы участвует целая плеяда советских ученых и инженеров, представляющих десятки исследовательских институтов, проектных организаций, вузов, заводских лабораторий...

Член-корреспондент Академии наук СССР В. И. Вейц рассказывает о преимуществах ЕЭС — высшей формы электрификации страны.

— ЕЭС представляет собой объединение энергетических систем при помощи единой высоковольтной сети,— говорит он.

В лаборатории высоковольтного разряда. Над линией передачи повисла дождевая завеса.
Фото С. Фридлянда

Вариант развития единой энергетической

Условные знаки:

1 — районы развития тепловых электростанций.
2 — подстанции.
3 — гидроэлектростанции, существующие и сооружаемые в шестой пятилетке.
4 — гидроэлектростанции, сооружаемые за пределами шестой пятилетки.
5 — линии электропередач 400 киловольт, существующие и сооружаемые в шестой пятилетке.
6 — линии электропередач на постоянном токе, сооружаемые в шестой пятилетке.

Вейц показывает схему, рассеченную стрелами, широкими зигзагами, дугами, кольцами. От Куйбышевской ГЭС, сверкнув, легли две стрелы: одна — к Москве, другая — к Уралу. Еще одна стрела метнулась к Москве от Сталинграда. Вокруг Москвы могучим стальным ожерельем сомкнулось четырехсоткиловольтное электрокольцо. Оно примет поток энергии, идущей к столице. Первая очередь ЕЭС европейской части нашей страны предусматривает объединение Куйбышевской и Сталинградской гидроэлектростанций с Центральной, Южной и Уральской энергосистемами, для чего будут построены линии электропередачи напряжением 400 киловольт. Так объединятся станции, вырабатывающие свыше половины всей электроэнергии в СССР.

Одновременно будет создаваться единая энергетическая система Центральной Сибири — от Кузбасса и Новосибирска до Иркутска. Воедино свяжутся Грузинская, Азербайджанская и Армянская энергосистемы. Сейчас изыскатели выявляют возможности использования гидроэнергетических ресурсов Якутии и Дальнего Востока.

Централизация энергохозяйства обеспечит прежде всего значительную экономию топлива.

— Каким же образом это будет достигнуто?

Вместо ответа В. И. Вейц раскрывает альбом. В технике многие процессы изображаются графически, и жизнь электростанций тоже можно выразить в виде кривых линий.

Вот график работы изолированной тепловой станции. Кривая резко колеблется в течение суток. Сначала глубокое падение, потом крутой подъем. На ночь приходится часть агрегатов останавливать, а в часы пик все они включаются на полную мощность. Такой режим приводит к пережогу топлива, плохому использованию котлов, турбин, генераторов. Кроме того, нужно иметь резервные агрегаты, а это очень дорого. Словом, электростанция, рабо-

Енисейск

Боготаны

Усть-Илимская

Ангара

Красноярск

Братск

Ачинск

Черемхово

Иркутск

Сталинск

Усть-Каменогорск

СЕКЦИИ ЕДИНОЙ ВЫСОКОВОЛЬТНОЙ СЕТИ:

I — Северо-западная.

II — Кавказская.

III — Южная.

IV — Центрально-Волжская.

V — Уральская.

системы Советского Союза

7 — предполагаемые линии электропередач 400 киловольт, намечаемые после шестой пятилетки.
8 — возможные перспективные направления энергетических связей.
9 — некоторые важнейшие существующие линии электропередач 220 киловольт.
10 — важнейшие возможные линии электропередач 220 киловольт.

тающая отдельно, как бы окопалась в крепости: живет своими законами, располагает только своими силами.

Рядом — график работы гидроэлектростанции. И здесь кривая порывиста и зависит от времени года: максимум потребления энергии — зимой, когда воды в реках меньше всего, минимум — весной и летом. Как же уравновесить работу ГЭС? Связать ее с другими тепловыми и гидростанциями в энергетическую систему.

И вот перед нами новые, совсем новые графики — без резких провалов, с пологими подъемами. Это графики работы ЕЭС — могучего семейства станций и систем, связанных друг с другом и ставших верными союзниками.

Последняя страница альбома. На ней показано, как ЕЭС остроумно использует различия в поясах времени. Ночь движется с востока. На Урале, например, сумерки наступают на два часа раньше, чем в центральных областях. Поэтому одни и те же агрегаты вырабатывают ток сначала для Свердловска и Челябинска, через час — для Куйбышева и Сталинграда, а еще через час — для Москвы и Киева.

Вейц закрывает альбом.

— В общем, ЕЭС создает наилучшие условия для наиболее благоприятного размещения промышленных предприятий, обеспечивает маневренность и экономичность в использовании энергетических ресурсов страны.

1960 год... Широкий поток энергии разольется морем огней, осветив деревни и поселки Центра, Поволжья и Урала. Он приведет в действие миллионы машин на колхозных полях, фермах и дворах. Его могучая сила позволит автоматизировать самые трудоемкие отрасли промышленности — без электроэнергии ведь немыслима автоматика; разбудит вековой сон необъятного подземного клада — Курской магнитной аномалии; помчит по стальным магистралям электропоезда. Снизится и себестоимость самой электроэнергии. На Куйбышевской и Сталинградской ГЭС киловатт-час будет стоить очень дешево — менее полутора копеек.

Вторая очередь ЕЭС — это присоединение к единой энергетической системе и северо-западных районов во главе с Ленинградом и Неманским каскадом и Закавказья с созвездием гидростанций на бурных горных реках. Это — слияние Сибирской системы с Европейской...

Сегодня мы у истоков рождения ЕЭС. Тысячекилометровая линия Куйбышев — Москва — первая ее ветвь, гигантская «модель в натуре», как ее образно окрестили энергетики. Трудный путь предшествует ее появлению, и в этом можно убедиться, побывав в лабораториях Института имени академика Г. М. Кржижановского.

Во что обходится корона!

Под сводами старого здания у Никитских ворот творятся удивительные дела. С потолка спускаются тарельчатые гирлянды изоляторов, на широких опорах стоят гигантские медные шары, под аркой — массивный, грузно осевший на шести ногах коричневый трансформатор. Он чем-то напоминает хозяина джунглей, и инженеры его так и прозвали — «слон».

«Слон» этот способен выдержать и слоновую нагрузку. Он повышает напряжение до миллиона вольт.

Но самое главное здесь не «слон», не шары и не изоляторы.

— Хотите посмотреть четырехсоткиловольтную линию Куйбышев — Москва?

— Конечно!

— Вот она, пожалуйста. Пятнадцать метров этой линии электропередачи в своем естественном виде перед вами.

Меж громадных металлических «баранок» — экранов, подвешенных к потолку на изоляторах, как струны, натянуты три серебристых троса. Диаметр каждого из них — тридцать миллиметров. Но тросами их назвать нельзя — не точно. Это витой, сталеалюминиевый провод. Три линии его составляют одну фазу передачи. По проводу подается напряжение такой величины, как на Куйбышевской линии, или еще больше — по заказу.

Над тросами, под самыми сводами, еле покачивается на штангах решетка из стальных труб. По трубам циркулирует вода. Поворот крана — и десятки форсунок этого необычного душа «производят» грибной дождичек — такой может лить сутками. Его полупрозрачная завеса обволакивает установку. На проводе повисли, сверкая в лучах прожекторов, крупные алмазные капли. Дождичек устойчивый, шумит монотонно, по-осеннему, и по кафельным плитам бегут струйки воды, впрямь как на улице.

Но вот гаснет свет. Ни один луч солнца не проникает из-за плотно зашторенных окон. Подается команда включить напряжение. Входные двери блокированы. Если кто-нибудь откроет их, напряжение автоматически будет снято. Нас предупреждают: к линии не подходите — опасно, а к экрану — только за три метра.

— Четыреста! — откуда-то сверху, с площадки у пульта, сообщает инженер.

Пристально всматриваемся в темноту. Пока еще не видно и не слышно ничего, кроме шума дождя.

— Пятьсот!

Провода становятся заметными, они словно набухли и напоминают сейчас темнофиолетовые гирлянды, повисшие в воздухе. Слышится какое-то шипение.

— Подымайте выше! — подается команда.

— Семьсот пятьдесят!

— Стоп!

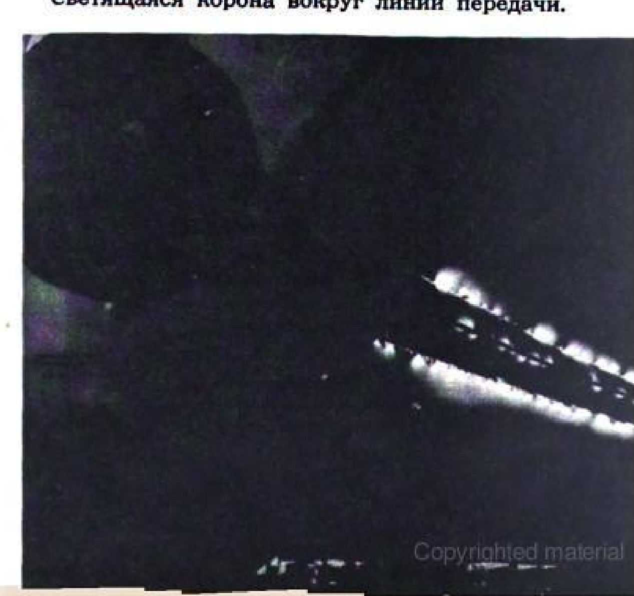
Что сделалось с проводами! Они стали светиться, вокруг них ореол лилового мерцающего сияния, точно они оделись в драгоценную аметистовую корону.

Теперь не только «загудели, заиграли провода». Гулкое помещение наполнено мощным шипением, треском, хлопками. Мне протягивают бинокль. Понятно, откуда эти звуки. По проводам, беснуясь и вибрируя, пробегают коротенькие и трепещущие язычки крошечных молний. Сосчитать их невозможно. Это огненная щетка из молний. Каждая волосинка ее производит свой собственный «гром».

— Красиво? — говорит заместитель директора института член-корреспондент Академии наук СССР В. И. Попков. — А знаете ли, во сколько обходится нам эта корона?

— Вы успели заметить в короне «молнии»? — спрашивает он, когда мы усаживаемся. — Да, это нечто похожее на молнии. Дело в том, что вокруг проводника, когда по нему пропускают ток, образуется электрическое поле. Воздух наэлектризовывается, ионизируется. Более того, он сам становится проводником. Энергия

Светящаяся корона вокруг линии передачи.

при этом теряется, утекает. При напряжении на линиях в 220 киловольт эти потери терпимы, но при 400 киловольт с ними не считаться нельзя. Кроме того, корона вызывает помехи для радиопередач.

— А при чем тут дождь?

— Атмосферные осадки увеличивают эти потери во много раз. На один километр куйбышевской линии может уйти «в трубу» при плохой погоде до ста киловатт. Посчитайте, сколько это станет на тысячу километров! Сто тысяч киловатт! Это значит, что один генератор Куйбышевской ГЭС будет работать впустую, на корону.

— Как же это предотвратить?

— Самое простое — сделать провод толще или полым, вроде трубы. Но такой способ очень дорогой. Если диаметр провода увеличить только на один миллиметр, то стоимость линии передачи Куйбышев — Москва возрастет на... несколько десятков миллионов рублей. Вот в этом-то и проблема!

Советским ученым пришлось изучать механизм короны как в тех условиях, которые возникнут на линии, так и в условиях тонкого лабораторного опыта. Эти работы ведутся здесь, в лаборатории высоковольтного разряда, и в промышленных институтах. К экранам подвешивались провода самых разных форм — трубчатые, гладкие, витые, расщепленные. С помощью зондов В. И. Попков и его помощники забирались во внешнюю зону короны, измеряя напряжение поля в этой зоне и движение ионов воздуха.

Исследования помогли проектировщикам определить тип провода куйбышевской передачи — витой, расщепленный, при котором потери наименьшие. Сейчас здесь изучается корона при 600—700 киловольт. Такие напряжения могут быть на линиях передач от электростанций Ангары и Енисея.

Опыты помогли создать стройную теорию, базу для расчетных формул. С помощью опытов и формул доказано, что потери на корону при передаче больших мощностей постоянным током значительно меньше, чем при передаче переменным током.

Подземная передача

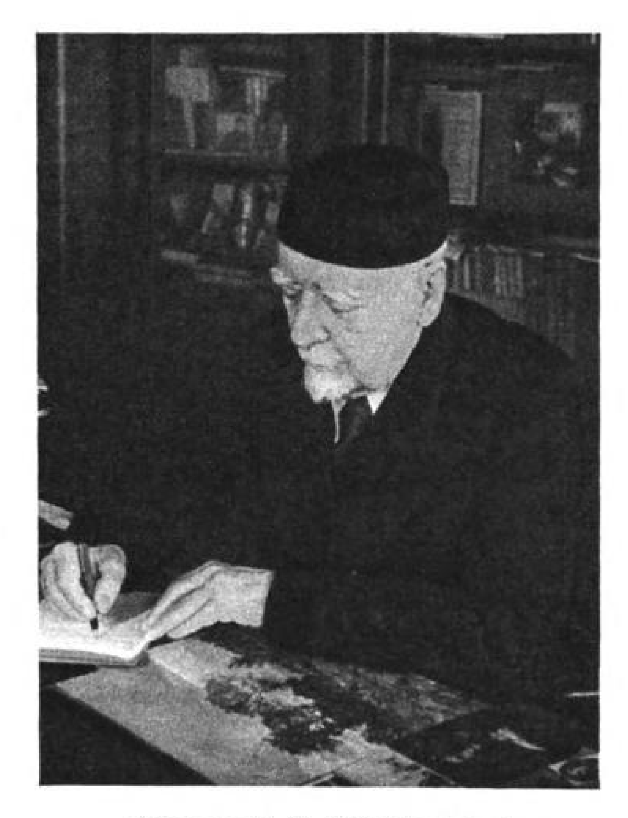
— Постоянный ток... Знаете ли вы, что все существующие у нас дальние передачи электроэнергии работают на переменном токе? — Это был первый вопрос, который нам задал руководитель лаборатории постоянного тока профессор Ю. Г. Толстов.— И только одна линия — на постоянном. Эту передачу вы не увидите и не сфотографируете, как бы ни искали ее, хотя она довольно мощная — на 200 киловольт — и довольно длинная — 112 километров.

Насладившись произведенным впечатлением, профессор продолжал:

— Почему? Да просто потому, что она под землей. Несколько лет назад от Каширы к Москве была проложена первая в СССР высоковольтная линия электропередачи постоянного тока. Она, кстати, самая мощная в Европе и в мире. Подобная есть только в Скандинавии. Шведы соединили подземным, вернее, подводным кабелем материк с островом Готланд. Но эта линия значительно слабее по мощности нашей, каширской.

Постоянный ток... Его будущее было предсказано еще в прошлом веке русским электротехником Доливо-Добровольским. Сейчас звучит парадоксально, но именно он — создатель системы трехфазного переменного тока — утверждал, что в дальних передачах, несомненно, будет использоваться не переменный, а постоянный ток. Почему?

Потери энергии при постоянном токе меньше — провод может быть тоньше. А это означает и экономию дорогостоящего цветного металла. Если тоньше провод, то сразу упрощается сложная конструкция опор, изоляторов, всех устройств и установок в передаче. При том же оснащении на Куйбышевской линии, например, можно было бы применять при постоянном токе напряжение в 600—700 киловольт. А между тем линия передачи — это очень дорогая стройка. Львиную долю всех капиталовложений, ассигнованных на строительство Куйбышевской ГЭС (исключая гидротехнические объекты), поглотила линия передачи. И только шестую часть их — сама электростанция. Иногда даже вместо того, чтобы

Академик Г. М. Кржижановский.
Фото А. Лесса.

передавать энергию на большое расстояние, выгоднее возить уголь по железной дороге.

У постоянного тока есть еще и другие плюсы. Его можно, например, передавать под землей. Почему же он завоевывает себе место в жизни такими медленными темпами?

Профессор Толстов проводит нас в лабораторию, в которой смонтированы модели передач постоянного тока, и показывает большие лампы, очень похожие на те, которые имеются в любом радиоприемнике.

— Вот они, «злодейки». В них заключен корень зла,— говорит Толстов.

Лампы — миниатюрные ртутные выпрямители, или, как их называют, вентили,— главное звено подстанции, с которой начинается передача. Несколько лет назад энергетики располагали вентилями всего лишь на 50 ампер. Если бы Московско-Куйбышевскую линию перевести на постоянный ток, то на подстанции пришлось бы установить... полторы тысячи таких вентилей. Вряд ли нужно объяснять, какой громоздкой и сложной станет в эксплуатации такая подстанция!

Современная техника достигла того уровня, который позволяет преодолеть эти трудности. Во Всесоюзном электротехническом институте имени В. И. Ленина конструируется серия мощных выпрямителей. Здесь, в лаборатории, под руководством Ю. Г. Толстова разрабатываются устройства для повышения надежности работы ртутных вентилей. Созданы методы расчета элементов передач постоянного тока.

Сейчас перед учеными и инженерами стоит задача—создать аппаратуру для передачи постоянного тока Сталинград — Донбасс, которая войдет в ЕЭС. Это смелая «разведка боем». В будущем предстоит перебросить за тысячи километров, к Уралу, энергию великих сибирских рек. И вполне возможно, что эти сверхдальние передачи будут на постоянном токе.

Мозг единой...

Гидротурбины — гиганты Ангары, Енисея и Волги. Огромные паровые турбины Центра и Урала, Юга и Северо-Запада. Турбины атомных электростанций... Мощность в сотню миллионов киловатт! Таково перспективное «завтра» единой энергетической системы, которая вберет в себя огромные пространства от Балтики до Байкала.

Кто же станет управлять ею?

Единый диспетчерский пункт — вечно мыслящий мозг. Его еще нет, но он непременно будет. Он займет отдельное большое здание. Человек сможет стать дирижером единой энергетической системы такого огромного масштаба посредством безотказных и покладистых помощников — машин-автоматов и безупречной службы сигнализации. Некоторое представление о том, какими будут эти машины, можно получить, побывав в лаборатории энергетических систем института.

Именно здесь около 20 лет назад была построена первая в СССР электродинамическая модель энергосистемы. И здесь родилась и была проверена идея так называемой продольной компенсации, позволившая увеличить пропускную способность передачи Куйбышев — Москва.

Руководитель лаборатории член-корреспондент Академии наук СССР И. С. Брук показывает нам быстродействующую электронную цифровую машину «М-2». Эта машина с сотнями пульсирующих светлячков — огоньков неоновых лампочек-указателей — лилипут по сравнению с недавно прославившейся универсальной вычислительной машиной БЭСМ. В ней мало электронных ламп и много миниатюрных полупроводниковых элементов. Скорость ее— до 3 тысяч операций в секунду. И в этом она уступает БЭСМ. Но несколько таких машин, работая вместе, дадут огромную производительность.

У «М-2» много заказчиков — целая очередь. Сейчас на ней решаются задачи физиков из МГУ. Раньше она выполняла расчеты для металлургов, радиотехников, механиков. Уже находятся в печати обширные математические таблицы, вычисленные машиной. Она решит трудную задачу распределения электромагнитной волны вдоль коронирующей высоковольтной линии передачи.

— Что же будет делать «М-2» на диспетчерском пункте?

— Не «М-2», а машина, похожая на нее, но еще более «умная», компактная, управляющая, а главное — надежная,— поправляет нас И. С. Брук.— Мы заняты сейчас ее разработкой. Если математическую задачу можно для проверки повторить, то отчет управляющей машины будет использоваться немедленно: для контроля нет времени. Получив данные о состоянии режима, она с огромной скоростью обработает их, предложит диспетчеру наилучшие, наиболее экономичные варианты или сама пошлет соответствующий приказ. Кроме того, она сможет оперативно решать задачи и более долгосрочного характера. Вполне реально довести скорость до пяти тысяч операций в секунду.

Вторым помощником диспетчера станет «расчетный стол» — автоматически управляемая модель энергетической системы, которую можно будет «настроить» на любой нужный лад — Московский, Куйбышевский, Уральский...

В лаборатории есть прототип и этой установки. Здесь «расчетный стол» мало оправдывает свое название: его пульт управления с приборами, стенды с клеммами и ключами, похожими на столешницы телефонной междугородной станции, занимают не стол, а большую комнату.

— Сейчас,— говорит И. С. Брук,— у нас исследуются возможности электропередачи на расстояние двух с половиной тысяч километров — примерно от Красноярской ГЭС на Енисее до Урала.

В распоряжение диспетчера ЕЭС поступит самое совершенное средство связи — радиорелейное. В одной такой линии вместится огромное число каналов: телефон, защитные сигналы, телеуправление, телеизмерения, наконец, телевизионная связь. Телевизионные экраны, установленные на диспетчерском пункте, позволят наблюдать то, что будет происходить на станциях и линиях передач, удаленных на сотни и тысячи километров.

* * *

...От схемы ЕЭС до автоматического регулятора, от баланса всей ЕЭС до работы отдельной электростанции — таков диапазон больших и малых вопросов, которые решаются в стенах Энергетического института под руководством его бессменного директора, посвятившего всю жизнь электрификации страны,— академика Г. М. Кржижановского.

Ученый подходит к окну. Над Москвой спускаются сумерки, и навстречу им все сильнее разгораются электрические огни. Перед его мысленным взором встает вся страна, залитая их ярким сиянием.

— Вот она, лампочка Ильича!.. Наши мечты сбываются,— тихо, как бы про себя, произносит он.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Власть имущие

4 апреля — День освобождения Венгрии

С. КРУШИНСКИЙ

В Будапештском музее истории рабочего движения почтительно проходишь скромные залы, где выставлены фотографии и другие документы борьбы венгерского народа за свою свободу.

Вот отдел, посвященный Венгерской Советской Республике.

«Всем! Сегодня пролетариат Венгрии берет в свои руки всю власть!»

Под листовкой дата: 21 марта 1919 года.

Сколько поэзии в суровом языке революции!

Первый параграф Конституции: «Цель Венгерской Советской Республики: ликвидация капиталистического общественного строя и метода производства, создание социалистического общественного строя и метода производства». Послание к здравомыслящим крестьянам: «Дай хлеб тем, кто защищает твою землю!».

Вот красное знамя Дьерского полка. Один из бойцов, подвергая опасности свою жизнь, бережно хранил его в годы фашистского террора.

А тут, на стене, скромный плакатик: «Семь фильмов из Советской России привез товарищ Самуэли на самолете в Будапешт». Воображение рисует картинку будапештской улицы тех дней: вооруженные рабочие в расстегнутых куртках, белые плащи интеллигентов, ищущих ответа на мучительные вопросы эпохи, торопливо бегущие буржуазные дамы в ситцевых платочках прислуг. И толпа перед скромным плакатиком. Семь фильмов из Советской России! Что там, как там, как пойдет дело у большевиков?

Еще один документ, еще одно свидетельство дружеских чувств к советской Москве. Листовка, обращенная к русским военнопленным на русском языке: «Пролетариат Красной Венгрии заключил братский союз с русским пролетариатом. Наш долг, дорогие товарищи,— своими крепкими руками и твердыми сердцами укрепить союз рабочих и крестьян наших стран».

Из статей В. И. Ленина, из его обращения к венгерским товарищам мы знаем, что русский пролетариат, русские коммунисты отвечали венгерским друзьям глубокой, сердечной дружбой. В труднейших условиях, окруженная со всех сторон армиями интервентов, советская Венгрия пыталась решить не только военные и экономические задачи, но и утолить пробудившийся в народных низах голод к знаниям, к культуре. На фотографиях запечатлена выставка национализированных у богачей сокровищ искусства. В газетной статье Жигмонд Мориц пламенно приветствует первых пролетарских зрителей будапештских театров.

Венгерская Советская Республика просуществовала 133 дня. Она возникла по воле трудового народа, а подавлена была силой оружия иностранных империалистических армий.

Невольно переносишься мыслью в наше время. Идейные адвокаты сторонников «холодной войны» любят говорить о «коммунистической угрозе». Но факты самой истории показывают, что экспорт революции существует лишь в измышлениях ее врагов, зато экспорт контрреволюции не раз имел место.

Капиталистический хортистский режим был навязан венгерскому народу силой чужеземных штыков. Он продержался четверть века. Победа Советской Армии над гитлеровскими войсками позволила рабочим, крестьянам, демократической интеллигенции Венгрии вновь поднять знамя свободы и независимости. Теперь уже навсегда.

Если Венгерская Советская Республика за 133 дня своего существования, отражая военный натиск, могла сделать лишь первые шаги к осуществлению народных чаяний, то Венгерская Народная Республика за 11 лет мирного строительства привела в движение все здоровые, все прогрессивные силы нации. Объединившись вокруг рабочего класса и его партии, трудящиеся, избравшие путь народной демократии, совершили многое, о чем борцы 1919 года могли только мечтать.

В стране утвердился социалистический способ производства, выросли новые города и заводы.

Национальной собственностью стали сокровища искусства. Ежегодные выставки показывают, что эти сокровища приумножаются. Новый театральный зритель, которого приветствовал Жигмонд Мориц, занял постоянное место в ложах, в креслах партера. Рабочие и крестьяне вступили в университетские аудитории, под своды дворцов, бороздят на яхтах лазурные просторы Балатона.

Вся полнота власти сосредоточена в руках народа. Исчезло существовавшее в течение веков само понятие, выражавшееся словами «власть имущие». Само это понятие предполагало, что пользоваться властью — привилегия немногих. Ныне власть имущие — народ.

День Освобождения — четвертое апреля — стал национальным праздником.

Я посылаю это письмо из предпраздничного Будапешта, залитого потоками такого ослепительного солнечного света, что не только волны Дуная, но и камни мостовой и плитки черепичных кровель горят то россыпью алмазов, то золотыми или серебряными бликами. Мне вспомнилась одна нелепая политическая «доктрина», которая все еще находит сторонников в некоторых странах на Западе,— доктрина «освобождения» стран народной демократии, в том числе Венгрии. Освобождения от кого, от чего? Каждый венгерский школьник даст на этот вопрос вполне убедительный ответ: у народа хотят отнять все то, за что рабочие и крестьяне проливали кровь еще в 1919 году.

Всего лишь в прошлом месяце государственный департамент США вручил венгерскому посланнику в Вашингтоне дипломатическую ноту, составленную в духе этой доктрины. Вмешиваясь во внутренние дела суверенного государства и грубо поучая независимое правительство, как оно должно поступать на территории своей страны в тех или иных случаях, авторы ноты заявляют, будто политика венгерского правительства «резко противоречит» доводам, на которые Венгрия ссылалась, добиваясь принятия ее в ООН, и «серьезно ставит под сомнение» способность ее «при нынешнем правительстве» честно выполнять налагаемые Уставом ООН обязательства.

Известно, что Венгрия была принята в ООН решением стран, которым принадлежит право сообща решать подобные вопросы. Попытка одного государства захватить теперь трибуну ООН для целей, не имеющих ничего общего с интересами этой организации, выглядит весьма неубедительно.

В Венгрии все помнят, что нынешняя народная власть пришла на смену фашистскому режиму, который снискал ненависть народа и покрыл себя позором в глазах всех честных людей на земном шаре уже потому, что связал свою судьбу с судьбой гитлеризма и принял участие в агрессивной войне. Он разделил эту судьбу до конца и был выброшен на свалку.

В качестве очевидца свидетельствую: грозная нота госдепартамента не вызвала потрясения ни в природе Венгрии, ни в жизни венгерского народа. Дунай не повернул вспять, и солнце как ни в чем не бывало свершает свой обычный путь с востока на запад. Вечером музыка выплескивается через открытые окна клубов на площади. Кипит сталь в мартеновских печах. И пахарь-тракторист, радуясь теплому ветру, выезжает с непокрытой головой на поле, тонущее в зыбком мареве.

Будапешт, март.

В связи с месячником венгеро-советской дружбы в Венгерской Народной Республике гостит советская делегация. Герой Советского Союза А. П. Маресьев встретился с членами молодежной бригады Будапештского электротехнического завода.

Фото Мадьярфото.

В дни, когда вы получаете очередной отпуск и уже мысленно купаетесь в волнах Черного моря, вас, наверное, привлекла бы перспектива: позавтракать в Москве и через два часа очутиться в Адлере! Теперь стало вполне реальным такое быстрое путешествие. Перенесет вас на юг советский реактивный пассажирский самолет «ТУ-104», о котором сообщила на днях мировая пресса. Это первая советская реактивная пассажирская «ласточка».

— Новая скоростная машина,— сказал нам конструктор Герой Социалистического Труда А. А. Архангельский,— создана коллективом под руководством главного конструктора Героя Социалистического Труда академика А. Н. Туполева. Крейсерская, то есть экономически наиболее выгодная, скорость самолета — 800 километров в час. Для самолета характерны стреловидные крылья и оперение, совершенные обтекаемые формы.

Два мощных реактивных двигателя расположены в самом «корне» крыльев, возле фюзеляжа. Если выйдет из строя один двигатель, мощности второго вполне достаточно для продолжения полета. «ТУ-104» рассчитан на значительные высоты — 10 тысяч метров и даже больше. Такая воздушная прогулка над облаками исключает болтанку, которая, как известно, многим бывает «не по нутру».

— Но полет на значительных высотах требует, видимо, и ряда дополнительных удобств?

РЕАКТИВНЫЙ

Самолет «ТУ-104» прибыл на Внуковский аэродром.

Штурман И. К. Багрич в своей кабине.

Второй пилот Н. Я. Яковлев.

— Конечно. Кабина герметизирована, и если самолет достигнет, скажем, десяти тысяч метров, то пассажир будет чувствовать себя так, как если бы он находился на высоте трех тысяч метров. Кроме того, в его распоряжении имеется индивидуальная кислородная маска. Установка для кондиционирования воздуха поддерживает в самолете постоянную температуру и влажность.

— А какова вместимость «ТУ-104»?

— Семидесятитонный самолет создан в двух вариантах: первый берет пятьдесят человек с багажом, который помещается под полом, второй, туристский,— семьдесят.

— Сколько же человек составляет экипаж этого реактивного великана?

— Два пилота, штурман, радист, бортинженер. Кроме того, в число экипажа входит бортпроводница, и, по всей вероятности, будет еще и повар.

— Какими возможностями обладает новая машина для дальних полетов?

— Скоростной «ТУ-104» будет использоваться на дальних магистральных линиях, таких, например, как Москва — Хабаровск. Как известно, скорый поезд преодолевает этот путь за девять суток, винтовые самолеты — за тридцать два часа, а для «ТУ-104» понадобится всего девять — десять часов.

На «ТУ-104» можно добираться из Москвы в Лондон или Париж «одним махом» — без остановок на промежуточных аэродромах.

Реактивный самолет преодолеет путь из Москвы в Пекин с одной только посадкой в Новосибирске, а полет, например, из Москвы в Вашингтон потребует лишь одной — двух посадок.

Мы продолжаем беседу с Александром Александровичем Архангельским и узнаем, что в настоящее время в мире существуют три типа реактивных пассажирских самолетов: английский «Комет», французский «Каравелла» и советский «ТУ-104». В ответ на наш вопрос о том, какой из этих машин можно отдать предпочтение, Архангельский улыбается:

— Об этом уже сказал главный маршал английской авиации Филип де ла Ферт. Как известно, он заявил, что ничего подобного самолету «ТУ-104» в западных странах еще не видел.

...А теперь давайте отправимся на подмосковный аэродром и познакомимся поближе с этой удивительной машиной. Вот стоит она, сверкая на солнце гладкой обшивкой, бросив на бетон взлетной полосы огромную тень с откинутыми назад темными клиньями от сильно скошенных крыльев. Темный силуэт напоминает позу пловца, забросившего руки назад и готовящегося к прыжку в воду.

Опоясав кабину экипажа, «течет» по бортам яркая сине-красно-белая стрела-молния; кажется, будто самолет подхватил ее как финишную ленту где-то в грозовых облаках и она навсегда «прикипела» к фюзеляжу, чуть ниже круглых окон — по двадцати одному с каждого борта.

Самолет возвратился из Лондона всего час назад. Командир экипажа Анатолий Константинович Стариков, который «только что ходил по английской земле», рассказывает:

— Сегодня в Лондоне пасмурно, летели мы, пробивая туман и дождь. Почти все время шли на высоте десяти километров и весь путь от взлета до посадки держали радиосвязь с Москвой. Все агрегаты работали устойчиво, машина отличная. Она действительно заслужила то внимание, которое проявили к ней англичане. Ее осмотрели главный маршал авиации Англии и другие официальные, а также частные лица.

Общая кабина на двадцать восемь человек.

ПАССАЖИРСКИЙ...

Фото Я. Рюмкина.

— Первые пассажиры уже заявили об этом единодушно,— говорит заместитель главного конструктора Дмитрий Сергеевич Марков.

Во время одного из рейсов на борту «ТУ-104» находился председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР Ю. Палецкис. Он читал, работал за столом и вдруг сказал, оторвавшись от дела:

— Я совсем забыл, что нахожусь в самолете!

Конструктор Борис Федорович Петров, принимавший участие в создании самолета, добавляет:

— На большой высоте в «ТУ-104» настолько спокойно, что кажется, словно машина неподвижна. Она имеет совершенную звуко- и теплоизоляцию, панели стен, полы, переборки установлены на резиновых амортизаторах, и пассажиру не надоедает ни гул двигателей, ни тот вибрирующий «зуд» в ногах, которые есть на самолетах старого типа.

Машина, которая летала в Лондон, испытывалась группой специалистов, среди которых были первый летчик-испытатель Юрий Тимофеевич Алашеев, второй летчик Борис Михайлович Тимашок, штурман Парис Николаевич Руднев, ведущий инженер по летным испытаниям Владимир Николаевич Бендеров и бортинженер Иван Данилович Иванов. «Лондонский» «ТУ-104» проделал около тридцати рейсов максимальной дальности. Об одном из таких рейсов рассказывают: машина должна была совершить посадку на аэродроме в Узбекистане. Неожиданно подул сильный ветер, его там называют «афганцем», буран поднял тучи песка и пыли на высоту до четырех тысяч метров, видимость практически отсутствовала. И, тем не менее, самолет, оснащенный новейшими приборами, в том числе радиолокационным оборудованием и оборудованием для слепой посадки, приземлился точно и быстро. Ни в Советском Союзе, ни за рубежом в подобных условиях машины такого типа до сих пор не совершали посадок.

Итак, мы познакомились с первой «ласточкой» советской реактивной пассажирской авиации. За нею, конечно, последуют другие. Это о них сказано в Директивах XX съезда КПСС: «Внедрить в эксплуатацию на магистральных воздушных линиях скоростные многоместные пассажирские самолеты».

Над решением этой задачи и продолжают плодотворно трудиться советские конструкторы.

В. РУДИМ

В стороне замечаем точно такую же машину, как и та, на которой прилетел Стариков.

— Перед вами еще один из близнецов «ТУ-104». Ведь машина поступила в серийное производство. Лишь вчера другая такая машина ушла в дальний перелет.

Поднимемся по трапу и через входную дверь зайдем внутрь самолета. Прежде всего вы попадаете в вестибюль, где, как и полагается, оставляете в гардеробе на вешалке свое верхнее платье. Налево — вход в общую пассажирскую кабину на двадцать восемь человек. Стены приятного серого тона, двери, круглые оконные рамы и панели сделаны под орех и напоминают деревянные детали автомобиля «ЗИС-110», на окнах — шелковые шторы, потолок обит кремовым кастором. В четыре ряда тянутся удобные мягкие кресла, в которых, по желанию пассажира, можно менять положение как спинок, так и сидений. На панелях видны индикаторы кислородного питания, в сумках на «тыльных» сторонах кресел — кислородные маски. Здесь же вмонтированы розетки индивидуальной вентиляции. К услугам курящих есть пепельницы; их легко выдвинуть из подлокотников. Понадобится вам столик — пожалуйста, его даст вам бортпроводница и унесет, когда минет в нем нужда. Если захотите вечером почитать, получите своеобразный индивидуальный источник света — электрический светильник, который так устроен, что его легко прикрепить к лацкану костюма, обложке книги или пристроить в любом другом удобном для вас месте.

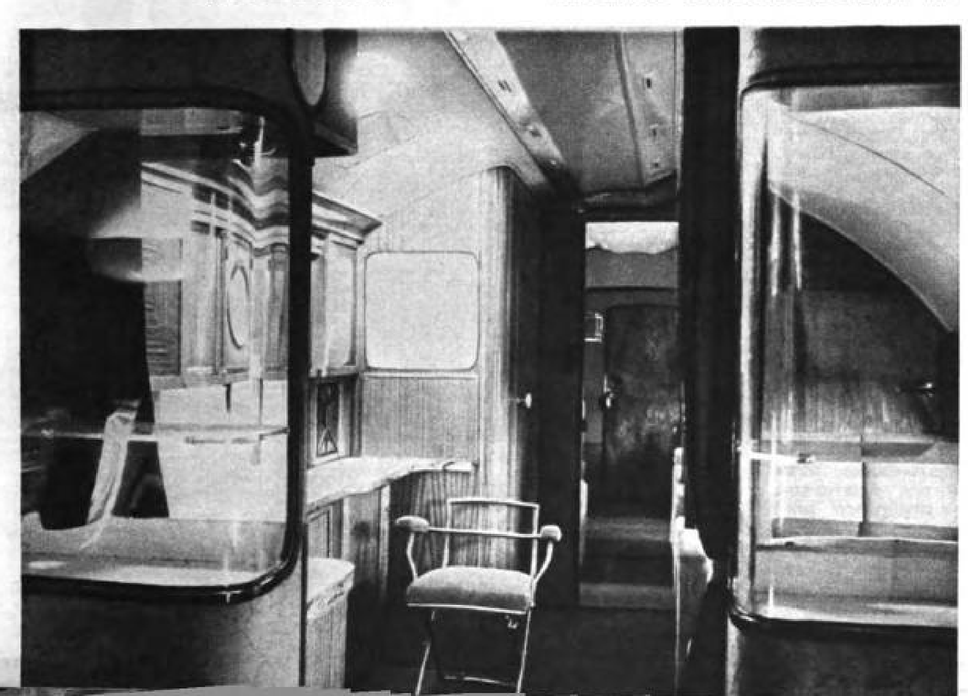
За общей кабиной, ближе к носу, расположен салон на восемь человек. Его стены обиты материалом песочного цвета с золотым шитьем; здесь справа и слева по два дивана — для двух человек каждый; между диванами — столы, накрытые кружевными скатертями. Здесь тоже есть розетки индивидуальной вентиляции, они выдвигаются из-под стола.

Куда же ведет следующая дверь? Оказывается, в буфетный салон. Тут буфет, кухня и небольшой обеденный салон на четыре человека — билеты на эти четыре места «воздушного кафе» не продаются.

Кабина самолета не кончается кухней. Нам предстоит посмотреть еще две «комнаты» — одна на восемь и вторая на шесть человек. Здесь вращающиеся кресла, полукруглые, наглухо прикрепленные к борту крышки столиков.

И, наконец, «ТУ-104» располагает тремя туалетами: один — для экипажа и два — для пассажиров, с умывальниками, зеркалами, диванчиками, столиком. Одним словом, «ТУ-104» — это большая «летающая квартира» со многими удобствами.

Надо полагать, что в воздухе пассажир будет себя чувствовать действительно превосходно.

Буфетный салон.

Командир корабля А. К. Стариков дает интервью сразу всем корреспондентам.

ПРИБЫТИЕ А. И. МИКОЯНА И Ш. Р. РАШИДОВА В ДЕЛИ

После короткого пребывания в Кабуле, столице Афганистана, Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян и сопровождающие его лица направились в Карачи для участия в празднествах по случаю провозглашения Пакистана республикой.

— Мы приветствуем провозглашение Пакистана республикой и принятие конституции страны,— заявил А. И. Микоян на аэродроме в Карачи.— Это событие имеет историческое значение и, несомненно, является важным этапом в деле укрепления национальной независимости, в деле дальнейшего экономического и культурного развития пакистанского государства.

Из Карачи А. И. Микоян и сопровождающий его Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Ш. Р. Рашидов отправились в Дели, где были тепло встречены официальными лицами и общественностью города. Представители индийского правительства преподнесли советским гостям цветы, надели гирлянды роз. Премьер-министр Индии Дж. Неру принял А. И. Микояна и имел с ним беседу.

На снимке, полученном из Дели по фототелеграфу, запечатлен момент встречи А. И. Микояна в столице Индии.

СОВЕТСКИЕ ЭНЕРГЕТИКИ В АНГЛИИ

По приглашению Британского управления по электричеству Англию посетила группа советских энергетиков, возглавляемая заместителем Председателя Совета Министров СССР, министром электростанций Г. М. Маленковым. За время пребывания в Англии советские гости посетили много городов и районов страны.

На снимке: Председатель Центрального энергетического управления лорд Ситрин (второй справа) знакомит Г. М. Маленкова с выставкой, посвященной строительству электростанций в Англии.

Фото Юнайтед пресс-фото.

В. А. ТРОПИНИН

К 180-летию со дня рождения

Василий Андреевич Тропинин — один из самых замечательных русских живописцев. Его произведения близки нам правдой характеров, ясностью мысли, добрым отношением к людям, значительными живописными достоинствами.

Трудной была жизнь художника. Только необыкновенная одаренность и высокие человеческие качества помогли Тропинину стать мастером реалистической живописи. Крепостной сперва графа Миниха, а потом графа Моркова, Тропинин все время, что у него оставалось от работы, занимался живописью. Заметив его способности, Морков отправил Тропинина в Петербург учиться... кондитерскому делу. И только в 1798 году Тропинин был определен «посторонним учеником» в Академию художеств.

Здесь он с жадностью использует все, что ему может предоставить академическая школа. После того, как в 1804 году на выставке появилась картина Тропинина «Мальчик, тоскующий об умершей своей птичке», на которую многие обратили внимание, Морков забирает своего крепостного из Академии, не дав ему закончить курс. Впоследствии Тропинин вспоминал: «Я мало учился, хотя очень усердно занимался в Академии, но научился в Малороссии; я там без отдыха писал с натуры, писал со всего и со всех. Лучший учитель — природа...»

У Моркова живописец выполняет обязанности лакея и пишет по заказу портреты. Несмотря на унизительное положение, на многочисленные обиды, Тропинин не падает духом. Он очень серьезно работает, и искусство его в это время становится зрелым. Лишь на 47-м году жизни крепостной художник получает личное освобождение. А сын его несколько лет еще продолжает оставаться крепостным. В 1824 году Тропинина избирают академиком. Он поселился в Москве, отказавшись от жизни в столичном Петербурге. «Все я был под началом, да опять придется подчиняться... то одному, то другому... Нет, в Москву»,— говорил живописец.

Добрую улыбку художника мы видим почти на всех его полотнах. Тропинин создает целую галерею портретов современников — из народа, купцов, дворян, выдающихся деятелей культуры. В отношении художника к людям, которых он пишет, почти не звучат критические ноты. Своих героев он изображает в домашней обстановке, в простых платьях, часто за работой, милыми, простыми людьми.

«Портрет сына художника» одухотворен большой любовью отца. Серьезный и живой взгляд, милое умное лицо в рамке светлых волос, освещенное ярким солнечным светом, делают образ мальчика необыкновенно привлекательным.

Один из самых блистательных по артистизму — портрет Булахова. Легко себе представить, что, возможно, это тот самый известный в свое время певец П. А. Булахов, который в 1824 году прошумел театрализованным исполнением романса «Черная шаль» Верстовского на слова Пушкина. И по точному выражению характера и по яркости формы портрет Булахова принадлежит к числу лучших портретных работ в мировом искусстве начала XIX века.

Произведение М. Лермонтова «Тамбовская казначейша» вдохновило Тропинина на картину «Казначейша».

Многие портреты, написанные Тропининым, приближаются к жанровым произведениям. Нередко характеристику образов дополняют пейзажный фон или предметы быта, которые подсказывают, что любят и чем занимаются герои произведений.

В автопортрете 1846 года художник изобразил себя с палитрой и кистью на фоне московского Кремля, освещенного лучами солнца, пробивающимися из-за туч. В этом портрете чувствуется весь нелегкий путь художника, его стойкость, спокойствие и доброта.

Творчество Тропинина на всех этапах его долгой жизни было ярким и правдивым. В реальной действительности он находил героев и в своих произведениях умел показать их характеры, раскрыть их мысли и чувства.

Н. СВЕТЛОВА

Выставка английского искусства

Впервые в Советском Союзе открыта выставка английского искусства. В залах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве размещены произведения английских художников XVI—XX веков — из музеев Советского Союза.

Великолепное собрание английского серебра представлено Оружейной палатой московского Кремля и Государственным Эрмитажем. В центре первого зала фигура барса (1600—1601 годы)—посольский дар Англии, образец замечательной работы английских серебряных дел мастеров. Большой интерес представляют образцы ранней средневековой миниатюры.

Английские художники — прославленные мастера портрета. На выставке имеется один из шедевров английской портретной живописи — портрет герцогини де Бофор работы Т. Гейнсборо. К числу лучших работ относится и портрет миссис Элинор Бетюн кисти шотландца Генри Реберна. Галерея выдающихся людей того времени запечатлена в портретах работы Джона Хопнера: здесь и автор «Школы злословия» Шеридан и английские государственные деятели.

Знаменитый английский художник, первый президент Лондонской Академии художеств Джошуа Рейнольдс представлен на выставке полотном «Венера и Амур» и прелестными картинами из жизни детей. Особенно хороша «Плутовка» — из собрания Киевского музея. Выставку украшает также целый ряд прекрасных портретов работы Т. Лоуренса.

Зрители познакомятся здесь и с пейзажами Д. Морленда и Д. Крома, Дж. Констебля и Р. Бонингтона. Великолепны английская графика: сатирические серии Уильяма Хогарта, карикатуры Д. Гилрея и Т. Роулендсона, работы блестящих мастеров гравюры Джона Рафаэля Смита, Р. Ирлома и других. Особый интерес вызывают офорты Фрэнка Брэнгвина, присланные им в дар Музею изобразительных искусств в 1925 году.

Выставка английского искусства свидетельствует о большом интересе советского народа к культуре Англии.

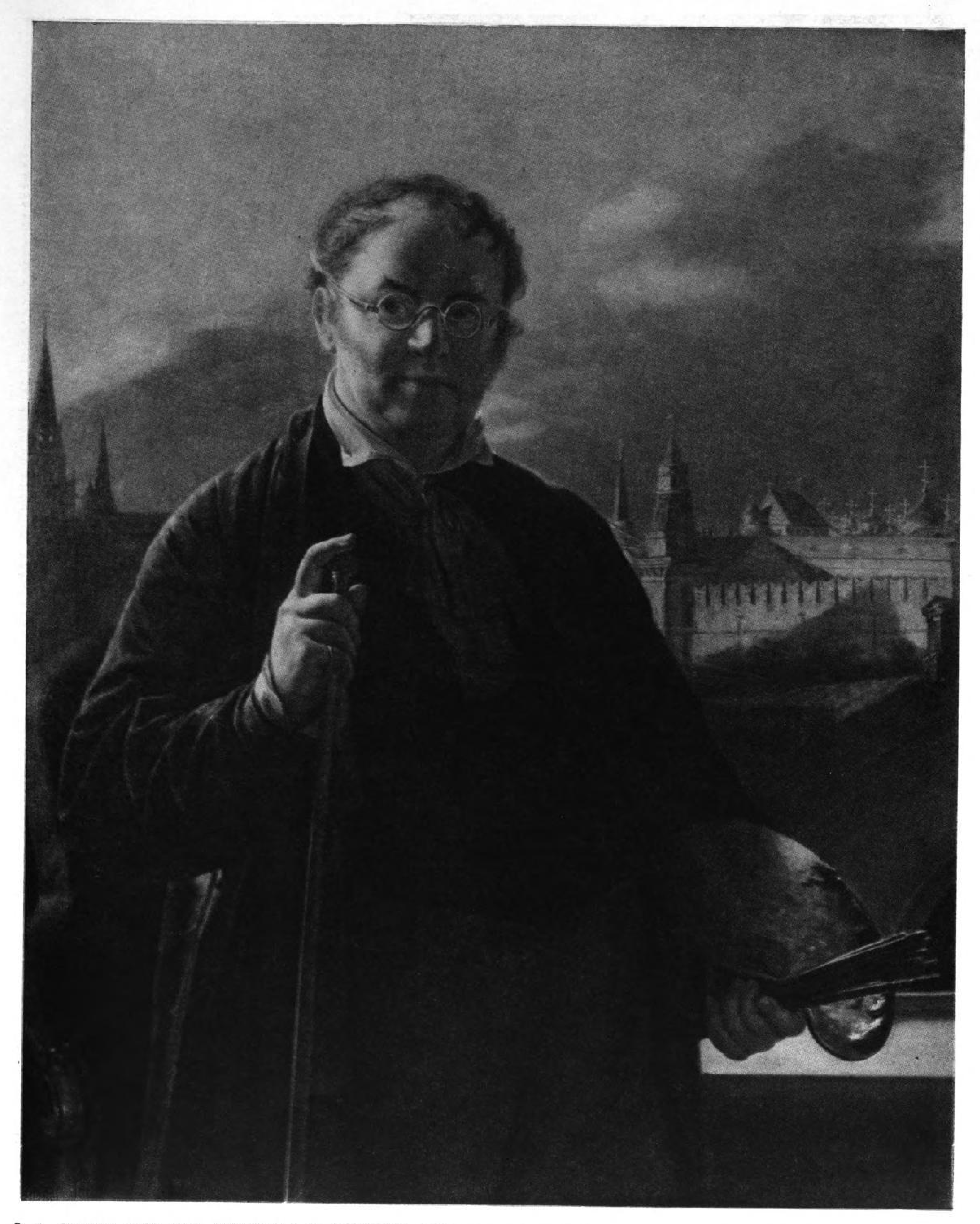
Чрезвычайный и Полномочный Посол Великобритании в СССР сэр Уильям Хэйтер высоко оценил выставку, найдя ее весьма интересной и разнообразной. Выступая на ее открытии в музее, посол отметил, что выставка является прекрасным началом взаимного показа сокровищ культуры.

А. ВАСИЛЬЕВА

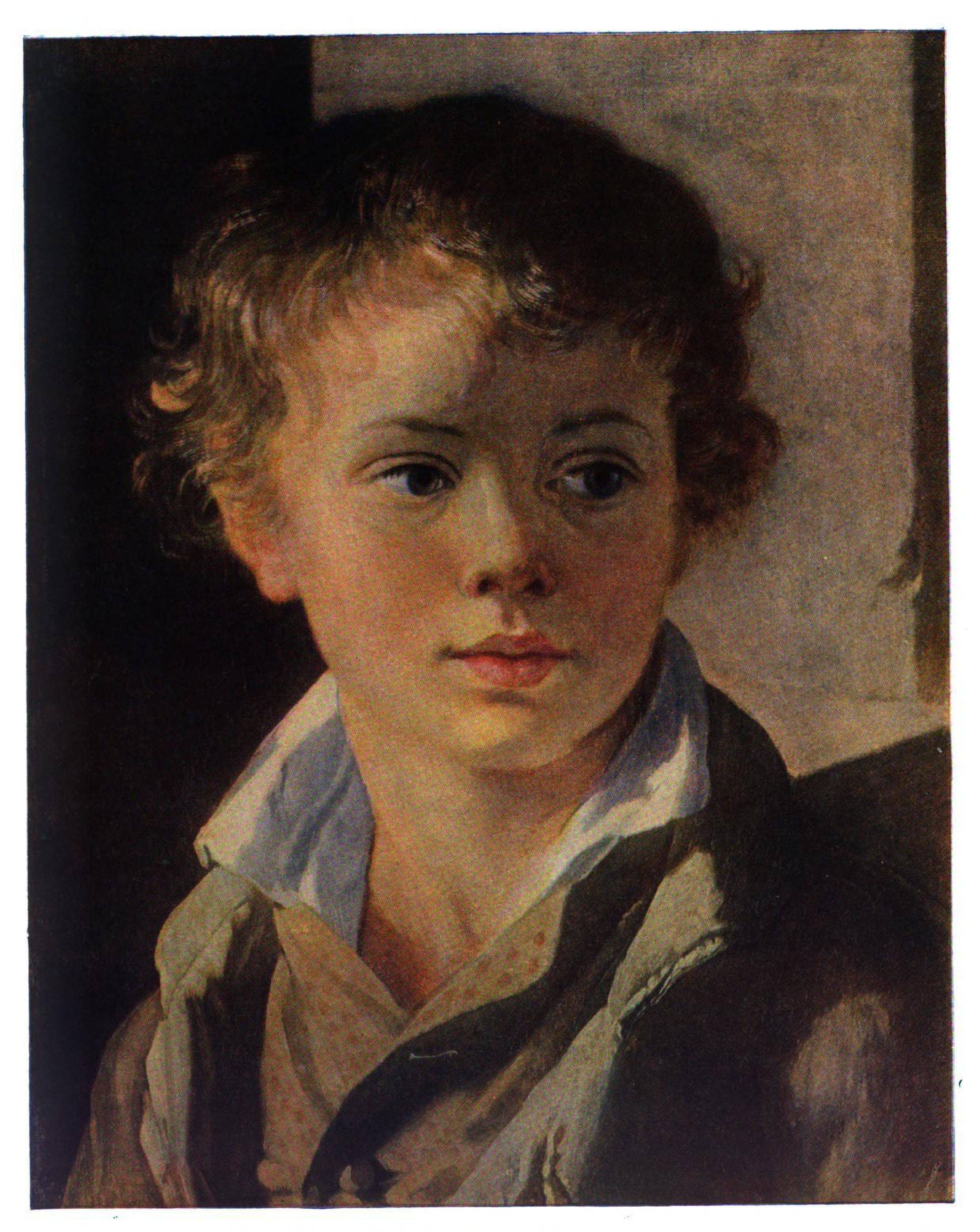
Чрезвычайный и Полномочный Посол Великобритании в СССР сэр Уильям Хэйтер и министр культуры СССР Н. А. Михайлов на открытии выставки английского искусства.

Фото Е. Тиханова.

В. А. Тропинин (1776—1857). АВТОПОРТРЕТ НА ФОНЕ ОКНА, С ВИДОМ НА КРЕМЛЬ. 1846.

Государственная Третьяковская галерея.

В. А. Тропинин. ГОЛОВА МАЛЬЧИКА. (ПОРТРЕТ СЫНА ХУДОЖНИКА). Около 1818 года.

Государственная Третьяковская галерея.

РЕМБРАНДТ

Тёйн де ФРИС

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Тёйн де Фрис родился в 1907 году на севере Нидерландов. Восемнадцати лет он выпускает сборник записанных им произведений устного народного творчества «Фрисландские саги». Начиная с 1927 года, когда увидел свет сборник стихотворений «Возвращение», имя де Фриса все чаще упоминается в литературных кругах. В 1930 году вышла книга его стихов «Западные ночи».

В стране свирепствуют кризис и безработица. Молодой писатель вынужден часто менять места службы. Он работает в издательстве, затем библиотекарем и журналистом, одновременно пишет свой первый роман «Земля-мачеха».

В 1937 году благодаря успеху романа писатель наконец получает возможность полностью посвятить себя литературе.

Во время оккупации Голландии фашистами де Фрис редактирует подпольный прогрессивный журнал «Свободная кафедра». В 1944 году он был арестован фашистами и брошен в концлагерь. Через несколько месяцев ему с помощью борцов сопротивления удалось бежать.

За сборник повестей о движении сопротивления «Под сапогом» (1945 год) Тёйн де Фрису присуждается национальная премия. В том же году выходит роман «Свобода идет в красной одежде» — о молодом негритянском художнике Давиде.

Перу де Фриса принадлежат исторические романы и очерки: «Рембрандт», «Кэнау», «Ольденбарневельт», «Школа варваров» и др.

Тёйн де Фрис является горячим другом Советского Союза. Как председатель общества «Нидерланды — СССР» он проводит большую работу по ознакомлению голландцев с достижениями советского народа, редактирует журнал «Ню», правдиво освещающий жизнь Советской страны.

Ниже мы печатаем главу из романа «Рембрандт».

В конце лета торговцы картинами Корнелис и Данкерт Данкертсы приобрели у Рембрандта для перепродажи листы с рисунками, которые мастер делал еще на родине, а также большое число гравюр на библейские сюжеты. Часть этих работ они отослали в Париж, где вот уже двадцать лет вели дела с торговым домом Кьяртр. Против их ожиданий почти вся партия товара была распродана за одну неделю. Из Парижа поступали не только векселя в уплату, но и письма с настоятельной просьбой прислать новую коллекцию работ «великого голландского мэтра»: люди чуть ли не в драку вступают за его гравюры, и с каждым днем цена на них поднимается.

Господа Данкертсы только многозначительно переглядывались. Они не замедлили выслать в Париж новый, хотя и не столь многочисленный набор рембрандтовских листов, сообщив Кьяртру, что «лишь с большим трудом удалось заполучить их у мастера». Сами же братья стали как бы невзначай заглядывать в дом к Рембрандту и небрежно осведомляться, не найдется ли у него что-нибудь новенькое: в Париже почему-то спрашивают его работы...

«Великий голландский мэтр» не подозревал, что эти люди затеяли бесчестную игру. С радостью и благодарностью принял он от купцов две сотни гульденов: его уже давно мучило желание приобрести коллекцию рисунков великого Микельанджело, которую он видел у Гуго Алларта. Он заверил Данкертсов, что доставит новые работы в самом непродолжительном времени.

Братья Данкертсы аккуратно, раз в неделю, справлялись об обещанном, остерегаясь, однако, пробудить в Рембрандте малейшее подозрение. Художник работал с неслыханным напряжением и упорством. Он был доволен: его снова начали покупать! Он завел новый станок для гравюр, велел младшим ученикам помогать при печатании. Каждый в доме должен был приложить руку к новому делу.

Мало-помалу в лавке Данкертсов стали собираться любители. Они с затаенным дыханием ждали новых творений Рембрандта. Даже иностранцы, находившиеся в Амстердаме проездом, узнав о спросе на вещи мастера, начали заглядывать к Данкертсам. О Рембрандте стали говорить с такой же горячностью и страстью, как двадцать лет тому назад.

Так оно продолжалось довольно долгое время, пока не явился однажды к мастеру Геркулес Зегерс.

На дворе стояла осень, сильно дождило. Стареющий гравер-пейзажист, одетый еще более небрежно, чем всегда, дрожал от холода в своем изношенном плаще. Ему пришлось согреться в мастерской стаканом вина, прежде чем он смог говорить связно.

— Там готовы глотку перегрызть друг другу из-за твоих вещей, Рембрандт.

Рембрандт поднял на него глаза. Он сосредоточенно покрывал лаком картину. Голос его звучал глухо и отчужденно:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Твои последние работы идут нарасхват.

— Да, я дал Данкертсам на выбор много листов — несколько сот.

— Все они проданы, Рембрандт.

Художник пожал плечами.

— Видно, они отдают их в кредит. Я-то получаю пустяки. Что поделаешь, теперь приходится довольствоваться малым.

— Нет, не в кредит, вовсе не в кредит! За наличные, за чистое золото! Сегодня вечером они опять принимают платежи. В прошлый раз это было при мне. Прилавок был завален золотом. Сотни гульденов, может быть, и больше...

Рембрандт потряс старого друга за плечи.

— Зегерс! Ты что-то путаешь! Ты становишься стар. Наверно, вносили деньги за работы каких-нибудь фламандцев, итальянцев...

Геркулес Зегерс сердито вертел головой.

— Нет! То были твои гравюры. Я-то уж знаю твою руку!

Рембрандт потерянно шагал из угла в угол.

— Не пойму, почему ты сам не бываешь на торгах? — сказал Зегерс.— Тебя вообще не видать в городе. Вот они тебя и надувают безнаказанно.

— Надувают?!

Злой огонек загорелся в глазах у Рембрандта. Комната стала тесна для его широких, разъяренных шагов.

— Говорили там что-нибудь о Кьяртре?

— Как же, все говорят: Данкертсы получили от него из Парижа тысячи гульденов.

В комнате некоторое время стояла тяжелая тишина. Слышалось только неровное дыхание мастера. Наконец он с трудом проговорил:

— А как же Клеменс де Йонге?

— Разве и он тебе не приносил денег?

Рембрандт снова вскочил со стула.

— Денег! Денег! Сколько уже лет я не видал от них ни гульдена!

Рембрандт подавленно рассмеялся, его трясло от гнева.

— Но ведь и Клеменс распродал все, все! — прошептал Зегерс.— Кому ничего не достанется у Данкертсов — идут к Клеменсу. Он сразу дал знать, что у него большой запас твоих вещей. Ты теперь в моде, как никогда.

— В моде?

Оба несколько мгновений молча смотрели друг на друга. Зегерс покачивал головой, а у Рембрандта из-под поднявшейся вверх губы обнажились зубы, он стал похож на затравленного волка.

— Друзья... Они называют себя твоими друзьями! — горько сказал Зегерс.

Рембрандта вдруг прорвало:

— Друзьями называют себя! Золото! Вот где кончается их дружба! Ну нет, у меня тоже не вечное терпение!

Он бросился в соседнюю комнату и вернулся в плаще и шляпе. Зегерс хотел встать, но Рембрандт силой усадил его на место.

— Жди меня здесь. Я сейчас вернусь... Я только скажу Хендрикье, чтобы она собрала поужинать.

Рембрандт выбежал из комнаты. Зегерс слышал, как он что-то говорит на кухне. Ему отвечал певучий голос Хендрикье. Потом гулко захлопнулась входная дверь.

...Закутанный в свой темный широкий плащ, Рембрандт стоял позади гудящей, возбужденной толпы в большой комнате дома Данкертсов, в «выставочной зале». Оглядевшись, он увидел свои гравюры и рисунки пером. Они висели на деревянных подрамниках, лежали грудами в папках. Несколько недель тому назад все это было еще в его мастерской, в его доме на Бреестрат. Вокруг теснились художники, купцы, зеваки: вход был свободен для всех. Рембрандту теперь было легче дышать: он знал все. Обманут, ограблен!

Минуту он еще стоял, наблюдая. Черно-белые плитки пола были покрыты грязью, заслежены, залиты водой, стекавшей с плащей посетителей. Художники стояли обособленно, тесными кружками; редко какой-нибудь бюргер осмеливался замешаться в их компанию. Покупатели толпились у стоявшего в стороне письменного стола, где свершались сделки. Были здесь и англичане. Рембрандт узнал их по твердым шляпам и непривычному покрою одежды.

За письменным столом сидел Корнелис Данкертс. Перед ним лежала раскрытая кассовая книга. Покупатели предъявляли номера приобретенных на аукционе картин, он называл цену, и они платили деньги. Данкерт Данкертс пробовал золото на зуб и относил деньги в шкаф, стоявший в соседней комнате.

В зале была невероятная толчея. Глухой, с оттенком удивления гул голосов наполнял ее. Рембрандту трудно было уловить, о чем шли разговоры. Лишь изредка из общего шума вырывались восклицания.

— А что скажет обо всем этом Рембрандт?

— Невиданное дело, даже для него невиданное!

— Оставь, пожалуйста! Так всегда бывает с доверчивыми людьми. Эти дармоеды поступают с ним так же, как с тобой, как со всеми нами.

— Неужто нам всегда тянуть лямку другим на пользу?

— Кто бы мог подумать?! Рембрандт опять в славе!

— Прошлым летом казалось, что с ним покончено навсегда.

— Ну, знаешь, у кого столько талантливых юношей в доме, да еще молодая жена...
— Он словно заново родился, право!
— А его ли эти работы? Или...
— Никаких сомнений! Рука его.
— Не знаю... Ходят всякие слухи. Такие способные и послушные ученики...
— Вздор! Молодым так не сделать. Это его рука! Это Рембрандт!
Мастер медленно продвигался вперед, раздвигая плотную массу людей. Давно знакомые лица... Некоторые постарели, выглядят озабоченными. У многих седина посеребрила виски, появилась тучность от невоздержанной жизни, от преждевременного одряхления. «А каков стал я сам?» — этот вопрос смутно возник в сознании Рембрандта, он стал искать глазами зеркало. Но нет, не стоит задерживаться, надо скорее пройти вперед...
Они говорят о нем! Вот Говерт Флинк, его ученик, а теперь рабский подражатель ван дер Хельста... Да, и Флинк говорит о нем, а рядом — Кампо Вейерман, тоже когда-то его ученик... Здесь и долговязый Рюйсдаль. Он усмехается, не разжимая тонких губ: не знает, видно, что сказать о новом, возродившемся из пепла фениксе! А там торговец картинами Гуго Аллapт. Он бледен, его корчит от злобы и зависти к Данкертсам... Друзья и враги, близкие и чужие, сверстники юных лет — все они, наклонясь друг к другу, говорят о нем, только о нем!..
Рембрандта заметили. Теперь он глядел им прямо в глаза. Зрачки у людей расширялись, потом глаза опускались к земле.
Мастер ни с кем не здоровался. Распахнув плащ, молча шел он мимо них — прямо к столу, за которым хлопотали братья Данкертсы.
Всюду, где он проходил, толпа молчаливо расступалась. Какой-то человек с мальчиком на руках что-то прошептал сыну на ухо. И вдруг на всю комнату прозвенел ясный голос ребенка:
— Это Рембрандт? Вот этот?
На возглас обернулись все, удивленные, любопытные.
Выражение почтения и страха появилось на лицах, беспокойно зашаркали десятки ног, воздух в комнате словно сгустился. Это только распалило гнев Рембрандта. «Трусы! — подумал он.— Трусы!..» И он никого не удостоил даже кивка головой.
Рембрандт шел прямо к столу, к братьям Данкертсам.
Они уже заметили его и глядели, не сводя глаз, притихшие, побледневшие. Они не ждали его здесь.
Повинуясь темному инстинкту, Корнелис в последнее мгновение успел захлопнуть кассовую книгу и засунуть ее в кучу каких-то бумаг. Но по острому взгляду художника он понял, что это напрасно. Рембрандт пристально глядел на край кассовой книги, высовывающейся из-под бумаг, на кучи золота и серебра, тускло поблескивающие в огнях свечей, вставленных в канделябры черного дерева, на белые лица братьев.
Все замерло. Люди подступали ближе к столу. Они еще не понимали, что же такое произошло между мастером и этими людьми, торговавшими его произведениями. Англичане, услышав великое имя, стали локтями и коленями прокладывать себе дорогу вперед. Они желали увидеть в лицо «the most famous painter» [1].
Все вокруг словно наливалось красным пламенем. Руки Рембрандта сжались в кулаки. Но тут же он опомнился, и пальцы его разжались. Быстрым движением отодвинул он в сторону кучу бумаг и, не обращая внимания на слабый протестующий жест Корнелиса, взял в руки кассовую книгу. Он бегло перелистал страницы и нашел то, что было ему нужно. Весь ледяное спокойствие и самообладание и в то же время чувствуя, как жар и холод пробегают у него по жилам, Рембрандт некоторое время все еще молчал. «Негодяи!» — пронеслось у него где-то в мозгу.
Но когда он заговорил, голос его был тих, слова пронизывающе размеренны и неторопливы:
— Девяносто пять рисунков, этюдов, набросков проданы 1 октября...
Взгляды Данкертсов скрестились с его взглядом. Братья смотрели вопрошающе, с пробуждающейся наглой угрозой. Купцы, кажется, овладевали собой, на их лицах уже была маска холодной вежливости: пусть видят люди, что не они причина странного поведения Рембрандта.
Мастер перелистывал книгу и читал:
— Сто шестнадцать гравюр и больших эстампов — 23 октября...
Он огляделся вокруг...
Зегерс говорил, что продано все... Все! Даже вещи, которые были у Клеменса на комиссии.
Сегодня вечером была уплата. На столе лежали последние работы... Разбойники! Триста гульденов выдали они ему за все... А он еще с поклонами провожал их до двери!
Теперь его кулак, как молот, опустился на стол. С тревожным звоном подпрыгнуло на столе и рассыпалось золото. Несколько монет упало со стола и покатилось с печальным звяканьем по полу. «Трех тысяч, и то было бы мало!.. А Париж! Париж! Кьяртр!.. О звери!»
Он шагнул, не помня себя, к соседней комнате. Данкерт Данкертс, загородивший было шкаф спиной, от сильного удара в грудь отлетел в сторону. Рембрандт рванул дверцы шкафа — там лежало золото, его золото, в аккуратно завязанных мешочках, на них стояли монограммы «Д. и К. Д.». На полках стопки векселей, «подлежащих оплате первого ноября у М. М. и К°, банкиров».
У него потемнело в глазах. Но в то же мгновение мастер ощутил каменное спокойствие. Холодными, небрежными движениями пересчитал он мешочки с золотом. Потом медленно стал укладывать их в широкие карманы плаща, сложил аккуратно векселя и отправил их туда же.
Когда он вернулся в большую комнату, там царило подавленное молчание. Он снова направился к Данкертсам. Они забились в угол и отвернулись, когда Рембрандт встал перед ними.
Мастер с улицы Бреестрат рассмеялся отрывисто и горько.
— Благодарю,— проговорил он, помолчав.— Благодарю за быструю продажу. И за то, что деньги сохранены в добром порядке.
Он указал братьям на рассыпанные по столу монеты:
— Это ваша доля.

Потом Рембрандт обратился к отступавшей перед ним безмолвной толпе:
— Господа! Если случайно вы пожелаете, как я, предложить для продажи какие-либо из ваших работ... я могу рекомендовать вам братьев Данкертсов. От всего сердца!..
Лицо его было мертвенно бледно, голос размеренно строг. Таким Рембрандта не видал еще никто. Всякий чувствовал, догадывался, что происходит нечто чрезвычайное. Люди вдруг окружили мастера, участливо заговаривали с ним, желали ему счастья и удач, расспрашивали о причинах неожиданного прихода сюда. Англичане раскланивались, взмахи-

[1] Самого знаменитого художника *(англ.)*.

вая своими цилиндрами, ничего не понимая в происшедшем. Гуго Аллардт вызвался послать за сухим плащом для мастера, предлагал слугу с фонарем — проводить до дома. Рембрандт молча покачал головой. Бросив последний уничтожающий взгляд на братьев Данкертсов, он покинул аукционный зал. Все бросились к дверям и рассеялись в разных направлениях, спеша позлословить о неслыханной новости на улице, в кабаке, в кегельбане.

Дождь хлестал как из ведра. О, этот дождь! Он примчался откуда-то издалека, и ему не было дела до одиночества и заброшенности смертных. По обеим сторонам улицы в темноте с шумом бежала вода. Небо было в черных тучах, мокро отсвечивали камни мостовой. Дико, как призраки, качались над улицей деревья, струями лилась вода с каждой ветки. Ручьи с урчанием свергались в водостоки. Серебряные пузыри вздувались и лопались у берегов.

Дождь, дождь! Неясные тени прохожих, смутные очертания высокой башни, теряющейся в сумрачной высоте, ночь без конца и края над пустыми площадями, бормотание невидимых волн за шлюзами и под мостами, одиноко повисшими в угрюмой серой сетке дождя.

Рембрандт шел без цели и без дороги. Мешки с золотом больно колотились о грудь, оттягивали карманы плаща... Сколько насчитал он — золотом и векселями? Во всяком случае, тысячи гульденов. Это плата за его труд.

Прошел год с тех пор, как он снова начал работать. С каким усердием, с каким неутомимым терпением, напряжением всех сил! Горы, горы листов! Только теперь он почувствовал усталость, которую принес ему последний год. Но это была усталость дерева после обильного плодоношения, благодатная усталость матери, родившей дитя, усталость набухшего влагой облака, разразившегося потоками буйного дождя.

О дождь, дождь! Он вечен. Что перед ним ничтожество и одиночество человека? У людей нет простоты и щедрости, которыми обладает природа. Дождь приходит, проливается над землей, испарения снова сгущаются в туманы, в облака, и снова ливень приходит к людям, простой, величественный.

Мчались потоки. Шум дождя утешал и исцелял.

На душу мастера сошло тихое, умиротворяющее спокойствие.

* * *

Снова потекли тусклые месяцы, день за днем. Дожди, ветер. Вялое осеннее солнце над крышами домов. Деревья стояли в мертвенно бледной бронзе, как призраки прошлого. Потом пришла зима, жестокая, с надоедливыми снегами — первые метельные месяцы нового года.

Еще поздней осенью Хендрикье родила мертвого ребенка. Она распрощалась с ним, сдерживая слезы. Рембрандт сказал ей несколько скупых слов. Фамильную библию даже не открывали. Мастер недолго стоял в раздумье у окна, глядя на летающих чаек. Потом, затворившись в мастерской, принялся резать гравюры. Святое семейство! Нежное самоотречение кормящей матери, бережная заботливость отца... Какая любовь окружает младенца, плачущего в пеленках! Гравюры сменяли одна другую, их словно ветром уносило из рук Рембрандта.

Вновь стали спрашивать его живопись. Иностранцы, проезжавшие через Амстердам, знали одно имя: Рембрандт! И снова Рембрандт осмеливался назначать высокие цены, спокойно отклонял домогательства торгашей. Ван дер Хельст попрежнему заочно поносил его. Рюйсдаль заявил, что он счастлив, что не пишет маслом, и потихоньку возбуждал против Рембрандта маленьких художников, которые бывали в доме мастера. Зависть, злоба повсюду. Но и эти люди, готовые в любую минуту оклеветать его, не могли сбросить с себя могучего очарования новых произведений Рембрандта. И почти все подражали ему, сами того не чувствуя... Заказы. Деньги. И... большие траты.

Снова в комнатах дома скапливаются драгоценности, редкие сокровища искусства: рисунки Дюрера и Микельанджело, драгоценные кривые турецкие сабли, безупречные страусовые перья, арфа с золотой инкрустацией, маленькие бронзовые статуэтки, совершенные по форме и материалу, старинные пергаменты с изумительными миниатюрными заставками, исполненными золотом и лазурью.

...Однажды вечером Рембрандту сказали, что с Зегерсом плохо. Он побежал в нищенский квартал, где жил старый товарищ; там услышал он от оборванных старух-соседок, что Зегерс свалился в темноте с лестницы. Он нашел старого художника уже мертвым на полу мастерской. Исхудавшее тело было едва прикрыто лохмотьями. На полке валялся зачерствевший кусок хлеба. Через разбитое окошко чердака дождь хлестал по гравюрам покойного. Рембрандт благоговейно собрал их и унес с собой, как драгоценное напоминание о друге. Только он и старшие ученики провожали гроб на кладбище бедняков...

Как-то в ноябре, проводив до двери друзей после веселой и шумной пирушки, Рембрандт возвратился в столовую. Там все еще сидел один из гостей. Это был невысокий, сгорбленный человечек, живописец, посвятивший себя натюрмортам с цветами. Он мало чего достиг в этом, хотя его небольшие полотна и не лишены были живописной тщательности, несколько безвкусной. Рембрандт не раз ссужал его деньгами в трудные зимние месяцы, когда цветов не достать и художнику приходилось либо делать копии с собственных вещей, либо просить милостыню. Видимо, и на этот раз гость задержался по той же причине.

Мастер всегда бывал растроган, если кто-нибудь прямо и доверчиво искал его поддержки. Он на собственной шкуре убедился, как нелегко пользоваться благодеяниями других, и поэтому никому не отказывал в помощи. Рембрандт приветливо улыбнулся, и оба пошли в мастерскую. Мастер пододвинул стулья поближе к огню и стал греть одеревеневшие от ночного холода руки. На гостя он старался не глядеть — пусть уж тот заговорит сам.

Но молчанию, казалось, не было конца. Рембрандт обернулся к человеку, застывшему у стола с опущенной головой и выражением мучительной заботы на лице. Вдруг слезы брызнули у того из глаз. Седая голова упала на руки, и сдавленные рыдания вырвались из груди неудачника.

Рембрандта охватил испуг. Но посетитель как-то сразу овладел собой. Он выпрямился, резкая морщина обозначилась у него на переносице, руки сжались в кулаки. Смахнув слезу с бороды, он поднял голову.

— Конец! — проговорил он дрожащими губами, но в голосе его было больше гнева, чем подавленности.

Рембрандт встревоженно вскочил со стула.

— Выселяют из дома?

— Завтра. Если не уплачу. И работы мои пойдут с молотка.

Гость тоже поднялся, рассмеялся громко и презрительно. Ухо Рембрандта уловило, впрочем, с трудом пересиливаемый стон. Сгорбленный человечек принялся шагать по мастерской из угла в угол.

В Рембрандте что-то надломилось. Он сразу потерял ставшие уже привычными спокойствие и уверенность. Сострадание горячей волной поднялось из его сердца. Но не только сострадание. Нет, даже не в первую голову сострадание к человеку, к собрату по искусству, которого сильные мира сего довели до нищенской сумы. Рембрандту хотелось закричать, закричать о себе самом. Как молния, пронзила его мысль: ведь и он, он сам каждый день может ожидать того же!

Он ясно, отчетливо увидел: зимняя ночь, снег, ледяной ветер, Хендрикье отогревает ребенка у груди, Титус, сын, жмется к нему, отцу...

Рембрандт вспомнил о Беккере, Сиксе, о всех тех неведомых, что ненавидели его, поносили, жаждали его крушения.

Он тоже заметался по комнате. Кровь ударила ему в голову, кулак с грохотом опустился на доску верстака. Дикое неистовство клокотало в нем. Он взглянул на другого, затравленного и озлобленного. Потом подошел, обнял незадачливого живописца и почти прохрипел:

— Собаки! Кровавые псы!

Живописец уставился на него широко открытыми глазами. Ноздри Рембрандта широко раздувались, на шее набухали толстые жилы. Резко обозначились белки глаз. Мастер весь дрожал, как лист на ветру. Он глядел не в лицо гостю, а куда-то через его плечо, на невидимую стену недругов.

— Нет! Мы еще стоим на ногах! — крикнул он вне себя.

Он огляделся вокруг, отпустил плечи живописца. Тот безвольно опустился на стул и в испуге следил за Рембрандтом, глаза которого перебегали от одного предмета к другому. Картины... канделябры... вазы... парча... расшитые шелка... Внезапно он сорвал со стены персидское покрывало и раскинул его по полу. На покрывало полетело все, что попадало под руку. Рембрандт вышвыривал из шкафа драгоценные литые кувшины для вина, тяжелые чаши и швырял все это к ногам перепуганного живописца. Потом выбежал в соседнюю комнату — он вспомнил, что у него спрятана там тысяча дукатов наличными. Месть бушевала в нем. Мстить! За этого раздавленного, уничтоженного товарища, за всех, кого преследуют и травят... Не помня себя, он все швырял и швырял вещи в общую груду на полу.

— Бери! — кричал он.— И это! И это! Все обрати в деньги. И... купи себе дом, новый дом! Никому — ни слова, что получил у меня... Это все мы уладим после... Купи себе хороший, красивый дом... В городе, не в гетто! И — за работу! Как будто ничего и не было... Назло всей этой шайке!..

Последние слова он уже не произнес, а прохрипел:

— Мы еще им покажем!

Живописец бормотал что-то невнятное. Он глядел, как зачарованный, на ковер, на драгоценности, на деньги. Вертя в пальцах шляпу, он не двигался с места. Рембрандт поднял огромный узел и властным движением приказал гостю взвалить на плечи. Потом он вывел живописца из мастерской, проводил через комнаты, открыл перед ним входную дверь и почти вытолкал на улицу.

Зимняя ночь пахнула в их разгоряченные лица. Человек с узлом на плечах не произнес ни слова. Он крепко держал драгоценную ношу, какой никогда не знали его плечи. Осторожными шагами, словно на ощупь, он двинулся вдоль улицы и исчез в снежной мгле...

«Никому не говори, что взял деньги у меня...» Живописец натюрмортов с цветами не смог, однако, умолчать о происшедшем. Как только он рассказал обо всем родственникам, слух молниеносно распространился среди художников Амстердама. Повсюду раздавались насмешливые и ядовитые замечания: благородный Рембрандт купил дом для товарища, но так и не удосужился полностью оплатить собственный. Мастер бросал вызов, неслыханно смелый и откровенный! Рембрандт хорошо знал, что так оно и есть. В своем безудержном гневе он и не искал ничего другого. Он сам вызвал ту бурю, злой ветер, который, быть может, обрушится теперь на него со всей яростью...

Внешне он оставался спокойным. Проходили недели. Никаких зловещих признаков не замечалось. Тогда Рембрандта стала охватывать тревога. Она росла с каждым днем, как нарастала и его упрямая готовность сопротивляться. Что же, они не хотят открыто поднять перчатку, которую он швырнул к ногам ненавистников и хулителей? Или они просто не решаются использовать его необдуманный, продиктованный возбуждением шаг? Может быть, они боятся его, и, значит, дела не так уж плохи?

Рембрандт все шагал и шагал по мастерской. Он работал, но с большими перерывами. Беспокойство все возрастало. Но дни шли, ничего дурного не происходило. С ума можно было сойти от этой неизвестности!

Теперь Рембрандт уже почти сожалел о своем поступке. Нет, не в том дело, что нищий живописец, которого он спас от беды, никогда не сможет при своем ограниченном таланте вернуть полученные деньги, и не в издевательских шутках дело. Рембрандту думалось сейчас, что он напрасно, в слепом раздражении, легкомысленно отдал бедняку почти все ценное, что было в доме. Может быть, следовало поискать другой, более разумный способ помочь товарищу? Но теперь уже поздно. С каждым днем Хендрикье должна все экономнее расходовать деньги на хозяйство; уже пришлось однажды снова побывать у Беккера,

подписать еще несколько долговых расписок. Правда, этот заем ему удалось сделать без ведома Хендрикье — Рембрандт выложил на стол деньги с таким видом, точно получил плату за большой заказ. Каким утешением было для него увидеть ее просиявшее лицо! Мастеру и в голову не приходило, что обманывает он не столько ее, сколько самого себя. Нехватка денег сказывалась все сильнее; уже становилось трудно сводить концы с концами.

И тут события развернулись с неожиданной быстротой.

* * *

Уже несколько дней Рембрандт был очень рассеян и работал только урывками. Бессознательно перелистывал он древние книги, рылся в своем собрании старинного оружия. Иногда он забывался на некоторое время, разглядывая редкую мозаику или инкрустацию. Беспокойство, ощущение бесцельности такой жизни не покидали его.

Часто, пользуясь тем, что сумерки в это время года наступали рано, он выходил из дома и бродил по ближним улицам. Зимние вечера были полны редкостных красок; тяжелый голубой туман висел в воздухе; деревья стояли темные и твердые, словно высеченные из черного алмаза; нездешним, сказочным было тонкое переплетение ветвей и сучьев; тесно жались друг к другу серые и коричневые дома. Рембрандт всегда совершал эти прогулки один. Сын, Титус, охотно сопровождал бы его, как в прежние времена. Но хотя юноша и знал, что Рембрандт ему не откажет, он не решался просить отца об этом. Он чувствовал, хотя и не догадывался о причине, что отец хочет быть в одиночестве после ухода из дома одного из учеников, Николааса Мааса; что-то мучило Рембрандта, и мастер хотел заглушить эту муку прогулками в тиши.

Был вечер, падал легкий снежок, молочно-белая пелена ложилась на деревья и воду каналов. Рембрандт по обыкновению бродил в окрестностях улицы Бреестрат. Вдруг кто-то окликнул его. Рембрандт по голосу узнал человека, ухватившего его за отворот плаща: это был ван Людиг, ходатай по делам, славившийся тем, что ловко переманивал клиентуру у амстердамских нотариусов. Он состоял с Рембрандтом в каком-то дальнем родстве. Мастер не выносил его присутствия; ван Людиг в последнее время сильно разбогател, и ходили слухи, что богатство это было добыто не весьма честным путем. Впрочем, ничего достоверного Рембрандт не знал. Всю жизнь он избегал этого родственника, а если уж случалось столкнуться с ним, старался ограничить разговор краткими и вежливыми расспросами о родне.

В том, что ван Людиг вдруг вырос перед ним как из-под земли — похоже было, что он выслеживал мастера,— Рембрандт почувствовал дурное предзнаменование. Однако ван Людиг сделал вид, что приятно удивлен встречей. Они поздоровались. Рембрандт — тихо и сдержанно, ван Людиг—с громкими, оживленными восклицаниями. Адвокат спросил о здоровье Хендрикье, Титуса, потом заговорил о делах мастера, хотя Рембрандт никогда не был близок с этим человеком. Неужели ван Людиг не понимает, что их жизненные пути ни в чем не сходятся? Рембрандт отвечал собеседнику коротко и отрывисто, стараясь как можно скорее покончить с этой встречей. Мастер уже собрался было распрощаться, как вдруг без умолку тараторивший ван Людиг назвал имя Сикса. Неприятное подозрение мелькнуло в мозгу мастера. Он настороженно поднял голову. Ван Людиг, видимо, заметил эту настороженность. Они остановились на мгновение, потом медленно двинулись дальше. Бессознательно они шли в сторону Бреестрат. Видимо, только теперь и должен был начаться настоящий разговор.

Ван Людиг покряхтывал, уверенно шагая по слегка поскрипывающему, уже довольно плотному снегу. Мороз, правда, был не так силен, как случается иногда в Амстердаме в вечернюю пору поздней зимой, в преддверии нового времени года. Плащи у обоих спутников были распахнуты. Легкие облачка пара вырывались у них изо рта.

Ван Людиг промурлыкал под нос какие-то неразборчивые слова. Рембрандт уловил, однако, вновь имя Сикса. Ему стало не по себе: в невнятной воркотне ван Людига ему почудилась угроза. Он не мог больше ждать и тронул спутника за руку.

— Что там такое с Сиксом? Ты все повторяешь его имя...

Ван Людиг слегка запахнул полу плаща и изобразил на лице удрученную озабоченность.

— Эти богатые господа больше не платят наличными!.. Ни серебра, ни золотых гульденов у них и не выпросишь... Долговые расписки — вот чем они от тебя отделываются...

У Рембрандта прихлынула кровь к щекам.

— Значит, Сикс расплачивается с тобой... расписками?

Ван Людиг вздохнул, но Рембрандт почувствовал дьявольскую радость в этом вздохе. Он снова схватил родственника за плечо.

— Может быть, он платит тебе моими долговыми расписками, ван Людиг?

Ван Людиг с минуту помолчал. «Он делает вид, что щадит меня»,— подумал Рембрандт. Ненависть и омерзение поднимались в нем. Он взглянул на родственника. Тот молча смиренно кивнул головой. Огорчение и озабоченность ван Людиг разыгрывал не хуже актера в театре. И вдруг Рембрандта пронзила мысль: «Деньги! Деньги! Вот что делает всех этих людей похожими друг на друга, как близнецы! Проклятое золото заставляет их скулить... изображать сочувствие... Даже между родственниками стоит эта стена, твердая, как алмаз!»

Но мастер не произносил покамест ни слова. Ван Людиг принялся с раздражающей медлительностью шарить в карманах сюртука. Они добрались теперь до самой середины Бреестрат. Ван Людиг все так же осторожно и внимательно рылся в карманах, то и дело соболезнующе вздыхая. Когда они уже стояли перед дверью дома Рембрандта, он наконец обнаружил то, что искал: длинный, с сургучной печатью кусок пергамента.

Рембрандт уже несколько раз нетерпеливо стукнул в дверь молотком. Открыл Ульрих Майр. Не удостоив его ни словом, Рембрандт почти втолкнул родственника в прихожую. Пожав плечами, но нисколько не удивленный, Майр запер за учителем и гостем дверь на засов.

Рембрандт торопливо прошел впереди ван Людига в мастерскую. Там он довольно грубо выхватил из рук гостя бумагу и разложил ее на столе при свете наскоро зажженных свечей. Да, знакомая бумага. Это — последнее долговое обязательство, выданное им, Рембрандтом, Сиксу меньше полугода тому назад. Мастер опустился в глубокое кресло и, все еще держа пергамент в руках, поднял глаза на ван Людига.

Тот, не бывавший у Рембрандта годами, озирался с любопытством. Во взгляде его словно застыл какой-то вопрос. Он видел много картин. Кто рисовал их, неизвестно... Видел пестрые китайские кувшины и вазы... Головы, руки, отлитые из гипса... Фарфоровые статуэтки, потемневшие от времени... Шлемы, латы с серебряным нагрудником... Под стеклянными колпаками лежали всякие диковинные вещи: морские звезды, раковины, осьминоги, медузы, кораллы. Похоже было, что ван Людиг наскоро прикидывает цену всем этим вещам и старается вывести общий итог. Удивление, жадность, зависть слились воедино в его движениях.

Рембрандт еще раз внимательно оглядел его.

— Итак?— проговорил он.

Ван Людиг поспешно обернулся и снова принял вид человека, который не знает, как ему быть. Он опять повторил свой жест сожаления.

— Ты ведь сам видишь... Долговое обязательство в моих руках... Выдался очень трудный год...

Рембрандт сделал было движение нетерпения, но родственник быстро продолжал тем же слезливым тоном:

— Войны, непрерывные войны... Все идет прахом... Проценты падают и падают...

Рембрандт медленно поднялся с кресла. Но ван Людига, видно, это не испугало.

— У тебя дом, ценности... В каминах горит огонь... Комнаты полны всяких диковинок, должно быть, дорогих... Ни в чем не видать недостатка... Ты зарабатываешь своим искусством... Не пойму я, Рембрандт, зачем тебе еще брать деньги взаймы?

— Ты этого не понимаешь? — тихо произнес мастер.— Не понимаешь, что деньги нужны мне для того, чтобы писать картины? Тебе невдомек, что мне нужно много денег, чтобы покупать все это? — Он жестом показал на оружие, ткани, гипсовые фигуры.— Тебя удивляет, что я и мои домашние хотим, как и все люди, жить?

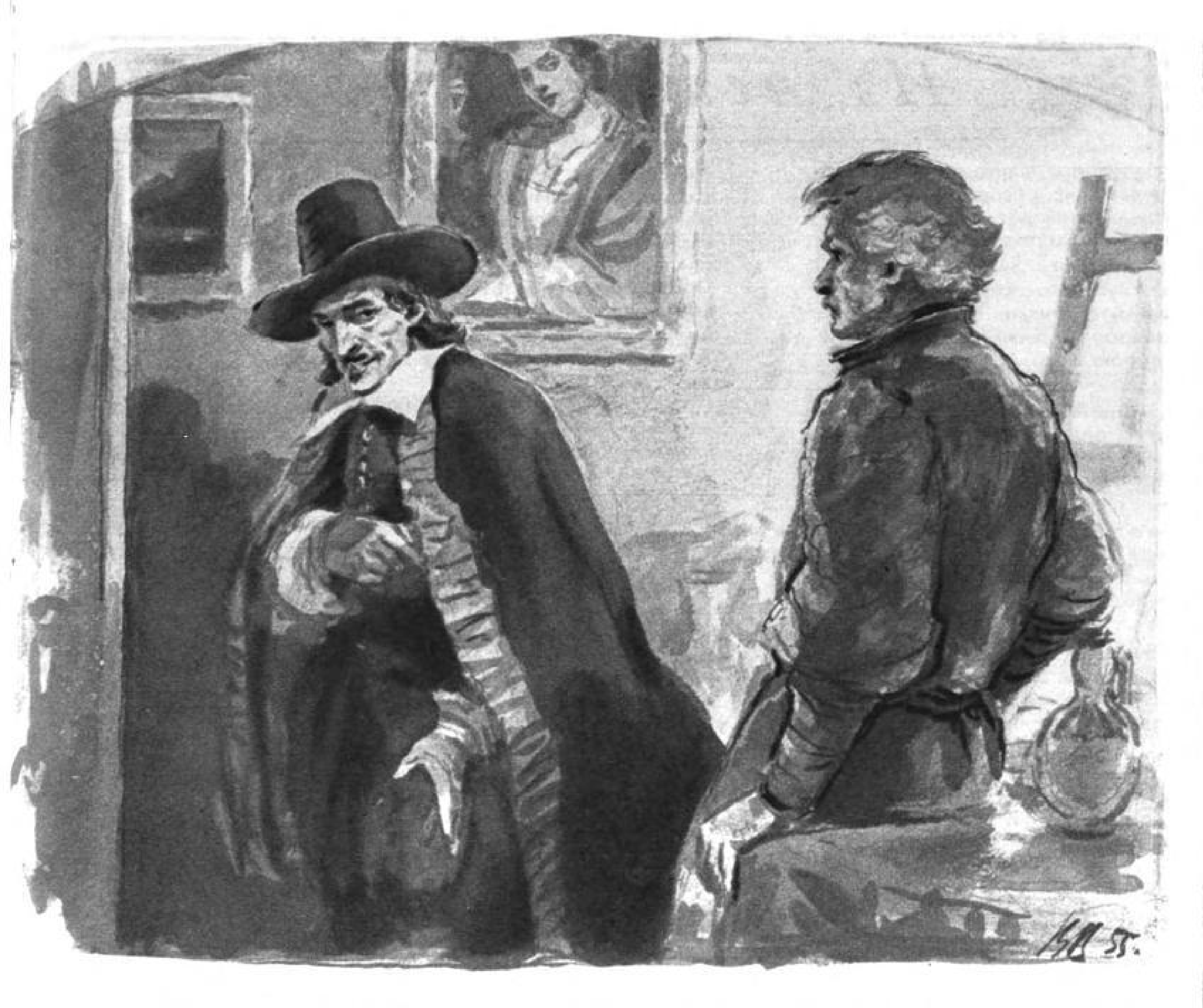
Ван Людиг осуждающе покачивал головой.

— Но почему же вам не жить по-иному, если все эти безделушки поглощают столько денег? Если тебе не хватает, зачем же скупать все эти редкости, пускать на ветер золото?

Рембрандт презрительно усмехнулся.

— А ты полагаешь, что только богачи вправе покупать редкие и благородные вещи? Ты думаешь, что такие, как я, у кого дела идут плохо, должны довольствоваться тем, что красотой наслаждаются богатые?

Ван Людиг вдруг заторопился и перебил Рембрандта:

— Ты меня не понял. Я не знаю во всем Амстердаме человека, который умел бы, как ты, оценить красивую вещь. Кому же, как не тебе, обладать ими! Но,— он помедлил мгновение,— если человек в нужде, если другим платят его долговыми расписками, тогда... Тогда я спрашиваю себя: вправе ли ты оказывать помощь другим теми деньгами, которые причитаются, скажем, мне?

Рембрандт подошел к нему вплотную.

— Наконец-то ты заговорил прямо. Ну, хорошо. Значит, ты из-за этого удостоил меня своим посещением? Из-за этого ты разыгрываешь из себя попрошайку, из-за денег!

Ван Людиг продолжал все в том же жалобно-слезливом тоне, который он явно перенял у амстердамских купцов:

— Но ведь и мне надо жить, любезный мой Рембрандт... У меня тоже есть обязанности, и я как-никак хотел бы их выполнять...

Последние слова он произнес с каким-то даже высокомерием. Глаза Рембрандта сузились и стали колючими.

— Сколько там денег, в расписке?

Он нагнулся над пергаментом. Руки его бессильно опустились.

— Нет, столько я уплатить не смогу. У меня нет таких денег.

Он еще раз взглянул на лежавшую перед ним бумагу, словно желая убедиться. Ему вспомнился день, даже час, когда он занял эту сумму у Сикса... Тогда это казалось просто, а теперь цифра, стоящая на бумаге, потрясла его. Пять тысяч гульденов! Легко ли сказать! Вот стоит эта цифра, выделяясь на пергаменте, а рядом еще дописано острыми буквами: «Пять тысяч».

Ван Людиг подошел поближе, настороженный, но решительный. Он протянул руку и вдруг выхватил расписку у Рембрандта, сложил ее втрое и аккуратно спрятал в карман. Недоверие, жадность, какое-то злое лукавство, сказавшиеся в этом движении, привели Рембрандта в ярость. Он готов был броситься на гостя с кулаками, но сдержал себя. Он только подошел к двери и широко распахнул ее. В мастерскую пахнуло холодом из передней. Рембрандт молча отступил на шаг назад.

Но когда ван Людиг молча проходил мимо него, Рембрандт почувствовал, что его игра проиграна. В улыбке его родственника были угроза и холодное презрение. На лице ван Людига была ясно написана злобная зависть мещанина к художнику, ненависть безыменного ничтожества к знаменитому человеку, который вдруг оказался в его власти. Этот образ торжествующей мести не покидал Рембрандта долго после того, как входная дверь захлопнулась за ван Людигом. Рембрандт понимал, что между ними далеко не все кончено,— наоборот, борьба только теперь начинается. Ему казалось, что голова у него разламывается на части, смутный страх неизвестности все больше охватывал его. Что же замышляет ван Людиг?

Вдруг Рембрандту все стало ясно. Он вспомнил, каким испытующим, оценивающим взглядом смотрел ван Людиг на произведения искусства, заполнявшие мастерскую. Вспомнилось и то, как он упорно несколько раз упоминал имя Сикса. Теперь понятно и то, почему Сикс уже долгое время избегал приходить к нему в дом — Сикс, старый друг, когда-то горячий поклонник и доброжелатель!.. Как только вступило в игру золото, Сикс сразу пожертвовал дружбой! Он не поколебался прислать вместо себя своего поверенного. Ясно, что ван Людиг был прислан сюда как шпион. Как доносчик и соглядатай Сикса! Итак, решено использовать против него даже родственников... Его, Рембрандта, добродушие было общеизвестным, он никогда не таил зла против людей... И вот теперь его родня, ван Людиг, проникает к нему в дом по поручению Сикса, чтобы убедиться, что выданные взаймы деньги еще не потеряны, что в доме Рембрандта не все еще распродано, что заимодавцу удастся выйти сухим из воды, разорив должника...

Рембрандт потерянно озирался вокруг. Бледное, искаженное страданием лицо глянуло на него из зеркала. Он отвернулся. Он чувствовал, что должен что-то сделать. Взгляд его упал на одну из средневековых фарфоровых статуэток. Он взял ее в руки. Юное лицо улыбалось загадочной, каменной, ничего не говорящей улыбкой. Рембрандт вертел статуэтку в пальцах. Ему вспомнилось, где и когда он купил ее и как был горд этим приобретением... Он подавил поднявшееся к горлу рыдание. Теперь они отнимут у него все, даже эти маленькие радости...

Он снова пристально поглядел на статуэтку. И вдруг высоко поднял ее вверх и с яростной силой швырнул на пол. Драгоценный фарфор разлетелся вдребезги.

Перевел Л. Чернявский.

Лирические стихи

Александр ЖАРОВ

Полнолуние

Ты прости, моя голуба,
Что нарушу отдых твой:
Встань с постели, полюбуйся
Полнолуньем над Москвой!

Ну, расстанься на минуту
Со своим тревожным сном...
Ночь в серебряной оправе
Ты увидишь за окном,

Упоенную покоем
Ночь неслыханной красы,
Чье молчанье прерывают
Лишь кремлевские часы.

Я стою под зимним небом
В эту полночь для того,
Чтобы издали отметить
День рожденья твоего.

Тихо-тихо льется в сердце
Белый, желтый, голубой
Свет, пронзивший расстоянье
Между мною и тобой.

С губ моих слетает слово,
Что при встрече не сказал.
Пусть оно к тебе стремится —
За Савеловский вокзал.

Ты прочтешь его в зигзагах
Резкой тени на снегу...
Это — все, что я сегодня
Подарить тебе могу.

В соседнем поселке

И сосны и елки в соседнем поселке
На снежную землю роняли иголки.
Туда
любоваться метелицей хвойной
Ходил я недавно с душою спокойной.

Ходил я тропинкой лесною, не зная,
Что скоро растает тропинка лесная.
А солнце все чаще с небес улыбалось,
И вот —
от зимы ничего не осталось...

Опять в вечерний час за палисадом
В зеленом шуме слышу голос твой.
И вижу я весну
с тобою рядом.
Прости-прощай,
Души моей покой!

Серебряный тополь беседует с вишней,
С подружкою тайной, с подружкой
давнишней,
О дальней дубраве, о мягкой лужайке,
Где можно
сказать о любви без утайки.

И мне в эти дни вспоминается снова
Сиреневый сумрак уюта лесного,
Когда угасала заря, зажигая
Огни
твоих ласковых глаз, дорогая...

Опять в вечерний час за палисадом
В зеленом шуме слышу голос твой.
И вижу я весну
с тобою рядом.
Прости-прощай,
Души моей покой!

Из чешских поэтов

Там, где ты прошел...

Витезслав НЕЗВАЛ

Проходит человек, снуют ужи в песке —
все оставляет след живой, непреходящий.
Каракули детей на грифельной доске,
как пращуров следы средь первобытной чащи.

И лава, устремясь из глубины времен,
сдвигает горы с мест и сотрясает землю.
Пылают в вышине полотнища знамен,
но алчущий дикарь порою в людях дремлет.

Безмерно веря в то, что край, где ты рожден,
прекрасней всех других, припоминая детство,
на вьющийся ручей и на лесистый склон
ты вот уж сколько лет не можешь наглядеться.

Ты также убежден, что этой красоте
обязаны твои раздумья и творенья,
что в мире женщин нет прекраснее, чем те,
которых ты встречал под этой отчей сенью.

Что нет библиотек обширней и древней,
что нет садов пышней, листвы свежей и краше,
что в мире не найдешь отважнее князей,
пленительней принцесс, чем те, что в сказках наших.

Что, сколько ни ищи, не встретишь ты вовек
прекрасней городов и гармоничней зданий,
что нет нигде таких богатых рыбой рек,
что нет сочнее груш, цветов благоуханней.

На деле этот край обыден, скромен, мал,
туристов не влечет, красою не блистает.
Ты девушек совсем обычных обнимал,
в родном лесу встречал не льва, а горностая.

И стих твой был рожден всей здешнею нуждой,
и в детстве ты играл с детьми моравских горцев,
и сам ты не герой, а человек простой.
Твой многотрудный путь не по цветам простерся.

Над зыбкою твоей склонялся бедный сад,
ты в сказках находил черты родного края.
И острый запах риг, конюшен и сараев
приятен был тебе, как тонкий аромат.

Но что же ты в листве на пасеке искал?
Болотистый ручей казался океаном,
обточенный валун — нагроможденьем скал,
а глинистый бугор — сверкающим Монбланом.

Природы тайники тебе открыл сурок,
картошка, чуть привяв, пропахла далью прерий.
Сверкает ярче звезд рождественских снежок,
а песенка сверчка дороже всех мистерий.

Пускай же целый мир завидует тебе:
озера, и пески, и пальмы побережий,
и замки, и дворцы в узорчатой резьбе,
и водопадов блеск, и моря ветер свежий.

Ты любишь будний день и люд мастеровой,
рабочий свой костюм, удобный и неброский,
просторный школьный класс с барометром, с доской.
К чему тебе, скажи, тропическая роскошь?

И есть ли что милей, чем горьковатый сок
зеленых стебельков, чем рóсы ранней ранью,
и в голубой пыльце неяркий василек,
и августовский луг, и маков увяданье?

Зачем тебе залив с Везувием, скажи?
Зачем тебе цветы невиданной раскраски,
матросов пьяный крик, ковбойские ножи
и срубы старых ферм среди полей техасских?

Ты не жалей о том, Моравии поэт,
что слышал на заре не крики попугая,
а ржание кобыл: потери в этом нет.
Места, где ты рожден, от края и до края

за два иль три часа машина обойдет.
Зато здесь близко все, знакомо не по книгам.
Ты рад, что ближе всех тебе простой народ,
что клубом был тебе знакомый сельский выгон.

Ты без иллюзий жил, той близостью согрет,
весь мир стремясь извлечь из первобытной кожи.
Там, где прошли стада, там ты прошел, поэт.
И этот зримый след ничто стереть не сможет.

Перевел Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

Будущая песня

Ян ПИЛАРЖ

I

Малютка Ева,
мой ребенок милый,
ты в незабудках глазки свои мыла, —
мне чудится, когда я вглядываюсь в них,
что небо вижу я.

Подходит вечер.
Жду тебя.
Прислушиваюсь: вот ты двери приоткрыла —
и колокольчик-смех ко мне проник.

Смеясь, выглядываешь отовсюду:
из дел моих,
из всех бумаг и книг;
когда в окно смотрю я на Градчаны,
как будто говоришь:
явился гость желанный,
отбрось дела,
забудь про все на миг!

Весь мир — в тебе! Нет в мире краше дочек!
К тебе мой каждый шаг стремится.
Ты — мой душистый беленький цветочек,
ты — непоседа, озорница.

Ты — вдохновительница самых лучших дел
и героиня самых светлых снов.

Малютка Ева, листик, что слетел
в ладони наши
с песнею про новь!

II

Была весна, такая ж, как сейчас.
Деревья ветками в цвету касались нас.

Но были в пятнах крови мостовые,
когда мы с мамою по Праге шли впервые.

Весенний воздух порохом пропах,
и флаги красные горели на домах.

Дышали мы, забыв кошмар былого,
как будто родились в то утро снова.

Кружилась голова. Стволы орудий грозных
еще теплы на танках краснозвездных.

Нас уносил поток людской вперед,
как поплавки речной водоворот.

Не знаем сами, как ушли из Праги.
И в деревнях везде горели флаги.

Мы видели крестьянок-матерей,
с красноармейцами стоявших у дверей,

дававших приласкать ребят своих
тем, кто сражался доблестно за них.

Как много в фартуки скатилось слез
горячих...
Подростки на лугу пасли коней казачьих,

И были конники, что стали на привал,
такими ж, как их Алеш рисовал...

Быть может, дочка, то был сон поэта!
Теперь легендой кажется все это,

старинной сказкой, что, душа моя,
ты слушаешь, дыханье затая.

Старинное присловье «жили-были» —
начало полусказки, полубыли.

А жизнь летит Жар-птицей неземной
над вновь расцветшей Чехией родной.

Льют аромат, волнующий до боли,
наш деревенский сад, и лес, и поле...

Мы искристой воды из наших рек
не променяем ни на что вовек!

III

Я за тобой бегу. Мелькает платье
среди березок с белою корой.
Ты хочешь мотылька и облачко погладить
и солнышко, пока не скрылось за горой.

А ножки так малы! Упрячутся в ладони, —
но по лугам снуют, как ветерок шальной.
Цветы перед тобой склоняются в поклоне...
Как счастлив я! Как рад, что ты со мной!

Я написать хотел о смешанной с цветами
зеленой травке, мягкой, что ковер,
о деревцах, склоненных над ручьями,
о легком ветерке, летящем с гор.

Я написать хотел о нашем возрожденье,
о том, что в этих пережил местах,
когда мы за свободу шли в сраженье...
Но только ты одна в моих мечтах.

Куда бы я ни шел и что бы я ни делал, —
парит, как облако, твой образ надо мной,
такой лучистый, легкий,
нежнобелый,
такой любимый и такой родной.

При мысли о тебе, шалунья-пчелка,
передо мной отчизна предстает.
Я через век борьбы шагаю с чувством долга,
с надеждой, с песней бодрою вперед.

Я для твоих шагов воздушных, шаловливых
стираю призрак смерти со стены.
Я для таких, как ты, ребят счастливых,
с порога прочь гоню тень атомной войны.

Не бойся! Не дадим истечь мы солнцу
кровью,
мы сохраним березы и цветы.
Нас много на земле, с отвагой и любовью
мир берегущих для таких, как ты!..

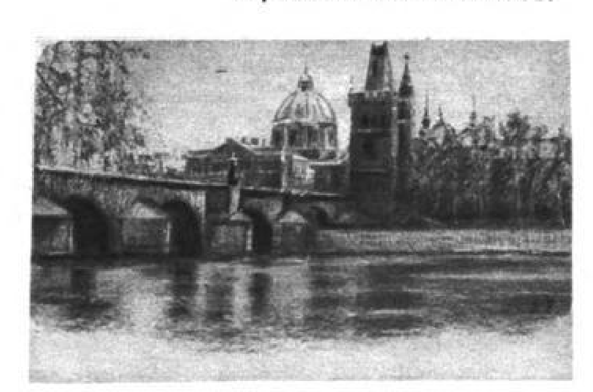
Гоняюсь за тобой я на лугу цветущем...
А жизнь, как пашня теплая, свежа,
и урожай растит, мечтая о грядущем,
посевом нашей правды дорожа.

IV

Я не успел стихи дописать:
в дверь ворвалась непоседа,
влезла ко мне на колени.
Май за окном.
День Победы.
Чехия — улей весенний.

Ты ведешь меня за руку,
смехом звеня.
На улице ветер флаги колышет.
Пусть этот праздничный день сам допишет
мои стихи за меня.
Расколешь когда-нибудь их, как орехи,
и, пробуя фразу за фразой,
в будущей песне услышишь о Чехии,
прославленной, голубоглазой!

Перевел Павел ЖЕЛЕЗНОВ.

Москва. В мартовский день на солнечной стороне...

Фото Р. Лихач.

ПЯТЬ ТЫСЯЧ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Это настоящие путешественники. Большинство из них проделало путь в сотни, тысячи километров, пересекало океаны, поднималось в воздух, тряслось в вагонах. На их почтовых паспортах визы далеких городов — Лондона, Токио, Вены, Хельсинки. Конечный пункт путешествия у всех одинаков: Москва, Государственная библиотека имени В. И. Ленина. Пять тысяч книг, газет, журналов прибывает ежедневно по этому адресу.

Здесь, на столе отдела комплектования, соседствуют научные немецкие издания с французскими журналами мод, китайские и польские, турецкие и финские, итальянские и монгольские газеты, конверты из Японии и Парижа, бандероли из Бельгии.

Нам показывают пачку писем, полученных за два дня. Это ответы от итальянских редакций «Индустрия Минерария», «Италиа Агрикола», «Иль Чементо», от Общества по расширению применения электричества (Париж), от Института топлива в Лондоне и многих других организаций. «Посылаем вам номер нашего журнала, чтобы сейчас же вступить в обменные отношения», «Из ваших журналов просим присылать по вашему выбору те, которые вы считаете наиболее интересными и ценными с научной точки зрения».

Сейчас с библиотекой ведут международный книгообмен более 800 организаций 52 стран, а в прошлом году их было 600.

...На столе выросли стопки книг. Болгария прислала яркие детские книжки, избранные произведения Некрасова, Шиллера, Твена; Корея — книги Фурманова, Фаста. Из Парижа прибыл альбом «Веласкес» с великолепными репродукциями; из Нью-Йорка — увесистый фолиант многотомной Национальной американской энциклопедии биографий.

По коридору провозят в специальных тележках объемистые пачки. Это прибыли так называемые обязательные экземпляры, высылаемые всеми издательствами.

Здесь собирают книги, газеты, журналы, ноты, карты — все печатное, кроме афиш, конфетных бумажек, трамвайных билетов и тому подобного.

В одной из комнат разместились не совсем обычные путешественники: редкие и ценные книги.

На столе библиографа немало интересных изданий. Вот несколько древних церковнославянских томов, на которые время наложило заметный отпечаток; вот альбом художника пушкинской поры, газетные листы «Социал-демократа» 1914 года со статьями В. И. Ленина. На одной книге имя Пушкина: «Евгений Онегин» издан в 1919 году в Манчестере.

Е. ВЕЛТИСТОВ

Народная площадь.

ДЕНЬ НА УЛИЦАХ РИМА

Андрей НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Над Римом поднимается солнце. Лучи его, выбравшись из-за холмов, скользят по акведукам, «сработанным еще рабами Рима», ложатся вдоль ведущего в город шоссе, по которому величаво, переваливаясь с боку на бок, шествуют потомки знаменитых римских гусей. Катит тележку пожилой человек, на ней огромная, напоминающая пианино шарманка. Жена подталкивает тележку сзади, пока наконец железные ободья колес не начинают стучать по булыжникам Трастевере. На маленькой площади тележка останавливается, и под нехитрый аккомпанемент льются первые звуки песни:

«Эта песня за два сольди, которые вы дадите шарманщику. Песня для тех, кто рано встает, кто мечтает и надеется. Слушатели выглядывают из окон, несложный мотив и слова повторяет прохожий».

Песенка стала популярной после ежегодного конкурса в Генуе.

На правом берегу Тибра просыпается Трастевере. В узенькой улочке показались школьники с сумками. Заметив, что я их фотографирую, они принимают театральные позы.

Один мальчик пристально разглядывает мой «Киев».

— Советский?

— Да.

— Значит, и вы тоже?

Не успел я ответить утвердительно, как резкий свист ударил в барабанные перепонки.

— Пэпе, Марио, Роберто! Скорей сюда! Это человек из Москвы!

Мгновенно собралась когорта юных римлян.

— Опять Марчелло врет,— сказал кто-то из мальчиков.

По глазам Марчелло я понял, что он не в первый раз попадается на «неточностях». Надо было спасать его авторитет. В качестве вещественного доказательства извлекаю конфеты, на обертке которых изображена Спасская башня. Марчелло сообщнически подмигнул мне. Теперь вопросы сыпались, как пулеметная очередь. Ребята перебивали друг друга, козыряя своей действительно замечательной осведомленностью о Москве.

— А очень холодно сейчас там?

— Тридцать пять градусов. Маленькие ребята даже не ходят в школу.

— Вот здорово! — Вздох удивления с явным оттенком зависти...

Шарманщик все еще стоял на том же углу, а песня продолжала свой путь по Риму. Она незримо перебралась через Тибр, пошла по большим улицам и площадям. Ее насвистывал направлявшийся на завод рабочий и прогуливающийся без дела парень, как видно, безработный. Ее напевал продавец сувениров, роясь в деревянном ящичке, полном металлических безделушек и открыток с видами Рима. На улице Систина вполголоса тянул тот же мотив уборщик, подметая мостовую возле большого серого дома с мемориальной доской, гласившей, что здесь Н. В. Гоголь писал «Мертвые души».

На маленьком базарчике, которых в Риме множество, толстая торговка, еще не успевшая разложить товар, кричит:

— Спешите купить, последние! Бананы, апельсины!

В белой эмалированной посуде «дары моря». Если вас угостят «зуппе ди пеше», вы там найдете рыбу, креветок, устриц, ракушки, и сверху будет лежать маленький осьминог.

Подходит время обеда. Из двери небольшого ресторана на меня пахнуло жареным мясом, пряностями. За столом в центре сидели американцы и ели рыбу.

— Что будет кушать синьор? — спросил подошедший хозяин. Он внимательно посмотрел на коробку с папиросами «Казбек», которую я держал в руке.

— Пожалуйста, какой-нибудь рыбы.

— У меня нет рыбы, сегодня четверг. Во вторник, синьор, во вторник,— подчеркивает он,— нам привозят свежую рыбу с моря.

— А что же едят эти посетители? — Я кивнул головой в сторону центрального стола.

— Они пусть едят,— ответил хозяин.

Прощаясь, я заметил:

— Значит, вы мне все-таки не дали рыбы.

Улыбка оплаченной вежливости слетела мгновенно с лица хозяина. Он улыбнулся просто, как хороший парень.

— Я увидел, что синьор — русский, и не хотел, чтобы в Москве плохо говорили о моем ресторане.

Наш постоянный римский спутник — песня — помогает понять характер и нравы города. На сей раз это ария из старинной оперы, которую поет на стоянке шофер такси, обладатель хорошего тенора. Он вышел из машины, подтолкнул ее плечом на освободившееся место и снова уселся за руль, продолжая петь. Сезон не туристский, пассажиров мало. Песня уже кончалась, когда из вокзала вышли высокий мужчина и сухопарая дама — иностранцы.

В Италии ежегодно бывает около десяти миллионов туристов, почти все они посещают Рим и ездят на такси. Шофер насвистывает веселую тарантеллу. Еще бы! Пассажиры хотят объехать город, у них три часа времени, а у шофера трое детей.

— Сперва в Колизей!

— Пожалуйста.

Тарантелла звучит «темпо виваче».

Колизей... Здесь некогда римляне аплодировали гладиатору-победителю, ступившему ногой на грудь поверженного «врага». Здесь среди искусственных холмов и пещер бродили слоны, львы выходили из люков на арену. Теперь же грелись на солнце кошки. Это были бездомные «плебеи», ибо породистых кошек богатые люди держат в домах, для таких кошек есть даже санаторий невдалеке от Рима, они получают там регулярное питание и дышат свежим морским воздухом...

Несколько гидов и фотографов сидят без дела в пустынном Колизее. Завидев высокого мужчину и сухопарую даму, один из гидов поспешно направляется к ним.

— В восьмидесятом году, когда Колизей был уже...— начинает он привычно, но умолкает, заметив сопровождающего туристов шофера такси. Оба знают, как трудно заработать малую толику лир, и гид великодушно уступает свою роль шоферу. Но супругам-туристам некогда отправляться в седую древность, они поспешно фотографируются с кошками, и дверка такси снова захлопывается за ними...

Площадь святого Петра — место наибольшего наплыва приезжих. Гвардия из швейцарцев охраняет вход в государство Ватикан. Его территория — сорок четыре гектара, но оно считает себя властителем душ сотен миллионов верующих католиков.

Собор святого Петра. Идет служба. Звучит орган, поют мальчики, вытягивая тощие шеи из воротников алых мантий. Они подталкивают локтем друг друга, перешептываются и пересмеиваются, завидев входящих в собор неаполитанцев, на которых национальные костюмы. Дети остаются детьми.

Над Римом спускается вечер. Загораются огни реклам на улицах. Оживленно у подъездов кино и театров.

На узенькой улочке совсем темно. На тротуаре стоит парень и глядит наверх, в занавешенное окно.

— Ну, выйди, Фиора,— твердит он.

— Нельзя, Альберто. Ты же знаешь, отец...

— Выходи. Будем целоваться, как вчера.

Пауза. Окно раскрывается, в упавшем световом луче — толстое лицо с усами.

— Долго ли ты будешь тут скулить?

— Не грубовато ли так говорить будущему зятю, синьор Андреа? — возражает раздосадованный Альберто.

Засунув руки в карманы, он резко поворачивается и медленно исчезает в темноте. Его уже не видно, только слышно, как он поет «Арривидерчи, Рома».

Это распространенная песенка, в которой туристы прощаются с Римом, с фонтаном Треви, с извозчиками, тратториями, с акведуками, с парком на холме Пинча.

До свидания, Рим!

Вечером у фонтана на площади святого Петра.

Набережная Тибра. Замок святого Ангела.

В РИМЕ

Фото А. НОВИКОВА.

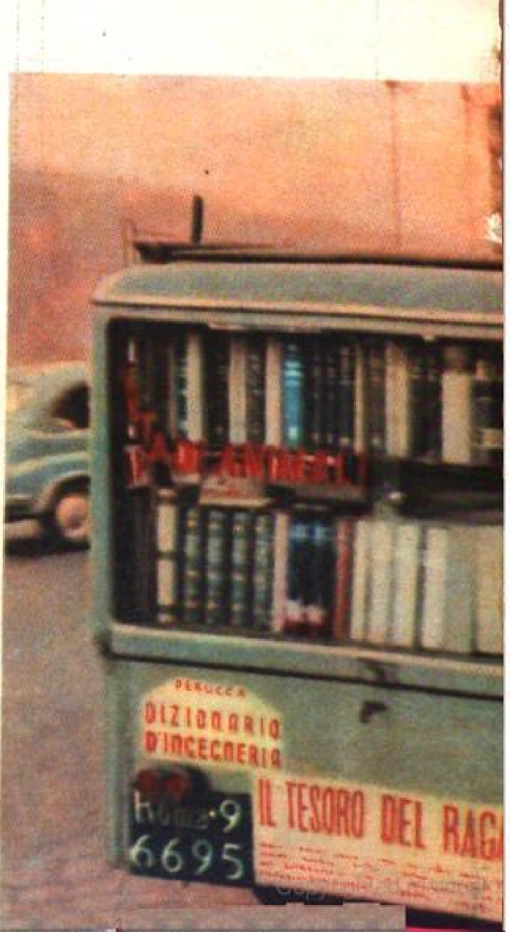
«Огонек». 1956.

На площади святого Петра.

Развалины Римского форума.

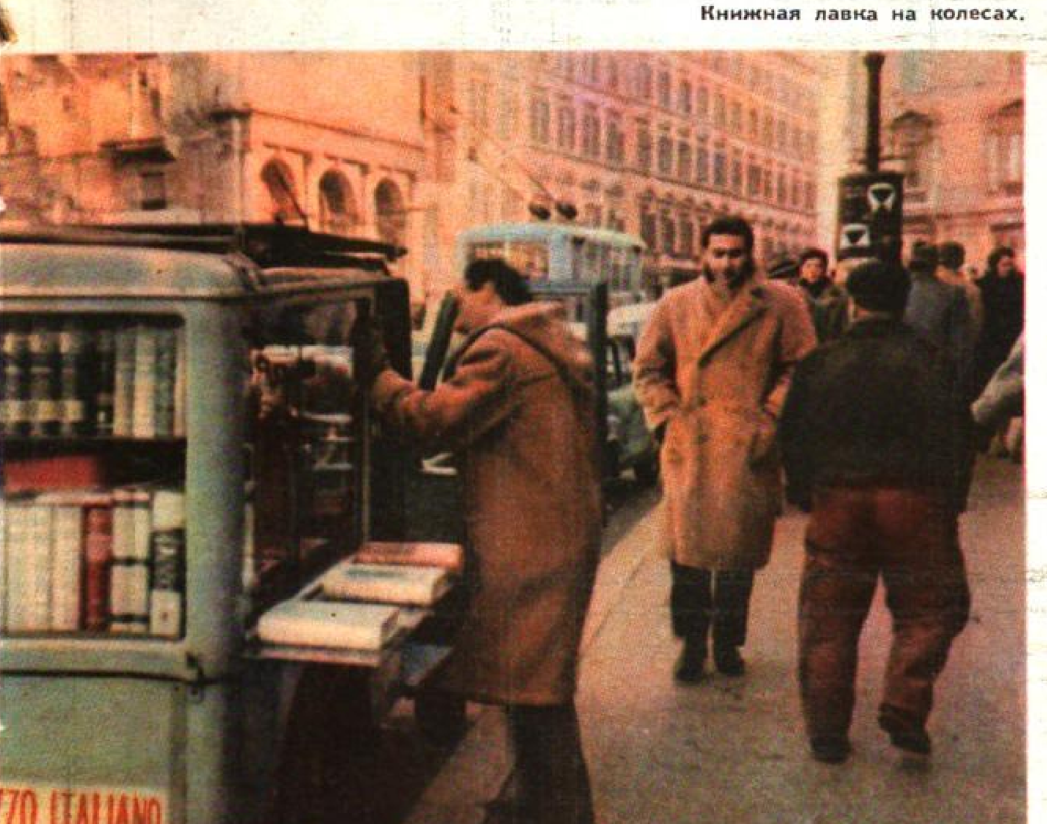
В Колизее. Гиды ждут посетителей.

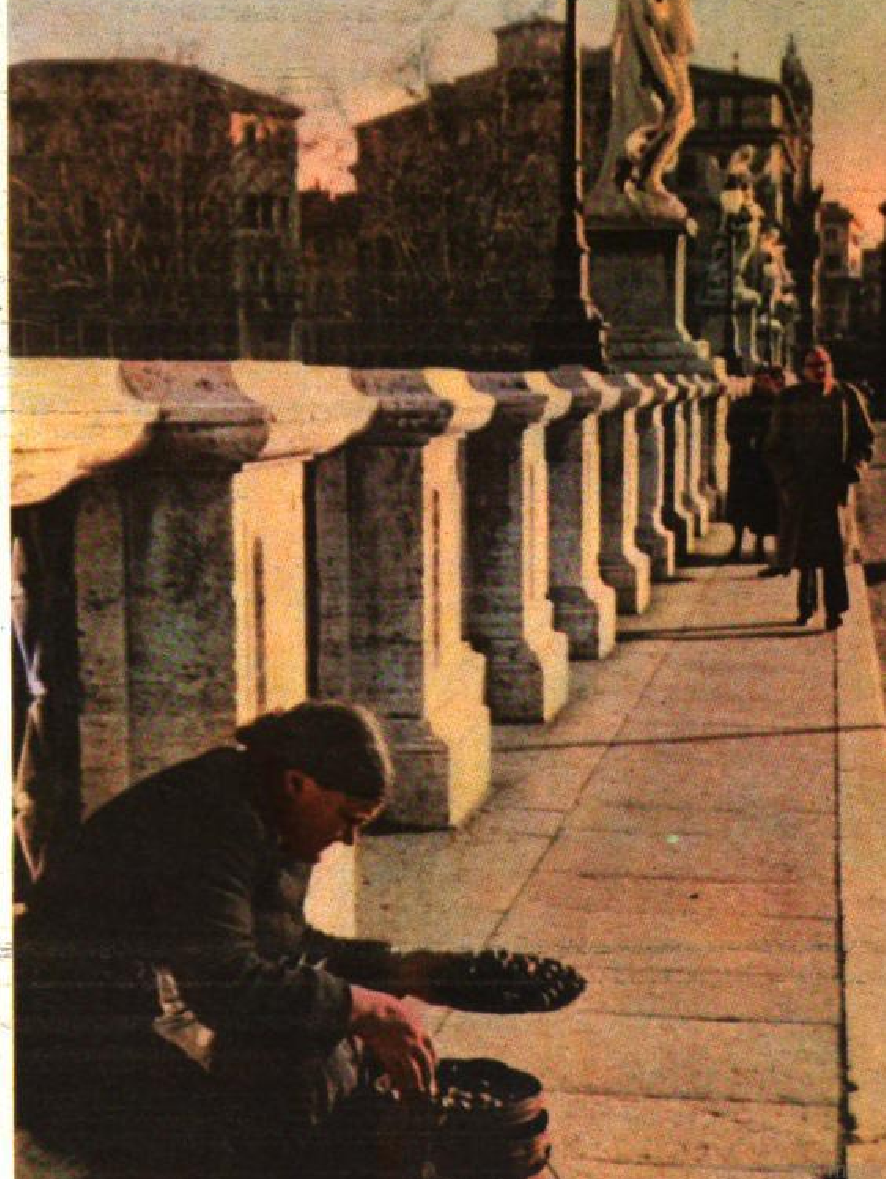

И в феврале на улицах много цветов.

Книжная лавка на колесах.

Продавщица каштанов на мосту святого Ангела.

Ночью на улице Националь.

СТАЛЬ—ЭТО ЛЮДИ

Стефан ГЕЙМ

Рисунки немецкого художника **КЛЮГЕ.**

* * *

Самое главное в том, чтобы достижение одного превратилось в достижение коллектива. Это все равно как в горах. Самая высокая вершина не та, что стоит одиноко на равнине, а та, которая окружена тянущимися к ней другими вершинами.

Мы на ежедневном коротком совещании у директора завода. Этот человек, прочно сидящий на стуле,— само спокойствие, он энергичен, немногословен, всегда попадает кратким замечанием в самую цель, в сердцевину обсуждаемого вопроса. Здесь же разместились секретарь парторганизации завода, председатель заводского комитета, руководитель планового бюро, главный диспетчер, начальники цехов — мартеновского, прокатного, литейного.

Директор завода Геллер — бывший слесарь, теперь он экономист с высшим специальным образованием. При нацистах провел два с половиной года в тюрьме и концлагере, потом удалось бежать, пробраться в Чехословакию, в Англию. В 1945-м, вернувшись на родину, он руководил конфискацией собственности военных преступников в Саксен-Ангальте, работал на заводах, упорно учился. В день назначения его директором в Хеннигсдорф он сдавал последний экзамен в учебном заведении.

— Я взялся за руководство этим заводом с большой внутренней неуверенностью,— признается Геллер.— Сталелитейный и прокатный завод в Хеннигсдорфе всегда считался нелегким предприятием... А теперь... Я просто полюбил завод: тут такие великолепные люди, они понимают все с полуслова...

Кабинет директора находится в простой, барачного типа, выбеленной известкой постройке. Добраться сюда можно только через лабиринт коридоров и темных лестниц. В самом кабинете никакого намека на комфорт, не говоря уже о роскоши. Директор-капиталист не сидел бы здесь и пяти минут: ведь здесь нет шкафчика для коктейлей и набора сигар различных марок...

Директор — самый старый в кругу сидящих. Его сотрудники — люди в возрасте не свыше 28—30 лет. Заводская интеллигенция, техническая и административная, вся состоит из представителей молодого поколения, и все они дети рабочих или сами бывшие рабочие; это видно по их крепким, грубоватым рукам. Таков штаб завода.

На оперативном совещании обсуждается, как выполнен каждой печью, машиной, бригадой, сменой ежедневный план, превышающий благодаря внесенным самими рабочими поправкам наметки государственного плана. Об этом же рассказывают цифры на досках, установленных в цехах и на заводском дворе. Выполнение отмечается черной краской, перевыполнение — красной. Один взгляд на доску дает всю картину жизни завода.

После совещания директор, секретарь парторганизации, руководители цехов отправляются к рабочим, и не только туда, откуда идут красные цифры перевыполнения, но и туда, где о неблагополучии с планом свидетельствуют особые сигналы, вывешиваемые на досках. Трудности и недостатки устраняются тут же, на месте.

* * *

Название «прокатная улица»[1] выбрано очень удачно. И в самом деле, стальные слитки, доведенные до белого каления в нагревательных печах, словно разгуливают по широкой стальной улице. Что только не делается здесь с металлом! Вначале слиток короток и толст, как банкир, или депутат парламента, или спекулянт маргарином. Внезапно его хватают невидимые руки, волокут к отверстию, задают между двух валков, гоняют взад и вперед, и он вытягивается все больше в длину, извивается, словно от боли, его снова хватают, толкают вперед, пропускают сквозь другие валки, давят, мнут, как тесто, катают... В конце концов из толстяка получается нечто годное для дела: длинный граненый предмет, который распиливают на заготовки, и каждая из них после некоторой передышки снова идет на рольганги — к меньшим калибрам.

Это новое испытание заготовка проходит в том же порядке, как и ее толстяк-отец. Ее тоже разогревают, долго таскают через валки — и вот она уже превратилась в длинную раскаленную змею. Но тут ее хватают щипцы, которые держит рабочий, и ведут к нужному калибру: в этой работе нужен точный расчет на секунды и сантиметры. Кто видел когда-либо китайских танцоров, вертящих десятки пестрых лент в фантастических извивах, тот может составить себе представление о молчаливом танце пылающих стальных змей на прокатном стане.

Тут нужны большое умение, крепкие нервы и сосредоточенность, и естественно, что через каждые полчаса рабочий здесь получает отдых.

От прокатного стана ко мне идет человек, рослый, широкоплечий, в замызганной кепке, сдвинутой на ухо. Он идет с протянутой рукой и улыбается,— за такую белозубую улыбку ему дали бы немалые деньги в киностудии. Но я надеюсь, что его не увлечет судьба кинозвезды, потому что улыбаться могут многие, а катать металл так, как вальцовщик Ганс Костож,— единицы.

Что он за человек, этот Костож, прокатавший со своей бригадой в прошлом году на 3 тысячи тонн больше стали, чем любая из двух других смен?

Руководители предприятия пытались дознаться, в чем секрет

Ганс Костож, бригадир-вальцовщик.

его успеха. Вначале Ганс Костож пожимал плечами. Одни умеют, другие нет — так приблизительно отвечал он. Потом, когда расспросы стали настойчивее, он сказал:

— Организация. Дисциплина. Со мной ребята работают охотно, хотя я и бываю крут, это верно. Они знают, что хорошо заработают.

Но и это ничего не объясняло. Надо было сделать так, чтобы не только смена Костожа, но и обе другие давали больше проката и лучше зарабатывали.

— Смотрите, — разговорился наконец Костож,— я стою здесь, и ребята видят меня. Даю знак рукой, и они знают, что надо делать. Когда они работают, я все время наблюдаю за ними. А когда работаю я, они присматриваются ко мне.

Его больше не расспрашивали. Было ясно, что у Костожа еще много секретов и все они добыты из практики: за восемь лет в школе он не мог, конечно, научиться этому, а в техникум он до сих пор еще не поступил.

Для Костожа создали специальную должность — инструктора всех трех смен. Уча других, он будет учиться сам, и так все вместе шагнут вперед.

Но настоящий секрет Костожа, как мне кажется, заключается в том, что его страсть — не столько придавать нужную форму прокатываемой стали, сколько формовать людей.

Когда мы беседовали с ним, он сказал:

— Я воспитал для себя людей.— Он сказал это без всякого пафоса, как о чем-то очень простом и заурядном.— Нелегкое это дело,— добавил он.— С людьми надо обращаться осторожно, потому что они разные. Их надо узнать и понять, каждого в отдельности, разговаривать с ними, понемногу внушать им новые приемы работы, пока они твердо их не усвоят...

Так говорил тридцатилетний вальцовщик, член целой династии металлургов. Отец его, брат и три сестры — все работают на этом заводе.

— Сколько времени вы при этом деле? — спрашиваю я.

— Шесть лет.

— А шесть лет тому назад была у вас эта мысль — обрабатывать людей, учить их новому?

— Ну, нет,— усмехается он.— Раньше я сам не очень верил во все это. Вы ведь знаете, с чего мы начинали. Кусок черного хлеба с подсолнечным маслом — вот и весь дневной рацион. Но я сказал себе: сначала надо давать прокат, а потом уж и в кармане кое-что заведется. Это как на пашне: сначала посей, потом снимешь урожай.

— Значит, вы теперь помогаете и другим сменам. Как вы это делаете?

— Я вам приведу пример,— оживляется Костож.— Прокатанный через валки слиток разрезают на заготовки дисковой пилой. Полотно пилы изнашивается. Слесарь должен сменить его. Он вынимает старый диск, уходит на пятнадцать — двадцать минут и наконец возвращается с новым. Все это время прокатный стан стоит, продукции нет. Разве нельзя сделать так, чтобы тут же, у стана, всегда было новое, запасное полотно, пока старое еще работает?

Он улыбается.

— Конечно, есть люди,— продолжает бригадир,— которые говорят: мы так работали годами, по-старому, зачем нам теперь выдумывать всякие новшества? Им я отвечаю: а сами вы разве такие же, какими были в детстве? Все меняется, нельзя без конца ползти на одной скорости. Надо делать скорее и лучше.

— И люди вам верят?

— Если правильно за них возьмешься.— Костож хмурит лоб и сдвигает кепку совсем на затылок.— Видите ли, каждого человека надо сделать ответственным за что-либо. Я говорю, скажем, одному: «Ты отвечаешь вот за это!» Он сразу меняется, у него и подход к делу становится другой. Конечно, я ему показываю, как и что. А если кто воротит нос, и фыркает, и не хочет ничему учиться, я говорю напрямик: «Отправляйся домой, ищи себе другое дело, ты мешаешь бригаде, тянешь назад выработку...» Но такие случаи редки. Я вообще полагаю,

Окончание. См. «Огонек» № 13.

[1] Walzstrasse — линия прокатного стана, «прокатная улица».

что грозить и долбить всякими словами по черепу — дело никчемное, от этого толку не бывает. Человек будет работать из-под палки. А надо убеждать, самому подавать пример, надо учить ценить успех всей бригады и всего цеха.

— Как вы пришли к этим мыслям? Вы что, Макаренко читали? Вообще, вы читаете что-нибудь?

Нет, ему не удается много читать: к вечеру он слишком устает.

— Моя работа требует затраты нервов,— объясняет он.

Я вдруг замечаю, что волосы этого молодого человека сильно подернуты сединой, а в уголках глаз ветвятся глубокие морщинки. Но он упорно делает свое дело вместе с партией, к которой принадлежит с 1952 года. Знает ли он это сам или нет, но многому в подходе к людям он научился именно у партии рабочего класса.

* * *

Новая техника есть повсюду. Но при капитализме она приходит только сверху, от инженеров и конструкторов, которые получают за свои изобретения и усовершенствования более или менее хорошую мзду от предпринимателя. Рабочий там никогда не согласится подарить хозяину какое-нибудь техническое новшество, да он и боится, чтобы «рационализация» не выбросила его и его товарищей за ворота.

При социализме новая техника растет также и снизу, от самих рабочих. Правда, не от всех и не сразу, но уже от многих, которые поняли, что это им ничем не угрожает, а, наоборот, служит на пользу.

Но как становится рабочий Германской Демократической Республики изобретателем или рационализатором? Как это происходит на практике?

В разливочном пролете все знают старика Георга Графа, ковшевого, в его облезшей от дождей, ветра и огня войлочной шляпе, поля которой всегда опущены вниз, как у старого гриба, который догнивает по осени в тени какого-нибудь дерева.

Жизнь старого Графа — это целый кусок истории немецкого рабочего движения. Уже в 1915 году он вступил в социал-демократическую партию. В восемнадцатом дезертировал из кайзеровской армии; он был, по его собственному выражению, «по горло сыт этим мошенничеством». Но он был не пацифистом, а боевым, сознательным пролетарием, и в ноябре восемнадцатого дрался в Берлине на баррикадах, а в двадцатом с винтовкой в руках бил путчистов господина Каппа. При нацистах он тоже не вел себя тихоней: гестапо дважды сажало его за решетку, один раз за «распространение коммунистической литературы», другой раз за то, что уже во время войны он доставлял еду пригнанным из Польши подневольным рабочим. В своей долгой жизни старый Граф работал и горняком, и стеклодувом, и вязал веники, и, наконец, стал литейщиком. Он не гнушался никакой работой, не гнушается и сейчас: он делает «стопоры» для ковшей. Это двухметровый стальной стержень с надетыми на него огнеупорными катушками. Им закрывают отверстие в ковше, из которого сталь разливается по изложницам. После каждого разлива для ковша надо готовить свежий стопор. Этим и занимается Георг Граф со своими подручными.

Георг Граф, ковшевой.

До сих пор было так, что старик готовил стопоры в своей будке, а потом приподымал тяжелую «игрушку», оттаскивал в сторону и отдавал помощникам. А Георг Граф вовсе не силач, и ему уже 59 лет.

— Я часто болел от перенапряжения,— говорит он.— Пришлось раскинуть мозгами, подумать о своей работе, о себе самом. Неужели мне так и пойти на свалку, окончательно подорвав силы? И тут пришла в голову идея, простая, меня словно озарило... Я сделал деревянную модель, показал ее инженерам, те одобрили, отдали слесарям — и вот...

Георг Граф тащит меня в угол, там действительно стоит его машина, подающая стопоры к ковшу.

— Тридцать процентов экономии времени! — гордо восклицает старик Граф.— И я снова здоров, работаю, вот недавно сам повысил норму...

Надо сказать, что за его изобретение, которым воспользовались не только в Хеннигсдорфе, он получил, по-моему, до нелепости мало. Я говорю это от своего имени,— Георг Граф слишком скромен и сдержан, чтобы просить что-либо для себя. Но именно о тихих людях, толкающих дело вперед без рекламы и шумихи, следовало бы больше всего заботиться.

* * *

Огромные раскаленные слитки бегают взад и вперед по стану, пролезают в отверстия калибров, возвращаются назад. Кто гоняет их?

Тут надо поднять голову вверх, и можно увидеть, чьи волшебные руки делают это. Наверху — пульт управления станом, своего рода «капитанский мостик» цеха. И хотя там сидит не рулевой, а четыре **женщины** и у каждой в руках не рулевое колесо, а целых три рычага, все здесь протекает в таком же деловом спокойствии, как и в штурманской рубке большого океанского корабля.

Одну из этих женщин зовут Гретель Галонска. Она тоже изобретательница, много думающая о технике своей работы. Раньше она была домашней прислугой, впрочем, и сейчас на ней лежит немало забот по хозяйству: в ее трехкомнатной квартире, где она живет с мужем и дочерью, царит образцовый порядок. В 1948 году муж ее заболел, нужно было содержать семью, и Гретель Галонска решила сделать шаг от домохозяйки к работнице — она пошла на завод. Начала она с подсобных работ: тогда женщины на квалифицированной работе еще не использовались. Через три года было решено проделать опыт — определить нескольких женщин ученицами на пульт управления прокатным станом. Срок для обучения им дали короткий — всего три недели. Среди этих женщин была и Гретель.

Гретель Галонска, вальцовщица.

— Мы сначала ужасно нервничали и никак не могли взять себя в руки,— говорит она.— К труду мы все были привычны, но то была физическая работа, а тут работать надо головой.

Она тихо смеется и добавляет:

— И потом мужские словечки разные тоже нам были непривычны...

— Ну, а теперь как?

— Мужчинам пришлось немного обуздать себя,— подмигивает Гретель.— На стане дела идут у нас, женщин, не так уж чтоб блестяще, но с каждым днем все лучше...

Изменилось не только отношение мужчин-вальцовщиков к женщинам. Улучшились и условия работы. Пульт управления, еще два года назад представлявший собой открытую пыльную площадку, где летом было жарко, а зимой холодно, теперь стал уютным домиком, со всех сторон закрытым широкими стеклянными окнами, с отоплением зимой и хорошей воздушной вентиляцией летом.

— Теперь и работать стало приятнее,— говорит Гретель Галонска.— И потом мы, женщины, уже не дрожим от страха. Я бы не могла больше жить без этой работы. Вы, может быть, не поверите, но однажды я сильно простудилась и две недели была на бюллетене,— я места себе дома не находила! Знаете, когда сама работаешь, как-то и с мужем отношения более товарищеские. Разумеется, и заработок твой в семье совсем не лишний. Мы кое-что приобрели себе, мой муж и я, обновили белье — оно после двадцати пяти лет супружеской жизни поизносилось, хорошее приданое справили дочери...

Я спросил, хочет ли она учиться, совершенствоваться в своей профессии.

— Я хотела поступить в техническую школу,— отвечает Гретель.— Меня туда направили. Но я сходила раз и оставила это дело.

— Почему?

— Я была единственной женщиной в группе. Мужчины стали насмехаться надо мной, я ведь мало что знаю в науках. Мне стало невмоготу, ну и...

«Когда же наконец,— подумал я про себя,— мужчины перестанут считать себя венцом творения? Когда поймут они, что женщина-работница может и должна рука об руку с ними делать общее дело?»

— Надо поступить по-иному,— продолжает между тем Гретель,— надо послать в профессиональную школу сразу несколько женщин. Тогда мы не будем себя чувствовать затерянными и беспомощными среди мужчин. Каждой из нас ведь тоже хочется стать человеком!.. У меня тут была одна идея... Если вы были у нас в будке, вы видели, что окна там скошены книзу. Когда попадают в будку солнечные лучи, они нас ослепляют, и мы плохо видим рольганги, по которым ходит слиток. А если — упаси боже! — слиток отнесет в сторону и он изломает арматуру стана, будет простой часа на три, не меньше! Я товарищам из охраны труда предложила: пусть поставят наклонный козырек из жести против солнечного света. Три часа простоя — это, знаете, много тонн проката, не шутка!..

Бывшая домохозяйка, жена рабочего с гордостью говорит о своих подругах.

— Наша бригада все еще впереди в соревновании! — восклицает она своим чистым, звонким голосом.— И мы уж постараемся не сплоховать и дальше!

* * *

— Все, что я знаю о людях, и многое из того, что мне известно о стали, я узнал в Советском Союзе.

Человек произносит это тихим, спокойным голосом, хотя, как говорят, он умеет так крикнуть, что задрожат стены.

С 1922 года Юлиус Мазур варит сталь. Сначала он делал ее для капиталистов, которые были безраздельными хозяевами Хеннигсдорфа, потом, в 1926-м, он отправился в Советский Союз — «посмотреть новую жизнь», как он говорит сам. В Советском Союзе он работал на металлургическом заводе в Краматорске, на «Серпе и молоте» в Москве и на «Уралмаше».

— Когда я приехал в Россию,— рассказывает Мазур тоном человека, вспоминающего что-то близкое и хорошее,— у них там дела были не лучше, чем у нас в 1945-м. Но потом все пошло вперед гигантскими шагами, начались пятилетки. Родилось соревнование, новаторство, рабочие взялись за техническую учебу,— словом, все, что теперь есть и у нас. При мне на «Серпе и молоте» установили стотонную печь вместо прежней, сорокатонной. Трудно все это давалось, но зато потом пошло легче...

Обстоятельства личного порядка заставили Юлиуса Мазура вернуться в Германию, где хозяйничали нацисты. Он, работавший в Советском Союзе заместителем директора металлургического завода, должен был на родине начать все сначала — с подсобного рабочего в литейном цехе.

Это и была эпоха капиталиста Флика.

— При Флике приходилось гнать сверхурочные часы, чтобы заработать на хлеб,— говорит Мазур, хмуря брови, и вдруг хватается рукой за грудь.— Что, думаете вы, вконец испортило мне сердце? По пятьдесят, по семьдесят часов в неделю работал на этого Флика, летом при восьмидесяти, даже девяноста градусах жары в литейной канаве! Простоять две смены было не редкость, выходных дней не полагалось. Ненавидели мы тогда работу!..

Когда в 1948 году в Хеннигсдорфе опять пошла сталь, Юлиус Мазур снова был на своем рабочем посту, но только все изменилось вокруг. Теперь он — начальник смены, и это ему обязан цех созданием доломитной трамбовки.

До последнего времени при повреждениях пода печи приходилось наваривать доломит горячим способом. Доломитная трамбовка, смонтированная на хоботе завалочной машины, может набивать доломит в поврежденное место подины. Экономия времени получается почти на 50 процентов.

— Теперь мне шестьдесят один,— говорит Мазур.— Две недели назад я вышел из больницы. Если выдержит сердце, я бы поработал еще лет десяток! С каждым днем ведь у нас все лучше становится, все новые дела, уходить не хочется...

Он говорит это с простой человеческой искренностью.

— Товарищ Мазур,— подбегает кто-то,— на шестой выдают сталь.

Медленно, заметно горбясь, старый сталевар идет по длинной, озаренной огнем площадке к последней печи в ряду, к своей печи.

Юлиус Мазур, начальник смены.

— Я сам реконструировал эту печь,— говорит он застенчиво, словно извиняясь в чем-то,— теперь она дает в полтора раза больше, чем раньше.

Кран подносит ковш к желобу мартена. И снова льется струя желто-бело-золотой раскаленной стали — родоначальницы машин, котлов, турбин, мостов, родоначальницы будущего!

* * *

Вот они сидят за длинными столами, творцы стали. Перед ними стоит сын каменщика Эрик Штейн, директор завода. Он дает отчет в том, что создано за 1955 год, за последний год первой пятилетки молодой Германской Демократической Республики.

Завод идет вперед и вверх, несмотря на трудности, а иногда и препятствия. План выполнен и перевыполнен. Старый завод в Хеннигсдорфе, носящий теперь новое имя «Вильгельм Флорин» — имя крупного руководителя рабочего движения,— идет во главе металлургических предприятий первого в истории немецкого рабоче-крестьянского государства. Рабочим тоже лучше живется, чем прежде. Но можно ли на этом успокоиться? Новые, еще большие задачи встают перед каждым. Новый план — это лучшая жизнь, мир, но для защиты мира нужна сталь, все больше стали.

Те, что сидят здесь за длинными столами, слушают молча, внимательно, вдумчиво, критически. Это в их руках производственный план завода, и лучшая жизнь, и мир, в их руках и объединение родины, которое может совершиться только в условиях мира и безопасности.

— Наше рабочее правительство,— говорит директор, сын каменщика,— обращается сегодня к рабочим-металлургам страны с призывом — дать десять тысяч тонн стальных слитков сверх плана. Из этих десяти тысяч на нас, хеннигсдорфцев, приходится...

И директор называет цифру.

— Зачем нужна нам эта добавочная сталь? Вы знаете, товарищи, что экспорт наш растет и что мы строим в бывших колониальных странах целые предприятия. Для этого и нужна добавочная сталь. Мы будем помогать освобожденным народам строить свою жизнь, и в то же время будем получать оттуда взамен товары, которых нам не хватает. Правительство предлагает нам следующее. За каждую тонну стальных слитков сверх народнохозяйственного плана, которую мы дадим в первом квартале 1956 года, мы получим премию в пять марок. Подсчитайте, сколько это составит всего.

Рабочие подсчитывают, удовлетворенно кивают головами.

— Кроме того,— продолжает Штейн,— будет объявлено соревнование между металлургическими заводами всей республики. Завод-победитель получит премию в десять тысяч марок, занявший второе место — шесть тысяч...

— Неплохо,— откликается кто-то из-за столов.

— Это — соревнование особого рода,— продолжает Штейн.— Будут учитываться результаты не отдельной печи, не отдельной бригады, а всего завода в целом. Мы все должны перевыполнить план, все до одного! Можем мы это?

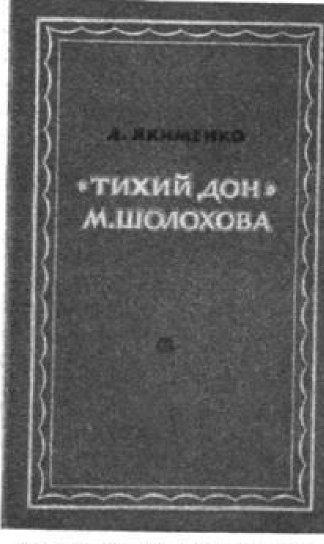
— Можем. Почему же не можем? — говорит один рабочий.

— Конечно, можем! — раздается в разных концах зала.

Новое прочно входит в быт Хеннигсдорфа. А новое всегда побеждает.

Писатели и книги

О «Тихом Доне»

Среди книг, посвященных творчеству одного из крупнейших и наиболее популярных советских писателей, М. Шолохова, книга Л. Якименко о «Тихом Доне» займет достойное место.

Исследование о «Тихом Доне» — первая крупная работа молодого литературоведа. Характеризуя произведение М. Шолохова как народно-героическую эпопею, находящуюся в ряду творений, подобных «Тарасу Бульбе» и «Жизни Клима Самгина», Л. Якименко пишет: «Тихий Дон» — одно из тех великих произведений, которые воплощают в себе высокие достижения художественной мысли целой эпохи и надолго остаются живыми памятниками, вехами в истории развития искусства».

Величайшей заслугой Шолохова является то, что он впервые в советской литературе на огромном историческом материале, охватившем период двух войн и двух революций, показал рост сознания народных масс под воздействием и руководством Коммунистической партии, путь народа к большевистской правде.

По верному замечанию исследователя, М. Шолохов, которого часто и бездоказательно обвиняли в объективизме, может быть, один из самых пристрастных художников, каких знала история литературы. О чем бы ни повествовал Шолохов, вдумчивый читатель почувствует авторское отношение к изображаемым людям, событиям.

В книге Якименко рассматриваются различные точки зрения критиков и литературоведов. Судя по первым двум томам, большинство критиков склонялось к тому мнению, что Григорий — колеблющийся середняк, с типичной для среднего крестьянства судьбой. Другая часть критиков видела в Мелехове врага, которого автор непонятно почему поставил в центр повествования.

Тысячи читателей требовали счастливого конца, но автор думал иначе.

«Нужен правдивый конец»,— говорил он. В другой беседе Шолохов заметил: «Писатель должен уметь говорить читателю правду, как бы она горька ни была».

Подлинным героем «Тихого Дона» является народ, утверждающий в борьбе новую, социалистическую действительность. Жизнь Григория Мелехова оценивается Шолоховым с позиций народной жизни, с точки зрения народа, осуществляющего великий переворот в общественных отношениях. Суровый приговор писателя звучит как приговор народа.

Создавая образы коммунистов, Шолохов показывает, что неразрывная связь с народом пробуждала в людях оптимизм, величайшую беззаветность в борьбе, рождала высокое чувство революционного гуманизма (Подтелков, Кошевой, Котляров, Лихачев).

Особенно убедителен в книге анализ образов Григория, Аксиньи, Ильиничны и Пантелея Прокофьича.

Л. Якименко прослеживает своеобразные приемы одухотворенного и глубоко поэтического шолоховского пейзажа, особенности языка, портрета и композиции. Рассмотрены также уточнения и редакционные поправки, внесенные Шолоховым в свой роман в последние годы.

Следует заметить, что в целом интересная книга не свободна от недостатков. Наиболее заметным из них является неорганичность последней главы по отношению ко всей книге. В этой главе, посвященной жанровым особенностям «Тихого Дона», речь идет не столько о жанре, сколько о проблеме народности. Пространные экскурсы, совершаемые в связи с этим в историю русской литературы XIX века, не кажутся ни новыми, ни глубокими. Что же касается народности романа, то об этом достаточно убедительно сказано автором в предшествующих главах.

И. АСТАХОВ

Л. Якименко. «Тихий Дон» М. Шолохова. Изд-во «Советский писатель». 404 стр.

Портрет современника

Константин Ваншенкин семнадцатилетним юношей в годы войны был призван в армию; как поэт он сформировался позже: первая книга его стихов вышла через шесть лет после войны. В 1955 году выходит уже третья книга К. Ваншенкина, «Портрет друга».

Сколько доброй,
застенчивой ласки
В осветившемся первом
окне!

— пишет поэт в стихотворении «Зимние сумерки». С доброй лаской герой смотрит на людей. Характерна в этом плане поэма «Сердце матери». Автор пишет о материнской любви к сыну, погибшему на фронте, трогательно, просто, убеждая нас поступками, фактами, спокойным и правдивым повествованием.

Книгу закрываешь с ощущением, что познакомился с хорошими, скромными, добрыми людьми.

Однако, разбирая стихи К. Ваншенкина, нужно говорить и о другом: о чрезмерном бытовизме деталей, нарочитой приземленности повествования. Это может помешать дальнейшему росту поэта. Хотелось бы в дальнейшем видеть в поэзии К. Ваншенкина большую окрыленность. Константину Ваншенкину не хватает порой накаленности поэтического темперамента, гнева, ярости, а живая жизнь, конечно, дает материал для всего этого.

Михаил ЛЬВОВ

Константин Ваншенкин. Портрет друга. Стихи. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1955, 98 стр.

МАЛЬЧИК ЭНН

Рассказ

Федор ЭЙНБАУМ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Погода с утра выдалась не ахти какая — со студеным, пронизывающим ветром, моросящим игольчатым дождем. Но в песчаном пригороде Лийвакюла даже в непогожий денек можно много интересного запечатлеть на кинопленке. По верхушкам сосен со сбитыми набок кучерявыми шапками пробегает гулкий трепетный шумок, будто от вздохов старцаозера Юлемисте. Под ногами шуршит мозаичный ковер из палых листьев... А ты, Энн, беги — не бойся! — прямо к заповедному леску, укрывшемуся среди гнущихся под подошвой торфяников. «Туру-руру!..» — затрубишь ты в рог, и из глуби хилого березняка выскользнет, по-кошачьи изгибая спину, кровожадный пятнистый тигр. И тогда рубись мечом, откованным железноруким финном-кузнецом [1], сшибай лихо шляпки поганок, стреляй из пистолета в коршунов, бери в сети носорогов, спасай плачущих детей и женщин, совершай сотни подвигов! И, главное, не забывай при этом исправно крутить ручку своего испытанного киноаппарата. Пройдут годы, но твоя камера, прекрасно сработанная из стали и выпуклого стекла, расскажет всем, что совершил ты сегодня для счастья человечества...

Мальчик Энн вышел, задумчиво посвистывая сквозь зубы, из дому, готовый к очередным воскресным подвигам. Ему было около восьми лет. По случаю пасмурной погоды его облачили в белый пуховый шлем и в желтое, тщательно отглаженное мамой пальто с вишневыми пуговицами. Киноаппарат он, разумеется, прихватил с собой — помятый жестяной волшебный фонарь, привязанный проволокой к старой, облупившейся треноге.

Но и с такой камерой можно здорово поработать! Ведь Энн видел сам однажды на Ратушной площади, как делают это кинооператоры. Вот высунулась из сарайчика бородатая чертова голова какого-то незнакомого животного. «Свет! Начали!» — командует Энн и нацеливается объективом в расшатанную дверь козлятника. Готово! Триста метров прозрачной, пахнущей грушей пленки, которую завтра же покажут на всех экранах страны!

— Энн, перестань, пожалуйста, гонять Лиззи! Ну, как тебе не стыдно! — Это возмущается мама. Она сошла с крыльца, одетая повоскресному, с подвитыми светлыми волосами под клетчатой косынкой. Красными, шершавыми от стирки руками привычно водворила жалобно блеющую козу в сарай.

— Когда ты наконец перестанешь играть в эти глупые «киносъемки»? Смотри, даже кот Леммик улепетывает от тебя с вытянутым хвостом! — Мать поправила сползшие на розовый кончик носа очки и опустилась на корточки, почти вровень с ростом сына.— Энн, Энн, когда ты станешь взрослым? Ну, слушай: я уезжаю за покупками на электричке. Слышишь? Могу я оставить крошку Айле на твое мужское попечение?

— Мм... А купишь ты мне на завтра билет в кино «Выйт»? — хитро сощурился мальчик. Он заложил яркую пистонную ленту в бьющий без промаха пистолет из жести и размышлял: «Остаться на целый день дома — а для чего? Вот если бы за это получить розовый билет и на говорящем белом экране увидеть снова похождения мальчика в волшебном «Кортике»! О, за два часа такого наслаждения стоило бы помучиться — оставить под дождем киноаппарат и отказаться на время от любимой профессии».

— Маловато у нас в сумочке деньжат, Энн,— ответила мать, чуть сконфуженно.— Сам знаешь — поистратились на обновки тебе и крошке. Отец вернется на траулере с уловом только к следующему воскресенью. Вот тогда и сходишь в кино. А сейчас останься охранять дом. Не уйдешь, Энн, в лесок на «съемки»?

Мать ласково поглаживала острое плечо мальчугана, а Энн хмурился. Остаться в саду и прислушиваться, не захнычет ли девятимесячная Айле, ему совсем не хотелось. Но мать нашла веские слова, и от них дрогнуло сердце даже такого хладнокровного мужчины, как Энн.

— Знаешь, Энн, что значит охранять дом? — прошептала мать и оправила на его пальтишке задравшийся воротничок.— Это... как дядя Карл. Ты помнишь, он погиб на посту, защищая нашу Эстонию!.. Тебе рассказывал отец. Даешь слово, что не отойдешь от дома? Тебе поручен нерушимый пост — вон от той бельевой веревки до колодца. Если Айле заплачет, сунешь ей в рот соску с блюдца. Даешь мужественное слово дяди Карла, что не уйдешь с поста?

— Ну, ладно, коли уж надо, слово даю! — Мальчик приосанился и встряхнул теплую руку матери.— Значит, от того ряда заградительной проволоки до колодца-ДЗОТа? Есть. Пост принимаю. Скоро вернешься на смену, мать?

Она чмокнула, будто клюнула, розовую от ветра щеку Энна и быстро пошла за калитку, махнув ему на прощание цветной, с бахромкой перчаткой.

Энн остался на посту. Чутко прислушался, не подает ли голос Айле. Дом их стоял немного в стороне от других домов улицы, крытых черепицей и дранкой. Высокий частый забор, окружавший облетевший сад, подходил почти вплотную к разлапистым синеватым ветвям ельника. Небольшой дом под островерхой шиферной крышей, посеребренной дождем, и все же замечательный, не совсем обыкновенный дом — его можно увидеть даже на фотографиях в городском музее. Еще бы! От фундамента из ноздреватого плитняка до двухскатной крыши его самолично отстроил дядя Карл!

Карл, брат мамы, был тихий широкоскулый задумчивый человек. Он починял до войны радиоприемники и электрические приборы в мастерской на улице Виру. Когда гитлеровцы рвались к городу, Карл оставался жить здесь, в крайней комнате, где спит сейчас в кроватке разрумянившаяся Айле. Дядя дал нерушимое партизанское слово отступающим друзьям: держать под тайным надзором передвижения врага. И слово свое он сдержал! Всякий вечер, вернувшись домой, он спускал шторы и нажимал ногой дощечку паркета под кроватью. В нише стены бесшумно приотворялся тайничок, скрытый полками с энциклопедией. Даже в предсмертную минуту, когда дверь выгибалась под толчками прикладов, дядя Карл передавал кодом цифры — помогал наступать Эстонскому стрелковому корпусу. Его вытащили с пузырящейся кровью на губах в снег — вон у пожухлых клубничных грядок, возле кривой сосны, расстреляли...

Люди, приходившие из городского музея, говорили, что надо поставить ему в Лийвакюла памятник. Жаль, что в плюшевом семейном альбоме не осталось хорошей фотографии дяди Карла, кроме самой маленькой, выцветшей: стоит, облокотившись на спинку соломенного кресла, мальчик с бантом в горошинку на шее и, чуть прищурившись, улыбается. Мать в хорошую минуту говорит иногда, лучисто смеясь, что Энн ей кого-то напоминает — те же глаза, рыжие веснушки и ямочки на щеках... Но правда ли это?

Энн успел отмерить четким солдатским шагом все расстояние поста — от пляшущих на веревке пеленок до колодца с флюгером-петушком над черепичным навесом. Из-под торопливо скользящих дымчатых облаков выскочило солнце. Оно белесо осветило сад с его грустным убранством осени. На песчаной дороге с блестящими лужицами на развилках Энн разглядел автомашину. Кремово-серебристая, длинная, она была похожа на молочный фургон, но с большими матовыми окнами и мотками каких-то спутанных проводов на крыше. Машина, ерзая в глубоких,

[1] Персонаж из поэмы «Калевипоэг» (эстонский народный эпос).

прослоенных корневищами рытвинах, подъехала к дому и остановилась возле запертой калитки. На площадку, щедро усыпанную пожелтевшей хвоей, выскочил человек в мятом дождевике. Он был без шляпы, с длинными волнистыми белыми волосами. Брови и глаза у него были много светлее обветренных красных скул и носа. В руке он держал серебристую трубу, похожую на воронку или рожок.

— Ну-ка, вылезайте все! — весело закричал он в свою трубу и зорко оглядел участок острыми, нащупывающими глазами.— Живее, живее, прошу вас, Марет! Где этот голоногий Юку, угробивший вчера целый съемочный день? Глядите: натура подходящая и небо, как стеклышко!

И произошло чудо, настоящее чудо из толстой книги арабских сказок! Сначала с машины спрыгнул щекастый нарядный мальчик в голубой ученической фуражке и синими от стужи коленками. За ним медленно сполз, недоверчиво поглядывая на небо, маленький лоснящийся толстячок в коричневой велюровой шляпе с петушиным перышком. А вслед за ними выпорхнула стройная, легконогая девушка в рабочем комбинезоне с зеленым, смешно торчащим козырьком на лбу. Она деловито осмотрела хилую ржавую рощицу с вытоптанным шелковистым мхом, покачала головой, а затем бережно приняла из машины что-то тяжелое и хрупкое. Под холщовым чехлом вырисовывались какие-то углы. И когда она, пригнувшись и что-то подвинчивая, высвободила свою ношу от серых одежек, то на солнце блеснул... стоящий на треноге киноаппарат. Да! Настоящий, стальной, с шероховатыми стенками и гнутыми красивыми рычажками — тот, которым снимают все, что происходит на земле!

— Послушай, Юку, ты сегодня уж постарайся: скроется солнце — завалим опять эпизод! — озабоченно произнес человек с белыми волосами, ласково наклонившись к голоногому мальчишке.—Напомню тебе. Ты снимаешься для документальной картины под названием «Одна минута»... Как взмахну мегафоном, беги что есть мочи к той рахитичной сосне... Видишь? Марет, займите позицию!..— оглушительно крикнул он в трубу девушке, устанавливавшей желтую треногу на обомшелом пеньке.— Добежишь, Юку, до дерева и начнешь швырять в ворону шишками... Ну, займи старт! Приготовились! Вижу, вижу! Начали!..

У человека с трубой сделались вдруг вдохновенные, мерцающие, совсем белые глаза; мальчишка в школьной фуражке помчался во весь дух по тропке. Засверкал объектив, аппарат зажужжал по-шмелиному, и пригнувшаяся к камере девушка, крутя ручку, повернула его вслед за мальчишкой. Сердце у Энна застучало так бурно, что он едва не слетел с верхней перекладины забора, куда взобрался, чтобы получше видеть. Киносъемки, настоящие киносъемки — вот что происходило в рощице, где он всегда катается на разболтанном отцовском велосипеде! От волнения ему даже показалось, что в воздухе вдруг запахло спелой ароматной грушей, тем привлекательным запахом отцовского клея, которым они починяли разорванные ленты от волшебного фонаря и треснувшие мячики для настольного тенниса.

Энн жадно раздвинул иглистые ветви. Когда он немного опомнился, мальчик в фуражке стоял уже под сосной и азартно швырял еловые шишки в невидимую ворону. Делал он это, надо сказать, неумело, совсем как девочка. Высоко забрасывал руку над головой, и крупные шишки падали дугой, не долетев до дерева.

— Отставить! Разве можно так угодить в ворону? Ты держал хоть раз в жизни в руке мяч, Юку? — раздраженно крикнул в рупор человек в плаще и обернулся к толстяку в шляпе с перышком: — Это же бог знает что такое, Кюбар! Мы зря опять портим пленку!

Девушка перестала крутить и звонко рассмеялась. Толстяк сконфуженно крякнул и укоризненно поглядел на тяжело дышащего мальчика в вельветовом новом костюмчике.

Ну и дурень! Дали бы ему, Энну, показать, как это делают, он бы так замахнулся, что шишка полетела бы, как камень из пращи! Энн не удержался и, высунувшись из ветвей, резко, пронзительно свистнул. Все удивленно обернулись и поглядели на место, где белел в просветах хвои его пушистый белый шлем.

— Слушайте-ка, по-моему, вы зря канителитесь, Ральф! — подошел, пожимая плечами, к режиссеру вспотевший, заискивающе улыбающийся толстяк.— Упустим опять солнце, как вчера в Пирита! Экая важность, подумаешь: ну, мальчишка бегает чуть похуже Калевипоэга[1], ну, промазал шишкой! Зато, поглядите, фотогеничный, смазливый, мальчик так и просится в кадр! Ведь все школы обрыскал самолично, прежде чем на такого наткнулся!

Он с досадой обтер клетчатым платком лоб и обернулся к потупившемуся мальчугану.

— О-о! Юку, ты не расстраивайся, а бери смело шишку и... Эй, вы, крутите получше, Марет, видите: тучи ползут! — ткнул он пухлым пальцем в изорванные облака, подбиравшиеся к кронам деревьев.

И съемки начались снова. И вдруг все остановились, кажется, окончательно. Беловолосый в мятом плаще со злостью отшвырнул свою серебряную трубу в мох и отошел в сторону.

— А ну вас всех к самому Ванапагану[2]! — с сердцем выругался он и опустился на усыпанный желтыми листьями муравейник.— О господи всемогущий! Накиньте, Кюбар, на мальчика пальто и отправьте его согреться в машину! Нет, мне он вовсе не подходит: я ничего не вижу! Вы мне подайте в кадр настоящего приличного мальчишку, или я складываю палочки в мешок. Поняли?

И, подняв с земли ржавую ветку, он хлестнул ею по выводку мучнистых, морщинистых, как старушечьи губы, древесных грибов. А замерзший мальчик в голубой фуражке вдруг густо, противно заревел и, размазывая по лицу слезы тыльной стороной ладони, направился к кремово-серебристой машине. Суетливый толстяк побежал было за ним, скинув пальто с плеч, но затем остановился, махнул рукой. Лицо у него было при этом такое, что Энн сразу догадался: волшебному происшествию в Лийвакюла конец!

— Послушайте, милый Ральф, а почему бы вам...— озабоченно подошла к режиссеру, покинув треногу, девушка-кинооператор. Она, подмигнув ему, что-то тихо, воркующе прошептала и выразительно показала на Энна, стоявшего на заборе.— А? В самом деле, смотрите: славное личико, рыжие веснушки, ямочки на щеках!..

— О, снимайте вы хоть козу безрогую! — хмуро заявил толстяк, недружелюбно покосившись на подтянутую фигурку мальчика в белом шлеме.— Хотите, видно, завалить мне окончательно план? Эй, парнишка с пистолетом! Хочешь отсняться в кинокартине?

Что? Энн оторопело ухватился за мокрую ветвь и сжал ее так, что даже пальцы его побелели. Ему показалось, что он ослышался. Сняться для кино? Может быть, сам осенний свистящий ветер прошептал ему это в уши? Красоваться на всех белых экранах, стать прославленным, знаменитым! Один только лихой прыжок вниз!.. Но, вспомнив что-то, он вдруг замер на месте. Лицо его стало сконфуженным, жалким. Он часто, порывисто задышал, держась за спасительную ветвь.

— Мне... нельзя,— пробормотал он угрюмо и, ссутулившись, оглянулся на дом.

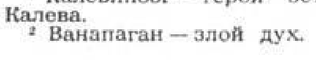
— Почему нельзя? Мама не велит? — улыбнулся режиссер, подняв голову. Он встал, подошел к забору и, сощурившись, с профессиональной жадностью вгляделся в унылую фигурку среди хвои.— Гм, маловат ты еще ростом, но в лице что-то есть, есть... Ну, что ж, в маленькой роще, говорят, ягодки быстрей созревают. Слезай-ка в самом деле с забора, не робей! Марет, улыбнитесь ему!

Девушка с козырьком на лбу ослепительно улыбнулась. И тогда только Энн сообразил, что все это происходит не во сне — этот большой красивый автобус, вынырнувший будто из сказки, стальной киноаппарат, стоящий во мху на желтой треноге, и неожиданное волшебное предложение. Вот как улыбнулась ему девушка!

— Мне нельзя уйти! — повторил он сумрачно и густо покраснел, подумав, что его сочтут, пожалуй, глупцом или трусишкой.

— Это почему, собственно? Киноаппарата испугался? Не бойся, из этого не стреляют! — вмешался толстяк-администратор и, порывшись в карманах пиджака, извлек толстый черный щегольской бумажник.— Ну, я знаю мальчика, который за эти розовые билеты уде-

[1] Калевипоэг — герой эстонского эпоса, сын Калева.
[2] Ванапаган — злой дух.

рет из дому хоть вприпрыжку.— Он помахал в воздухе тугой книжечкой билетов.— Видишь, паренек? Знаешь ты, что это такое, надеюсь? Билеты на киносеансы во всем городе! Хочешь их? Ну, так слезай мигом с забора!

Энн мотнул головой, не спуская расширенных, жадных глаз с пачки цветных билетов.

— Нет! — сказал он упрямо и с отчаянием поглядел на пустынную песчаную дорогу.

Никого на ней не было. Только эти люди, с ожиданием смотревшие на него, и ветер, ворошивший мокрые листья среди расплывчатых отпечатков знакомых легких ног.

— Перестаньте, Кюбар! Хоть вы и неплохой администратор, а с ребятами не умеете разговаривать! Фу, как некрасиво! — сердито сдвинула еле приметные брови девушка в комбинезоне. Она отстранила толстую синеватую руку обладателя бумажника и подошла, улыбаясь, поближе.

— Мальчик, отчего ты не хочешь сойти вниз? — заговорила она, серьезно, почти умоляюще глядя на Энна синими выпуклыми глазами.— О, мы дурного тебе не предлагаем! Понимаешь, мы снимаем хороший, полезный для школьников фильм — о чувстве долга. На минутку, только на одну минутку опоздал в класс мальчик, зазевавшись на ворону! Ты ведь видел? И вот на экране крупным планом проходит то, о чем говорит ему учительница. Что значит в жизни одна минута? Вот стрелочник ушел с поста — лежит под откосом опрокинувшийся поезд, опоздал человек на завод — куча несделанных деталей осталась под станком... Будь, пожалуйста, услужливым, добрым и помоги нам. Ну, что он так сердито на меня таращится? Какой в самом деле упрямый мальчик!

— Слушайте, Марет, вы зря теряете время! — снова протиснулся вперед толстяк, сердито поглядывая на небо.— Смотрите, солнце уходит, пока вы здесь стрекочете, как сорока! Замуж вам надо выйти, прежде чем пытаться понять психологию ребенка. Эй, парнишка! — завернул он за угол забора и нажал решительно, всей пятерней на щеколду калитки.— Видишь ты, неподкупный Алев[1], эти билеты? Всю пачку получишь от меня, если выйдешь и позволишь снять себя для фильма. Ну, я иду сам к тебе в гости, и получишь билеты, все до единого!

— Стой, ни шагу дальше! — выкрикнул угрожающе Энн и прицелился из пистолета прямо в мокрый от пота лоб толстяка.

Он выстрелил, и диверсант из какого-то виденного им фильма пошатнулся, схватился за сердце и медленно опустился на колени с искаженным, страшным лицом... Впрочем, это почудилось Энну. Когда облачко дыма рассеялось, он увидел, сжимая ручку своего маузера, как толстяк со сконфуженным, красным от досады лицом идет к стоявшей среди сосен машине.

— Прохлопали съемочный час из-за ослиного упрямства сопляка! — махнул он безнадежно рукой, отворяя дверцы.— Ну и воспитание! Видели вы, Ральф, что-нибудь подобное? Он прямо готов был сожрать меня своими глазищами, когда я подошел к той веревке с пеленками! Просто редкий экземпляр, ненавидит, оказывается, киносъемки! Что вы там стоите? Поехали в павильон!

— Эге-ге-ге! Ну и рохля же вы, Кюбар! — произнес вдруг кинорежиссер и, вглядевшись в щели забора прощупывающим, острым взором, мягко, добродушно усмехнулся. Его озабоченное лицо подобрело, когда он, взъерошив белые волосы рукой, тихо присвистнул.— Где ваши профессиональные глаза, о люди? Вот поглядите только на этот самодельный киноаппарат там, за колодцем! Мальчик, уверяю вас, рвется к съемкам, а вы... знатоки человеческих душ, ни черта не поняли! Смотрите! — Он поднял руку и, пятясь, стал медленно отходить от забора.

— Вижу, вижу...— прошептал он тихо, будто боясь спугнуть какое-то видение.— Он стоит на посту, и меч Калевипоэга опоясал его чресла. Краснозвездный шлем светится на его смелой голове. Никакие силы мира не совлекут его с вверенного поста! Поняли наконец?.. Да вы сами-то, Кюбар, хоть раз в жизни стояли так на посту?

— Ну, ну, почему вы думаете? Бывало не раз, под Нарвой, под Кингисеппом...— пробормотал толстяк, и впервые на его хмуром, потном лице мелькнула улыбка.— Ладно, Марет, складывайте палочки! Проморгали графику! Где Юку? Тьфу, прямо в пот бросило от этого часового! Стоит, как памятник!

Тем же чередом они взобрались в машину, оглядываясь на забор: сначала режиссер в мятом плаще, с трубой подмышкой, затем заплаканный сердитый мальчик с голыми коленками, потом толстяк в шляпе с перышком, а вслед за ними девушка с настоящим киноаппаратом. Энну хотелось громко зареветь, пробежать за чудесной машиной хоть тысячу километров, но он стоял, не шевелясь, сжимая колючую ветвь, и глотал, все глотал, давясь, застрявший в горле вязкий комок.

Режиссер помахал ему на прощание рукой из кабины, и машина отъехала. Стал накрапывать мелкий частый дождь. Когда автобус резко повернул и, натужно воя, заскользил по осыпающимся песчаным ухабам Лийвакюла, сидящие еще раз невольно обернулись, чтобы взглянуть на удалявшуюся фигуру маленького часового.

— Хороший мальчуган! — улыбнулась девушка, бережно придерживая от толчков свой аппарат.— Интересно, как зовут его? Он будет сниться мне в самых лучших снах: глаза смелые, рыжие веснушки, а на щеках ямочки...

[1] Один из сыновей Калева.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Н. А. Булганин, Г. К. Жуков, журналист П. А. Лидов в штабе Западного фронта. Осень 1941 года.
Снимок из фондов Центрального государственного архива литературы и искусства СССР.

Войдем в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. В его хранилищах разместилось почти полмиллиона листов рукописного текста. На хранении в архиве, расположенном в подмосковном селе Никольском, находятся рукописи Герцена и Чернышевского, Гончарова и Салтыкова-Щедрина, Лескова и Чехова, рисунки Репина и Васнецова, нотные автографы Глинки и Чайковского, письма Станиславского и Шаляпина. Здесь хранится такой, например, «архивный документ», как черновик лермонтовского стихотворения «На смерть поэта».

В «жемчужных» фондах архива имеются редчайшие автографы Державина, Фонвизина, Жуковского, Тургенева, Достоевского, Сухово-Кобылина, Блока, Есенина.

Прежде чем занять место в архиве, некоторые рукописи совершили долгие странствия по белому свету. Так было с рукописями романиста Г. П. Данилевского. Автографы его романа «Мирович» и повести «Потемкин на Дунае» путешествовали вместе с их владелицей, дочерью писателя, по Франции, Испании, потом, переплыв Атлантический океан, побывали в странах Южной Америки. В 1947 году А. Г. Данилевская передала их на постоянное хранение в архив.

При изучении тех или иных историко-литературных документов научные работники встречают имена людей, о деятельности которых нельзя справиться ни в одном энциклопедическом словаре. И тогда на помощь приходит справочный аппарат архива. Вот интересный факт: в фонде историка литературы и библиографа А. М. Фемелиди имеется пятидесятичетырехтомный рукописный словарь, в котором на сорока восьми тысячах страниц содержатся сведения о сорока тысячах писателей, живописцев и музыкантов!

Заглянем в отдел искусств. Тут автографы и переписка композиторов «Могучей кучки», П. И. Чайковского, С. И. Танеева, А. К. Глазунова, С. В. Рахманинова, крупнейших советских композиторов. Совсем недавно сюда поступили рукописи музыкальных произведений французского рабочего-коммуниста Пьера Дегейтера, автора музыки «Интернационала».

Письма и другие документы, находящиеся в фондах Н. Н. Ге, И. Н. Крамского, М. В. Нестерова, В. Д. Поленова, Н. А. Ярошенко, рассказывают о творческих замыслах мастеров живописи, о борьбе за прогрессивное русское искусство.

Но не только документы, помогающие восстановить «дела давно минувших дней», собирает и хранит Центральный государственный архив литературы и искусства. Здесь имеются документальные материалы советской эпохи. К фондам Маяковского, Серафимовича, Н. Островского, Подъячева, Макаренко, Гайдара обращаются многие исследователи. За последние годы на хранение приняты личные архивы советских литераторов — А. Н. Афиногенова, С. Я. Алымова, В. В. Вересаева, В. М. Гусева, В. И. Лебедева-Кумача, А. И. Недогонова, Ильи Ильфа и Евгения Петрова, П. А. Лидова.

Богатейшее собрание документов, хранящееся в Центральном государственном архиве литературы и искусства, рассказывает о вечно живом и близком прошлом.

Н. ЧЕРНИКОВ

— Вы хотите видеть самый настоящий романовский полушубок? Сам бы дорого дал, чтобы увидеть романовский полушубок. Вот хотите дамское пальто под котик? Пожалуйста, вот оно. Хотите под цигейку? Тогда вот это справа, любуйтесь. Наконец, вот это стриженое одеяние могу показать. Тулупом называется. А романовский — дела давно минувших дней. Словом, не работаем: фабрика овчины не имеет.

Это говорил мне один из приемщиков готовых изделий большой шубной фабрики, что под Тутаевом на Ярославщине, знаток меховых товаров и овчин Матвей Иванович Лотошин, быстро и энергично раскладывая груды готовой одежды на широком столе.

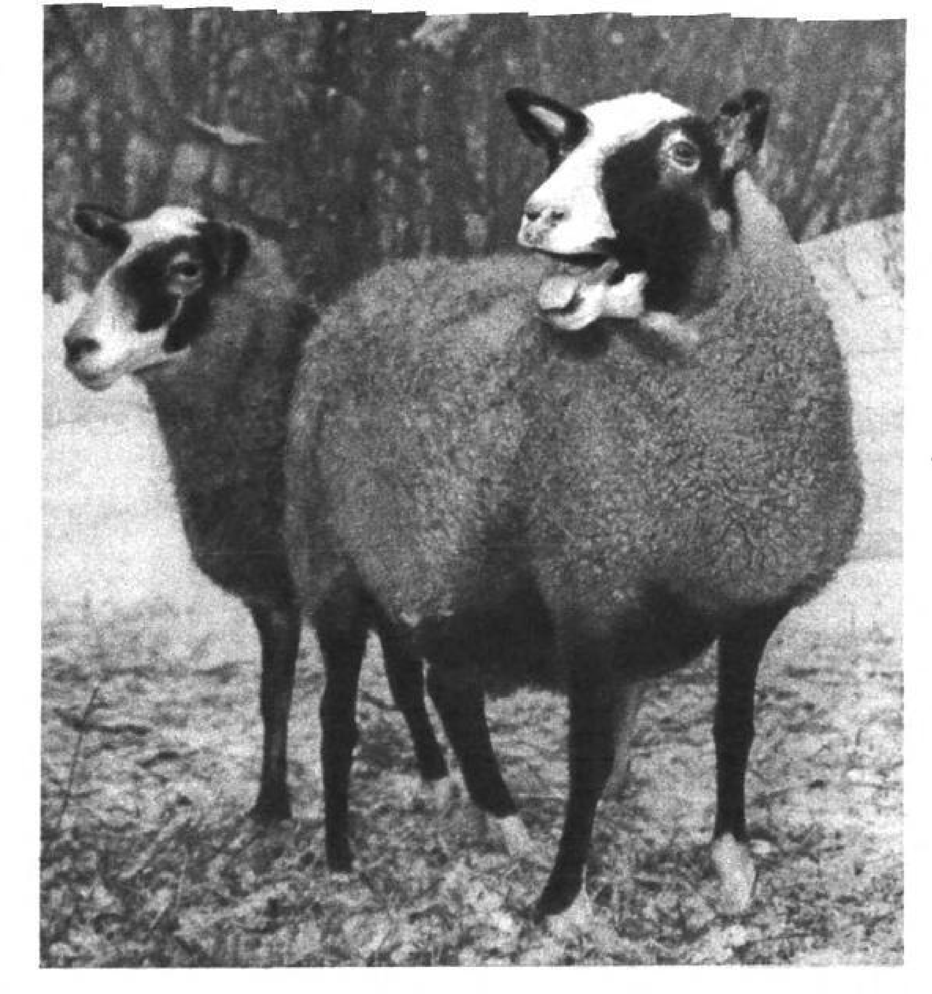
— То есть как же это фабрика овчины не имеет? — возражал ему я.— А это из чего сделано? Ведь из овчины же? А это? И вот это? Из овчины же этот товар?

— Все, все из овчины,— говорил Матвей Иванович, сортируя изделия, считая их, перекладывая и одновременно отвечая мне.— Все из овчины... Женские пальто, детские, мужские полупальто... Да ведь овчинка овчинке рознь. Иная — ни накрыть мощи, ни на тулуп теще... А другая — и пальто и шуба, и нам и вам любо.

До удивления было непонятно все то, что говорил Матвей Иванович. Всего десять минут назад покинул я большие цехи шубной фабрики, где видел сотни, тысячи овчин. Их мыли, скоблили, мочили в огромных чанах, сушили, коротко стригли, стригли и подлиннее, оставляя побольше шерсти, растягивали на пялах. Видел я в цехах, как окунали белые овчины в какие-то чаны и оттуда доставали их уже черными, видел, как стриженные коротко овчины прочесывали электрическими гребенками, и они на глазах становились тонкими, коричневыми, ворсистыми. Над каждой овчиной работали десятки рук. Из грязной, с неприятным запахом овечьей шкуры они превращались в крепкие, хорошо обработанные овчины, которые приятно было взять в руки. Затем — всех сортов и всех размеров — они уходили потоком в швейные цехи, где их кроили по лекалам электрическими ножами закройщики, крой устремлялся к портным, к неистово стучавшим швейным электрическим машинам, где разрозненные куски под умелыми руками мастеров сползались вместе, превращались в полы, спинки, рукава, воротники и становились, наконец, готовой одеждой.

Но сколько там, в цехах, я ни искал глазами что-либо похожее на романовские полушубки, которых я еще никогда не видал, а о которых знал только понаслышке, ничего не нашел. И сколько в цехах я ни спрашивал скорняков, портных, закройщиков, мочильщиков об этих самых полушубках, в ответ я только и слышал: или «не шьем», или «а мы о таких ничего не знаем». И вот даже приемщик Матвей Иванович Лотошин, сам бог оценки качества и знаток истории русского шубного дела, говорит почти то же самое и еще добавляет нечто загадочное, что-де, мол, нет овчин!

Да, все это было странно! А между тем я находился в самом что ни на есть центре старинного романовского шубного производства, под древним городком Романовом-Борисоглебском, ныне

РОМАНОВСКАЯ ОВЦА

Василий ТИТОВ

Фото Б. Кузьмина.

Тутаевом, на Волге, где искони по селам и по посадам производились такие знаменитые полушубки, что во многих наших местах предпочитались даже лисьим и хорьковым шубам. Они так и назывались — романовскими. Славились эти шубные изделия особенно за долговечность и за такой особый, теплый, красивый мех; никакие другие овчинные изделия вровень с ними идти не могли. К тому же каждый такой полушубок был так легок, что весил всего каких-нибудь шесть — семь фунтов. Известно, что существовал он уже тогда, когда суворовские солдаты воевали на Рымнике и когда скобелевцы стояли на Шипке. Слава о нем разошлась далеко за кордоны. Его не однажды тысячами закупали и вывозили на свои острова английские интенданты, не менее интересовались им и прусские бароны.

И теперь вот этот самый романовский полушубок даже на своей родине куда-то исчез.

* * *

— Вот я и хочу знать, что сделалось с этим полушубком,— говорил я через день, вернувшись в Тутаев, Валентину Петровичу Копейкину, моему знакомому, старому ветеринарному врачу, которого нарочно заехал проведать. Он начал здесь службу еще в земстве и не выезжал из этих мест лет сорок кряду.— На фабрике даже говорят, что у них там и овчин-то для этого нет.

— А дело не в овчинах,— отвечал спокойно Валентин Петрович, рассматривая меня через очки,— дело все в овце.

— В какой же это такой овце? — удивленно спросил я.

— Да в романовской же овце, от которой полушубок и идет,— отвечал он так же спокойно, наливая себе в стакан фруктового чаю.

— Есть такая овца?

— Да как же иначе! В ней-то вся и загвоздка!

— Тогда я хочу о ней все знать.

— Пожалуйста, я расскажу, что сам знаю.

Валентин Петрович отхлебнул из стакана и начал рассказ. Начал он его как-то издалека, но я передам его весь так, как слышал.

— Вот погляди на наш Север,— начал он, поворачиваясь на стуле лицом к стене, на которой висела большая карта.— Погляди, какой простор, какое раздолье! С незапамятных времен там стоят города и села, живут люди, бегут реки, и всюду, всюду там этот необъятный простор.

Вот тут когда-то, на всем этом неоглядном просторе, начала жить и бродить по луговым, лесным и полутундровым пастбищам беспородная короткохвостая северная овца. Не велика она ростом, не много шерсти на ней, не больно взяла она и мясом. Но ее берегли и берегут и поныне всюду, как берегут шубу и варежки в крещенские холода. Невысокая, косматая, крикливая, предмет насмешек и злых поговорок, попала она очень давно и на вологодские лесные пастбища, бродит по сей день по кунгурским суровым каменным увалам, рассыпалась по Сибири, стоит, крепится на колхозных скотных дворах. Не богата, говорю, овечка мясом, не богата шерстью. Менее плодовита она, чем романовская, да и шубой не взяла. Водилась она да и сейчас еще встречается и на ярославской нашей земле.

Но вот однажды,— продолжал Валентин Петрович,— а то было давно, может быть, полтора или два столетия назад, появилась где-то на Колокше, а может быть, вначале на Ити, новая, невиданных качеств овечка. И появилась она на крестьянском дворе. Искони на Ити да на Колокше крестьяне так силились скотину для своих хозяйств подбирать и так держать на дворе, чтобы и на малых крестьянских наделах, стиснутых донельзя просторными помещичьими угодьями, можно было жить и с шубой, и с шерстью, и с мясцом во щах. Однажды на холодном мужицком дворе некоего Ивана новая овечка за два окота принесла десять ягнят. И взяла та овечка еще такой необыкновенной шубой, что у старых малоплодных древних овец никогда подобной и не бывало.

Но это еще не все, что известно о романовской овце,— передохнув, сказал Валентин Петрович и, отпив чаю, так продолжал: — Теперь посмотрим, что она дала крестьянскому хозяйству. Известно, что не по двору, а по сену держал прежний крестьянин скот в своем хозяйстве. Вот скажи, ну много ли овце в день сена нужно? Всего каких-нибудь, скажем, два — три кило. Но подсчитай, сколько в пяти, шести зимних месяцах дней. Так, видимо, не малая копна сена получится. Ну, а где его было особо-то взять? Потому и не пускал прежде хозяин в зиму на свой двор более двух, трех, много — пятерых овец кряду. А новая эта овечка круглый год на хозяина работать стала. В январе уже многочисленная молодь у него по хлеву рассыпалась. А в июле, к Петрову дню, глядишь, и вымахала уже эта молодь в пудовых ярочек да баранчиков, и овчинка на них уже в голубой цвет облилась.

Вот тогда-то здесь, под Тутаевом, старым Романовом, близ Петрова дня и начинался забой овцы и тогда-то кишмя кишел по селам тут ярославский купец-заготовитель. Уже эта овца давно звалась в округах романовской, а лучшая овчинка с нее величалась петровской. Это вот из нее-то и шился знаменитый романовский полушубок. Да что овчинка! Она и мясом взяла, эта новая овца. Питерские рестораторы и мясники требовали себе на великий питерский столовый торг тушки романовской овечки. Они обязывали купчин привозить освежеванные тушки вместе с несвежеванной головою: на питерских базарах и в ресторациях «фабричной маркой» этой овечки уже утвердилась ее масть.

А едва миновали Петровки, едва отплатил за заботу о себе мясом и голубой овчиной январский приплод, как, глядишь, уже второй раз остриг хозяин старых овец, а рядом с ними уже и второй приплод, летний, растет. Осенью и с него уже хозяин шерсть берет. А к январю вновь готова шубная овчина и мясо: на дворе летняя молодь вымахала в полуторапудовых овец.

Ну, вот тебе и весь рассказ о том, что она собою для нас представляет,— закончил Валентин Петрович.— Больше тебе к этому о ней добавить ничего не могу. Разве вот только некоторые цифры. Вот, например, в 1916 году на Ярославщине было 701 тысяча овец, в том числе и романовских. Ну, а если назвать цифры, сколько их теперь, так можно будет и удивиться. В 1950 году овец на Ярославщине на колхозных фермах было 284 тысячи, а в 1955 году — 141 тысяча!

— Как же это так?!

— А этого я уже не знаю, как! — отвечал мой знакомый.— Об этом, почему романовская овца в опасности, надо специалистов спросить. А нет — поезжай в колхозы. Вот тут километрах в двадцати от нас есть колхоз «Свобода», у него романовские овцы. Подальше—«Красный дружинник». И у него есть. Там и овцу увидишь, там, может быть, и узнаешь коечто.

Утром следующего дня я собрался в дорогу. К крылечку подкатил старенький, едва закрытый брезентом «козелок», я решительно устроился на холодном металлическом сиденье перед смотровым стеклом, шофер дал газ, и мы покатили через Волгу, на которой лед стрелял так, как будто под ним били из гаубиц.

О, это отличное ощущение — ехать в таком полуоткрытом «козелке» через открытое поле в тридцатиградусный мороз, если на ваших плечах покоится хороший полушубок или тулуп! Мороз то щелкнет вдруг где-нибудь одиноким придорожным деревом, как будто орех расколет, то щипнет больно за слишком высунувшийся из воротника нос, то грохнет льдами на застывшей речке под мостом, а ты сидишь себе и в ус не дуешь. Давай, шали, не проберешь! Но я был в обычном, городского толка, ватном пальто, шофер — в старом армейском коротком полушубке, и сколько он меня ни подбадривал, я от мороза коробился, как береста на огне, и все считал на спидометре километры.

Вдруг на повороте у дороги я увидел то, что ехал искать. Близ невысокого черноствольного леска шли голубые овцы. Они то ли паслись, то ли прогуливались, двигаясь через кустарники плотно сбившейся спокойной массой, и уже издали можно было видеть, как медленно и осторожно шел за ними высокий старик. Он был в черном лохматом тулупе, хлопал изредка на ходу овчинными рукавицами, словно выбивал из них мороз, и направлял овец к широкой поляне. Возле маток прыгали молодые черные ягнята, тыркались на ходу матерям под пах, стараясь поймать сосок, но матки отходили, и ягнята прыгали возле них так, как будто грелись этим на крепком, с ветерком морозе.

— Что это? — спросил я шофера.— Да они же застудят и ягнят и маток разом! Впервые вижу, чтобы зимою вот так, по глубокому снегу, у нас пасли овец.

— Что вы! — отвечал шофер.— Романовской овце холод на пользу. Чем больше она на морозе, тем теплее шуба на ней. Кстати, это не пастьба, а прогулка. Скоро пастух на ферму их погонит. Стадо колхоза «Свобода».

И он остановил машину, подрулив близко к леску.

Так вот какая она, романовская-то овца! Передо мною были рослые, крепкие, здоровые животные с голубоватой шерстью от самого хребта до самой брюшины, которые остановились и кротко рассматривали незнакомых людей. Черные да белые пятна на головах, как вуалетки над черными задумчивыми глазами, белые да черные чулочки на тонких, но крепких точеных ножках — уже одно это обличало в них породу. Возле каждой матки прыгало и резвилось не по одному, а по два, по три и больше ягнят, и в одной кучке, что встала поодаль у белого куста калины, на котором, как бусы, багровели замороженные кисти красных ягод, я насчитал в кругу пяти маток семнадцать малых резвых созданий.

— Но почему же ягнята черные? — спросил я старика-пастуха.

— А это всегда, как родятся, они черные,— отвечал он.— А потом, как в рост пойдут, у них явится густой белый подшерсток. Черный-то волос остевой. Это он потом держит белый подшерсток. От этого шерсть на нашей овце и не сваливается. А как подшерсток-то белый обгонит по длине ость, так ягнята сразу и заголубеют. Из-под белого подшерстка черная ость едва будет просвечивать, и отсюда получается вот эдакой голубой цвет. Подсчитано,— с гордостью закончил старик,— на нашей овчинке на один квадратный сантиметр меха приходится боле четырех тысяч остевых и пуховых волосков. Лучшая шубная в мире овечка...

...В правлении колхоза «Свобода» было жарко, когда я вошел в просторное помещение и познакомился с председателем Капитоном Сергеевичем Слепаковым. Осведомившись, зачем я приехал, он усадил меня за стол, подбросил в железную печку поленца четыре, и беседа у нас началась.

— Так вы хотите знать, чем объясняется такое изменение в овцеводстве на Ярославщине? — спросил он, когда я высказался и изложил ему все, что уже знал о романовской овце.— Что же, объяснить не сложно. Начну с того, что скажу: вот идет которое десятилетие, как с нашей овцой творится что-то неладное. А дело в том, что прочно забылись хозяйственные качества романовской овцы. Когда-то, не будем вспоминать, когда, но совершенно очевидно, что по глупости и незнанию дела какие-то горе-руководители взяли да напрочно, без оглядки, приравняли нашу овцу к любой грубошерстной овце. Сделали это неумные люди. А вслед за тем у них автоматически нашлись и последователи. Они явились в лице заготовителей, вооруженные какими-то странными, но непреложными законами. Они заготовляли шкуры овец. Но была ли то шкура овцы романовской или шкура обыкновенной короткохвостой северной овцы, эти люди за все стали платить одинаково. Лишь бы шкура была большая да туша мясная потяжелее, а качество того и другого — сейчасде не резон. Мясные туши они начали принимать почему-то не ниже двадцати пяти килограммов. Видимо, тем людям казалось, что чем больше растить овцу, тем больше даст она шкуры, мяса, шерсти. И вот стали мы растить ягнят до матерого возраста. Ведь что ни говори, а и сейчас скот на фермах по сенам держим. До бесконечности поголовье не раздуешь. Ну, а коли вместо полгода надо полтора — два года ягнят кормить, чтобы выросли до матерого возраста, поневоле сократишь вырост молодых, поневоле сократишь стадо маток. И полетел ко всем чертям весь тот замечательный мясной и товарный круговорот романовской овцы, ради которого она и была выведена. Исчезла с этим и петровская овчина. На фермах вместо высокопродуктивных, оборотистых в хозяйственном смысле стад завелись формальные, для отчета, стада. Ну вот вам и все самое простое и верное объяснение этого упадка. А я вот часто думаю о том, как можно взять эту нашу прекрасную овечку и, не мудрствуя лукаво, ничего не меняя в хозяйственном круглогодовом укладе ее, двинуть на весь наш необъятный Север. Ведь на Севере у нас тридцать пять огромных областей. И всюду там до сих пор разводится короткохвостая северная. Так что бы получилось, спрашиваю я? Сколько бы за год можно было накапливать скороспелого мяса, сколько первоклассных овчин?..

Смеркалось, когда мы кончили беседу.

Вечером у Трофима Евсеевича Лыкова — это был тот самый пастух, с которым мы встретились у овечьего стада близ дороги — пили мы с хозяином самый наигорячий чай. Высокий, годами лет под шестьдесят пять, стриженный по старинке, как мастеровой, под скобку, с ремешком на голове, чтобы не рассыпались седые волосы, Трофим Евсеевич, схлебывая громко чай с блюдца, которое держал на широко расставленных пяти пальцах правой руки, говорил мне сокрушенно:

— И, милый, да откуда же на фабрике романовскому-то полушубку быть! Ведь действительно у них петровской-то овчинки нету. А без нее полушубка не сшить. Я ведь сам скорняк, сам там работал. Сдается мне, что и на фабрике совсем забыто, как делался романовский-то полушубок.

И старик принялся рассказывать мне, как прежде скорняки готовили петровские овчинки к пошивке. Он рассказывал, как их взбивали слегка и осторожно, чтобы не портить завитков, как потом растягивали на пялах, вспрыскивали водой, потряхивали над горячей плитою, чтобы завиток был плотнее и завивался еще лучше, да как мяли и красили ее. А потом уж подбирали овчинка к овчинке портные, чтобы сработать полушубок. На отделку по подолу и бортам пускали тогда белую, как снег, поярковую стриженую мягкую овчину или смушку — кто как хотел. И выходило по рассказам старика, что в такой полушубок «не то что молодец под венец, а и министр на заседание Совета министров, не сморгнув, мог бы явиться».

— Россия ведь не Абиссиния, не экватор какой-нибудь, говорю, чтобы про романовскую-то овчинку забывать,— повторял он.

Всю ночь он ворочался и кряхтел на горячей лежанке, а как рассвело, вышел первым из дома. А когда подъехала за мной подвода, чтобы отвезти обратно в Тутаев, он явился с ношей на руках.

— Вот, одевайтесь,— сказал он, развернув огромный тулуп.— Есть еще один у нас, парадный, в кладовой у завхоза бережем. В нем и поедете. А то вон глядите, как заметает.

И мне на плечи легло такое одеяние, тяжести которого я почти не почувствовал. Просторный, легкий этот тулуп спадал с плеч такими пышными, широкими, вольными складками до земли и играл на отворотах и полах такой необыкновенной голубизны мягкой, очень высокой, ровной в косичках, теплой, как гагачий пух, шерстью, что можно было подумать: подбит он снизу голубыми камчатскими или уэленскими песцами. Удивительно тепла, нежна и невесома была эта одежина.

— Вот это и есть самый настоящий, романовский,— говорил Трофим Евсеевич.— Теперь поезжайте, не прошибет.

Мы поехали. На дороге мело. Поземка поднималась от земли и доставала уже до дуги. Сытая лошадь ходко бежала по накатанной дороге. Возница кутался в свой тулуп, а я в свой. Было приятно ехать в этом нежном, теплом и почти невесомом одеянии.

Тутаев.

Председатель колхоза «Свобода» К. С. Слепаков и зоотехник Т. А. Соколова на колхозной ферме.

В. А. Тропинин. ПОРТРЕТ БУЛАХОВА. 1823 год.

Государственная Третьяковская галерея.

В. А. Тропинин. КАЗНАЧЕЙША. 1841 год.

Государственный Русский музей.

МАСТЕРСТВО ВАЯТЕЛЯ

— Решая главное в замысле, я всюду — в домах, на улицах, площадях — всматриваюсь в людей, ищу нужные мне движения, позу, жест. Я не могу, поставив натурщика в нужную мне позу, лепить с него копию. Это и будет натурщик, статическая фигура, а не пластический образ.

Так однажды, посвящая меня в свои творческие замыслы, Александр Павлович Кибальников рассказывал о самом главном принципе искусства. Не желая бездумно следовать за натурой, он неустанно ищет обобщенный образ и то порожденное внутренним переживанием, чувством, настроением героя живое движение, в котором схваченный глазом художника поворот фигуры, поза вот-вот перейдут в другие.

Поиски и находки художника всегда одухотворяют мертвую материю, оживляют мрамор и бронзу. В скульптуре волшебная иллюзия жизни, по словам Родэна, «достигается только хорошей лепкой и движением». Надо признаться, немногие скульпторы обладают умением запечатлеть живое, как бы продолжающееся движение, которое выражает душу и характер героя. Кибальников упорно и настойчиво овладевает этим высшим мастерством ваяния.

Мне довелось проследить за творчеством талантливого скульптора чуть ли не с первых его работ — еще в 1946 году в Саратове. Это были портреты артистов И. Слонова и С. Муратова — замечательных мастеров сцены. В портрете Слонова был представлен человек с пытливым разумом, думающий, поглощенный своими переживаниями. В Муратове прежде всего была подчеркнута богатырская сила бывшего грузчика, широкая и самобытная натура волгаря — потомка вольницы Разина. Сходство двух этих портретов — в глубокой внутренней характеристике героев, различие — в приемах лепки: в спокойном, почти академическом стиле сделан портрет Слонова; угловатым, кряжистым, как бы резанным по дереву кажется портрет Муратова. Все средства пластического искусства служили здесь одной цели: скульптор хотел найти наилучшее выражение характеров героев.

А. Кибальников. ПРОЕКТ ПАМЯТНИКА В. В. МАЯКОВСКОМУ. Утвержден коллегией Министерства культуры СССР. Памятник в конце года будет установлен в Москве, на площади, носящей имя поэта.

С удивительным лаконизмом создал Кибальников поэтический образ Чернышевского, в котором воплотились и биение мысли, и склад характера, и темперамент бойца. Эта работа Кибальникова — крупнейшее достижение нашего монументального искусства, поучительный пример реалистического решения образа великого писателя-революционера.

Неустанные поиски самого характерного движения, самого точного, лаконичного жеста и позы для лучшего выражения внутреннего облика героя привели Кибальникова к созданию проекта памятника Владимиру Маяковскому. Немало уже было сделано попыток в этом направлении. Крупнейшего поэта современности скульпторы изображали в движении: то он шагал широко и размашисто, то простирал руку, как трибун и оратор. Кибальников по-своему трактует образ поэта. «Слово — полководец человечьей силы»,— говорил поэт и силой слова завоевывал сердца, боролся за нашу победу. Кибальников изобразил Маяковского без размашистых жестов и резких движений. Обе руки поэта плотно прижаты к телу, выпрямилась вся его фигура, весь он собранный, стройный, подтянутый. Чувствуется, что сейчас он творит, поэтические строки рождаются в его воображении. Здоровый, могучий дух в этом сильном, мускулистом теле, и кажется, что чуть склоненная влево голова сейчас повернется, окинет взглядом все человеческое собрание и бросит огненные, призывные, набатные стихи. Маяковский у Кибальникова — тоже трибун, но прежде всего он поэт, знающий силу звучащего слова и не желающий мешать его воздействию картинными жестами. Перед нами не оратор, произносящий речь, а литератор, рождающий на наших глазах могучее песенное слово.

Желая придать памятникам наиболее совершенные пропорции, Кибальников принимал деятельное участие в разработке всей архитектуры монумента Чернышевскому, а сейчас самостоятельно выполнил архитектурное оформление памятника Маяковскому.

Кибальников в памятниках ищет пути к постижению образов своих героев, ищет совершенную художественную форму для выражения замысла.

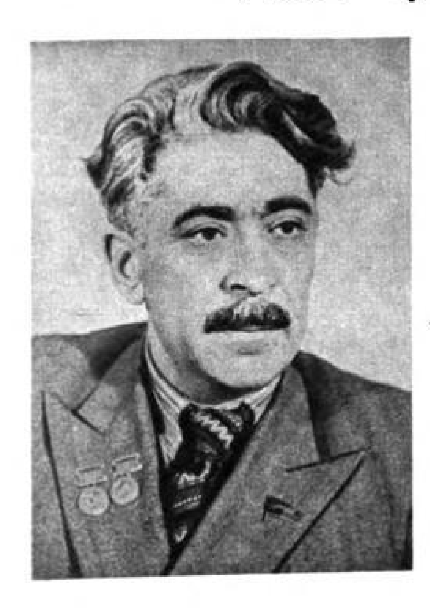
Эта особенность творчества Кибальникова получила дальнейшее развитие в поясном портрете, а затем в памятнике Н. Г. Чернышевскому. Памятник, установленный в 1953 году на центральной площади Саратова, сразу стал достопримечательностью города. Чернышевский, еще совсем юный и полный пламенных мечтаний, погруженный в глубокую задумчивость, стоит на обрывистом берегу Волги. Прядь волос и борт сюртука откинуты назад ветром. Он стоит, твердый и непреклонный, и смотрит прямо перед собой. Найденное скульптором выражение твердой воли, могущества и благородства духа, воодушевления революционной мыслью создает сильное впечатление. Кажется, что глаза великого мыслителя, полные жизни, огня, размышления о судьбах родины и о судьбе человека, устремлены на вас, вопрошают, требуют ответа.

Спокойствие и сдержанность во всей этой строгой фигуре, и только рука крепко сжала рукопись. И кажется, силу и мудрость этого своего труда еще раз взвешивает и выверяет Чернышевский, прежде чем сделать его достоянием народа.

Он понимает, что памятник ушедшему лишь тогда бывает достоин того, кому воздвигнут, когда в нем показан не только человек, но и его судьба, смысл его деяний, его подвига, когда искусство славит жизнь. И статуя Чернышевского в центре Саратова и статуя Маяковского, которая будет сооружена в центре Москвы,— в этих произведениях достойно воплощены образы художников — певцов русской революции. И эти памятники по праву претендуют на долгую жизнь.

В. СУХАРЕВИЧ

Поэт-гражданин

Творчество народного поэта Азербайджана Самеда Вургуна — одно из самых значительных явлений в нашей многонациональной культуре.

Вышедший из крестьянской семьи, уроженец селенья Салахлы в Казахском районе Азербайджанской ССР, юный Самед Векилов (литературный псевдоним Вургун означает «Влюбленный») учился в сельской школе, окончил педагогический техникум, в течение нескольких лет учительствовал. В 1929 году он уже в Москве, где поступил в московский университет. В 1930 году вышел первый стихотворный сборник поэта — «Клятва». Уже здесь выявились отличительные черты его поэзии: напряженный, глубоко искренний лиризм, связь с народной песенной традицией, с лирикой азербайджанских классиков, в частности поэта XVIII века Вагифа, которому Самед Вургун впоследствии посвятил свою первую романтическую драму.

Творчество поэта развивалось быстро, самобытно. Самед Вургун жадно впитывал в себя традиции Маяковского. К середине тридцатых годов Самед Вургун сформировался как боевой поэт-публицист, темпераментно откликающийся на значительные темы современности. В те же годы он принимается за капитальный труд — перевод «Евгения Онегина». С виртуозным мастерством передает он на родном языке лучшие качества гениального оригинала, воспроизводит пушкинскую строфику.

В 1938—1939 годах поэтическое слово Самеда Вургуна впервые прозвучало со сцены. Это была драма «Вагиф». Пьеса полна внутреннего движения, в ней смело и резко обрисованы сильные характеры. Это по-настоящему сценичное произведение, благодарное для актеров и увлекательное для зрителей.

Поэмы Самеда Вургуна «Слово о колхознице Басти», «Талыстан», «Двадцать шесть», «Мугань», «Негр говорит» — это произведения разных лет, но в каждом из них мы узнаем напряженный лиризм поэта, его голос, его изменчивую, богатую оттенками интонацию. В крутых поворотах сюжета, в непроизвольных отступлениях, в страстной авторской публицистике эти поэмы воспринимаются как точные стенограммы человеческого волнения. Про каждую из них можно сказать: с подлинным верно — с подлинным души автора. Таковы и отдельные стихотворения Самеда Вургуна, на что бы он ни откликался: на впечатления от зарубежных стран, на чтение ленинских книг, на современность или на грозные события Отечественной войны.

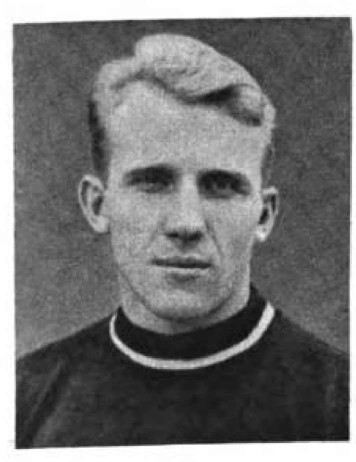
Трудно передать волнение аудитории, одинаковое в Баку и в Москве, когда перед нею выступает этот великолепный поэт. Уже один ритм его слов завораживает слушателей, одна эта азербайджанская речь со смягченными гласными кажется полной внутренней музыки.

Самед Вургун — наш общий любимец. С большим удовлетворением прочитали мы Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении поэта орденом Ленина. Казалось очень естественным, что именно он, а не кто-либо другой, на Втором всесоюзном съезде советских писателей делал доклад о всей нашей многонациональной поэзии.

Самед Вургун встречает свое пятидесятилетие в расцвете творческих сил, полный высоких замыслов и недюжинно работоспособный. От всей души желаем ему здоровья, долголетия и счастья.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

КРОСС «ЮМАНИТЕ» ВЫИГРАЛИ СОВЕТСКИЕ СПОРТСМЕНЫ

В. Куц.

Большая и славная история у кросса «Юманите». 23 года назад в парижском пригороде Витри был дан старт первому состязанию, и с тех пор парижане привыкли к тому, что приход весны начинается спортивной борьбой в Венсенском лесу.

За эти годы кросс стал очень популярным не только среди французских спортсменов. В нем принимают участие сильнейшие бегуны многих стран. В 1935 году победу в Париже одержал известный советский бегун Серафим Знаменский. Успешно выступали на трудной десятикилометровой дистанции и другие советские спортсмены: Александр Пугачевский, Иван Семенов, Никифор Попов. Почетных побед добивались и советские спортсменки Анна Зайцева, Полина Солопова, Нина Откаленко. В двух последних кроссах первенствовал известный чехословацкий бегун Эмиль Затопек.

И вот снова, в девятнадцатый раз, съехались в столицу Франции сильнейшие бегуны Европы. Особенный интерес представлял мужской забег, в котором участвовали давние соперники — Эмиль Затопек, Владимир Куц и молодой польский спортсмен Ежи Хромик. Тысячи парижан стали свидетелями напряженной, острой борьбы. Первым линию финиша пересек Куц, второе место занял Хромик, третье — Затопек.

В женском забеге на 2 500 метров победила Н. Откаленко, следующие четыре места также заняли советские спортсменки. Бегуны СССР завоевали все три командных приза.

Я. КОНСТАНТИНОВ

Н. Откаленко.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОВЕЩАНИЕ В МОСКВЕ

Общий вид синхрофазотрона на десять миллиардов электроновольт.
Фото Е. Умнова.

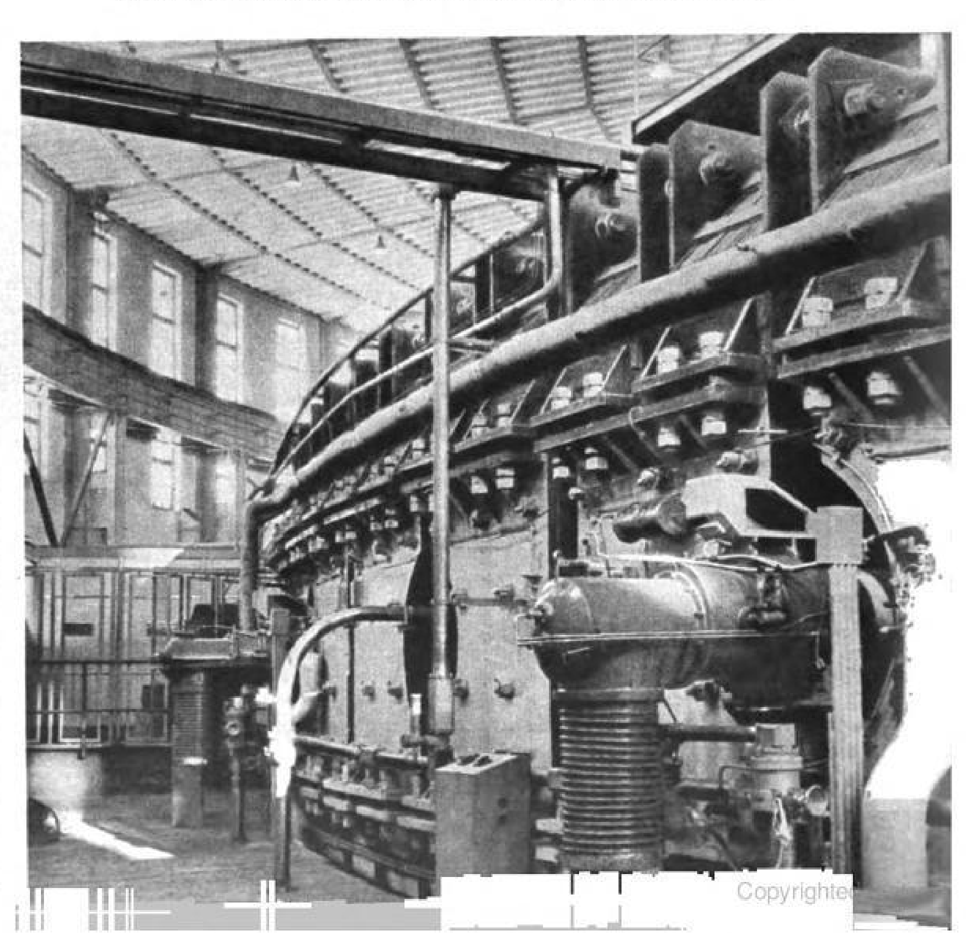
В Москве закончило свою работу Международное совещание по организации Объединенного института ядерных исследований. Полномочные представители правительств стран, принявших участие в Совещании, заключили Соглашение об организации Объединенного института ядерных исследований. Соглашением предусматривается учреждение международной научно-исследовательской организации под названием «Объединенный институт ядерных исследований» с месторасположением в СССР.

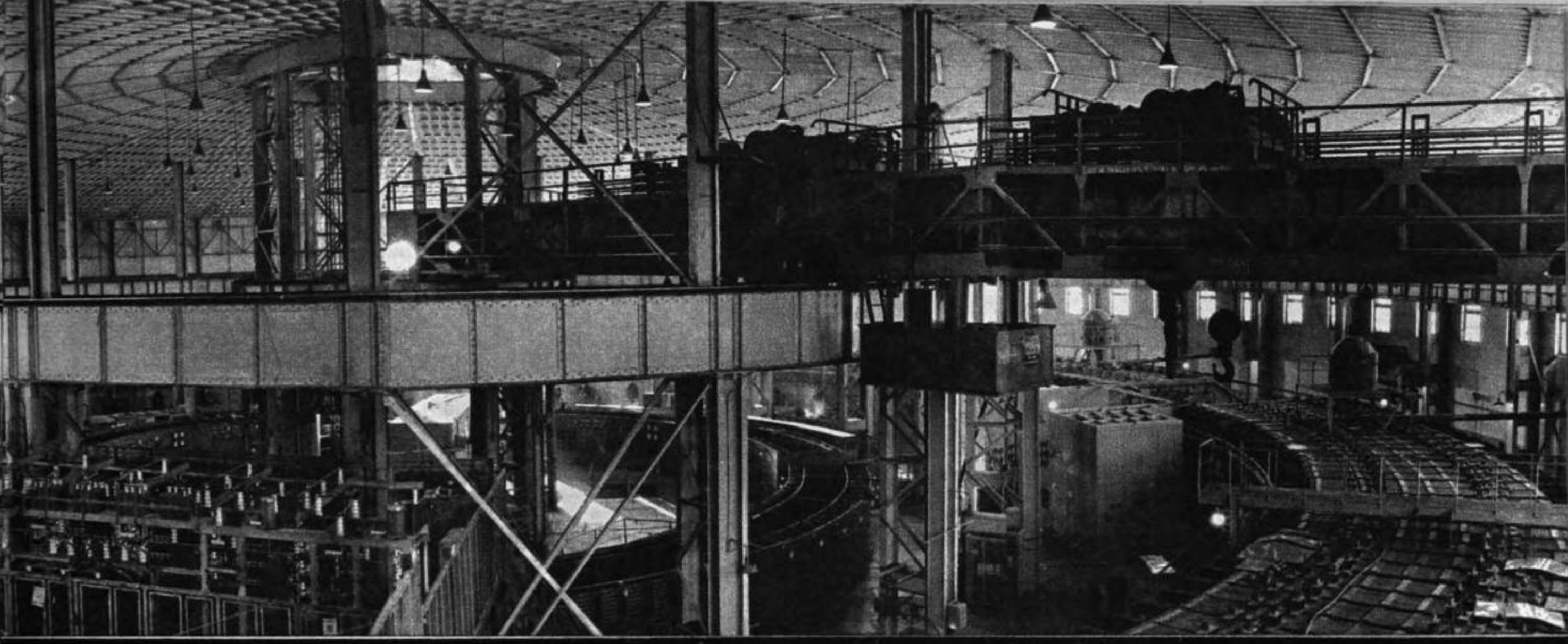
Делегации Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Китая, Кореи, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии посетили Институт ядерных проблем и Электрофизическую лабораторию Академии наук СССР. Там они ознакомились с колоссальными ускорительными установками для изучения атомного ядра. Всеобщее восхищение вызвал крупнейший в мире синхрофазотрон, рассчитанный на ускорение протонов до энергии в 10 миллиардов электроновольт.

С большим интересом осмотрели участники совещания кольцевой электромагнит ускорителя, который весит 36 тысяч тонн. Диаметр его достигает почти 60 метров. Были осмотрены также энергетический корпус, где расположено оборудование для питания синхрофазотрона, и центральный пульт управления.

Новый ускоритель даст возможность изучать ядерные процессы при сверхвысоких энергиях, развивая таким образом экспериментальные работы на «переднем крае» современной физики.

Часть электромагнита с мощными вакуумными насосами.

Объединенный институт ядерных исследований

Участники совещания (слева направо): член-корреспондент Академии наук Польской Народной Республики профессор Андрей Солтан, профессор Бронислав Бурас (ПНР), директор Электрофизической лаборатории член-корреспондент Академии наук СССР В. И. Векслер и инженер Намсарайн Того (Монгольская Народная Республика).

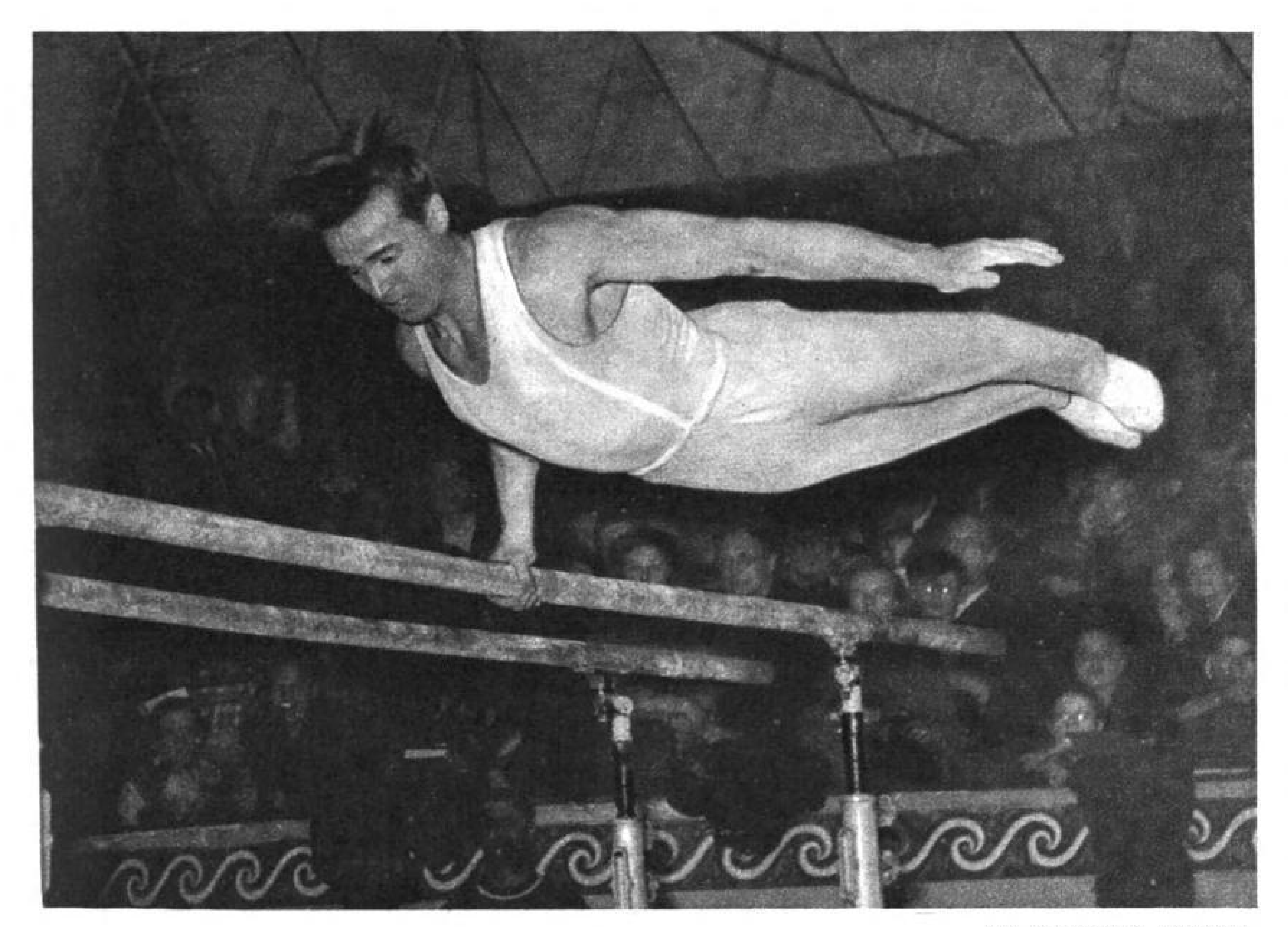
Китайские ученые директор Научно-исследовательского института физики Академии наук КНР профессор Цянь Сань-цян (слева) и член Отделения физико-математических и химических наук Академии наук КНР профессор Чжао Чжун-яо осматривают узлы установки синхрофазотрона.

Доктор физико-математических наук профессор В. А. Петухов показывает участникам совещания часть прямолинейного участка установки синхрофазотрона.

Центральный пульт управления установки синхрофазотрона.

На брусьях В. Чукарин.

Один только шаг

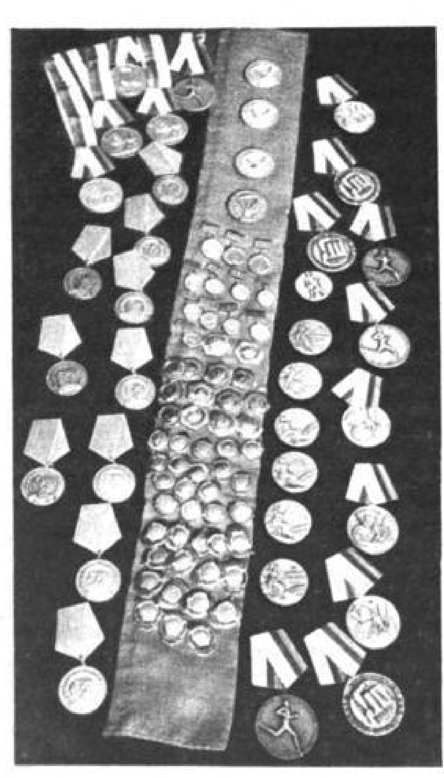
Евг. СИМОНОВ

Фото А. Ковликова и А. Бочинина.

Стройный, подтянутый, с внимательным взглядом карих глаз, Чукарин останавливается подле стеклянной горки. Призы выстроились по всем трем ярусам, и в каждом из них как бы воплощено напряжение спортивных схваток, воспоминания о городах и странах, где поднимала родное знамя сильная рука советского гимнаста.

...Шумный, жизнерадостный, окутанный легким туманом Париж. О нем напоминают простая деревянная чаша с корабликом, герб французской столицы, герб, на котором начертано: «Качает его, но он не тонет». А этот ощетинившийся, черный, как уголь, лев? Он из Мукдена. Искусная рука китайского друга вырезала его из темного минерала и укрепила на шаре. О Будапеште, о первом месте, которое завоевал здесь накануне XV олимпийских игр Виктор Чукарин, напоминает покрытая чернью шкатулка. А этот медведь, тяжелый и сильный, на точеном деревянном блюде? Откуда мишка попал во Львов, где живет Чукарин? Из Берлина! Он был наградой за чукаринские «118,75».

В 1951 году в Берлине на Всемирных студенческих играх Чукарин установил своеобразный рекорд. Ни одному гимнасту ни на одном из международных турниров не удавалось добиться такой оценки: средние 9,9 балла из десяти возможных, по каждому из двенадцати упражнений гимнастического многоборья, общая оценка 118,75! Даже абсолютный чемпион мира 1950 года швейцарец В. Леманн не поднимался выше 115,05 балла. Вот о чем мог бы поведать нам мишка, бок о бок с которым примостился ларец с вычеканенным на крышке пьедесталом почета.

Призовые медали В. Чукарина.

Чукарин молча глядит на ларец.

— Один короткий шаг — и ты на пьедестале,— говорит он.— Но этот шаг, быть может, самый длинный на свете... На то, чтобы совершить его, уходят годы...

Чукарин родился в старенькой хате степного приазовского села на том чумацком шляхе, что видим мы на полотнах Архипа Куинджи. Трудное детство без отца. Юность, грубо оборванная военной грозой. И 1945 год, когда он увидел на месте родного дома лишь угрюмо торчащую обгорелую трубу, и даже мать, ютившаяся в землянке, не сразу признала в этом усталом лице с глубоко ушедшими глазами черты родного сына.

Чукарин не подходил тогда к гимнастическим снарядам. Боялся подходить, хотя в его котомке лежала чудом уцелевшая книжка с вылинявшей надписью «Мастер спорта СССР».

Ему помог человек, с которым он встретился во Львовском институте физкультуры.

— Давайте знакомиться. Принимаю дела на кафедре гимнастики. Собенко Петр Тимофеевич. Прошу любить да жаловать!

— Чукарин Виктор,— сказал в ответ студент второго курса, пожимая протянутую ему руку.

Собенко поселился в главном корпусе, где жили и студенты. Утром он проснулся от легкого, все усиливающегося топотка, доносившегося из коридора. Приоткрыв дверь, Петр Тимофеевич увидел Чукарина. Он делал гимнастику, не дожидаясь общего подъема. И каждое утро, в один и тот же час, не глядя на часы, новый заведующий кафедрой поднимался по этому утреннему топотку.

Так началась их совместная работа, и в 1949 году с четвертых — седьмых мест Виктор Чукарин переходит на первое. На всех соревнованиях он завоевывает звание абсолютного чемпиона.

Воздавая должное редкостному спортивному трудолюбию хлопца из Мариуполя, гимнасты удивленно говорят: «Машина!»

Как часто видят они на тренировках: вот уже «отвалилась», плотно уселась на скамейках часть занимающихся. Другая, отшучиваясь — «шестым снарядом возьмем... душ»,— исчезает из зала. Только не Чукарин! Кажется, даже надетые на ладони кожаные накладки не могут выдержать трения о металл, нагрелся и сам стальной стержень снаряда. Но гимнаст с растрепавшимися каштановыми волосами и пятнами румянца на обострившихся скулах тщательно протирает перекладину, чтобы снова подойти к снаряду.

С первых же встреч его отметили и зарубежные мастера. На матче СССР — Финляндия, глядя на соскок Чукарина с перекладины — нарисованную движением тела крутую дугу и венчающее ее стремительное сальто,— кто-то из гостей обратился к государственному тренеру:

— Не будет ли любезен господин Попов рассказать, сколько же лет разучивал Чукарин свой великолепный соскок?

Попов разрешил себе встречный вопрос финну, показавшему совсем неплохое двойное сальто:

— А вы сколько готовили сальто?

— Десять лет.

— Ну, а Чукарин не работает в общей сложности и десяти лет. Новый соскок мы освоили за год с небольшим.

Гости, среди которых был и олимпийский чемпион по этому снаряду Хухтанен, с недоверием отнеслись к словам государственного тренера. Между тем это было именно так.

Если бы финские гимнасты побывали на тренировках Чукарина, они увидели бы, как напряженно работал гимнаст. Вот он отнимает руки от металлической оси турника, и упругая дуга возносит его ввысь, но здесь где-то на высшей точке движения он неожиданно складывается в комочек и вместо орлиного полета, обхватив руками колени, продолжает полет в странном положении — сидя. Так Чукарин приземляется на ковер: раз и другой, сотню и тысячу раз. Это и было началом будущего «сальто вперед», как называется у гимнастов такой сложный соскок.

И вот наступает момент, когда Чукарин то и дело нетерпеливо поглядывает на Собенко, ожидая, когда же тот скажет: «Можешь идти на сальто!» Но тренер отмал-

чивается, выжидает. Оба молчат. Оба ждут. Кто кого перемолчит? Первым не выдерживает Виктор:

— Не попробуем ли завтра сальто?

— Добре! Завтра решишь. Завтра и скажешь.

Назавтра Чукариным снова овладевают сомнения. Снова молчит. Проходит еще день... другой... и Виктор решительно берет лонжу, напоминающую амуницию верхолаза,— веревку с поясом, которая охраняет гимнаста. Эта амуниция будет нужна до той поры, пока искомое не станет найденным. А пока Петр Тимофеевич не отпускает лонжи, страхуя своего ученика.

Выполняя самые головокружительные трюки, спортсмен сначала воспроизводит их вслепую, и на вопрос: «Опять не видишь ничего кругом?» — следует один и тот же ответ: «Опять!»

Но вот однажды Чукарин, вспотевший, с растрепанными волосами, уставший и вместе с тем радостный, говорит Собенко:

— Начал видеть!

* * *

Не думал Чукарин, что на самом взлете сорвется, должен будет прекратить занятия...

В 1954 году, готовясь к соревнованиям, Чукарин вдруг почувствовал, что потерян интерес к любимому спорту.

— Вам надо отдохнуть и на время совершенно отказаться от тренировок,— таково было решение врачей.

Он ехал по весеннему Львову подавленный, озабоченный и, бросив рассеянный взгляд на монумент Мицкевича, где крылатая муза венчает лаврами поэта, с невольной грустью подумал: «Кто же вернет мне потерянные крылья?»

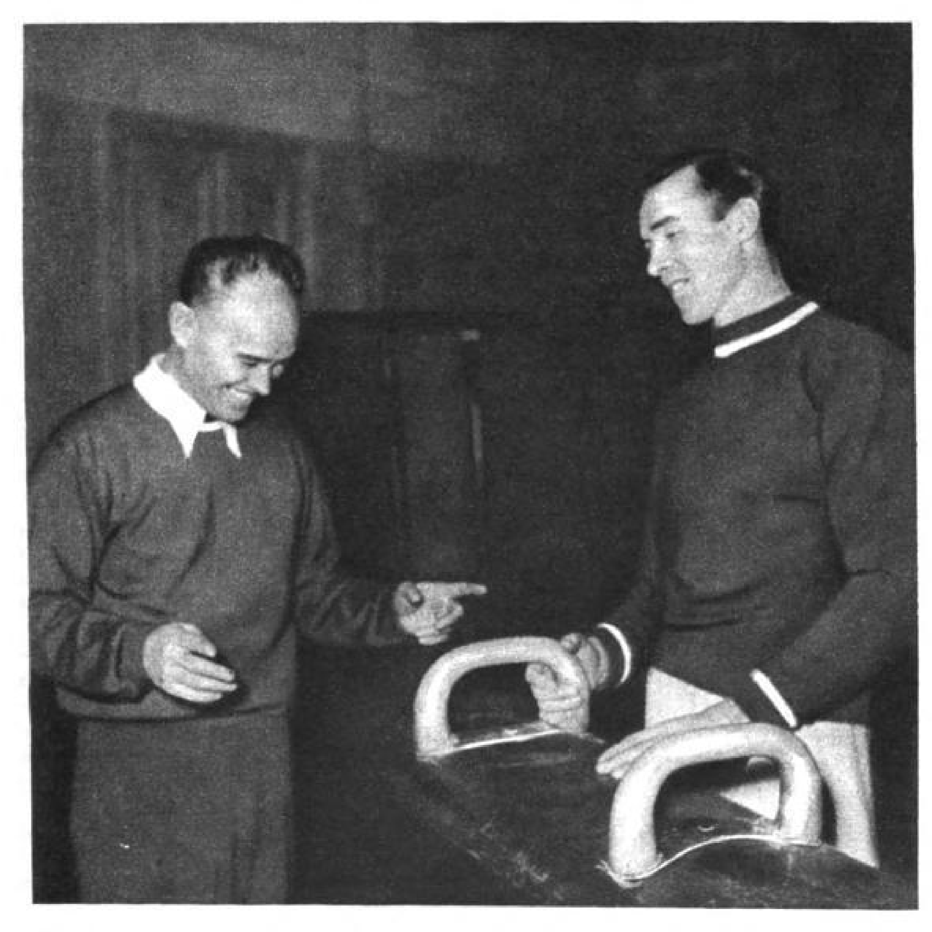
Время ответило на его вопрос. За один только год Чукарин пять раз добивался победы вплоть до абсолютного победителя первенства мира, не говоря уже о тех четырех титулах олимпийского чемпиона, которые он сохраняет за собой до встречи с сильнейшими гимнастами мира в Мельбурне на XVI олимпийских играх.

Но еще одно испытание ждало его, и, быть может, самое трудное,— борьба за звание абсолютного чемпиона СССР. Первенство СССР 1954 года он проиграл, заняв только шестое место. Удастся ли ему взять реванш у сильнейшего гимнаста страны Бориса Шахлина?

И вот снова встретились Чукарин и Шахлин, на этот раз в Ленинграде. Нельзя забыть финала этого первенства. Судьба первого места решалась на перекладине. Борис Шахлин отлично выполнил свое упражнение. Теперь очередь Чукарина. Труднейшая комбинация разворачивается легко и непринужденно. Вот ее последний элемент. Точная, словно по вышитой в воздухе канве, дуга полета — и тело, натянутое, как тетива, на миг повисает в воздухе, чтобы тут же опуститься на землю. «Стой!» — кричат, поднимаясь с мест, зрители, словно их крик поможет гимнасту погасить влекущую его инерцию...

Не дожидаясь оценки судей, Шахлин делает шаг вперед. Все ясно! Абсолютный чемпион пятьдесят четвертого года спешит первым пожать хранящую жар борьбы руку абсолютного чемпиона пятьдесят пятого года. И Чукарину, усталому, но счастливому, остается сделать только один шаг, чтобы занять свое место на пьедестале почета.

Чукарин и Шахлин снова встретились у гимнастических снарядов 23 марта 1956 года в Киеве. Советские спортсмены вели борьбу с лучшими гимнастами Болгарии и Венгрии, но спор за первое место снова развернулся между двумя давними соперниками. И снова победы добился Виктор Чукарин. Снова ему осталось сделать один только шаг, чтобы занять свое место на пьедестале почета, один только шаг.

П. Т. Собенко (слева) и В. Чукарин на тренировке в зале Львовского института физкультуры.

МЕЛЬБУРН ГОТОВИТСЯ К ПРИЕМУ ГОСТЕЙ

Фото О. Гудашева.

В те дни, когда в итальянском городе Кортина д'Ампеццо проходила «Белая олимпиада», в большинстве стран уже шла подготовка к летним олимпийским играм. Еще в канун Нового года на берегу реки Яарра, возле города Мельбурна, состоялось торжественное факельное шествие, ознаменовавшее начало нового олимпийского года. О том, как готовится Австралия к этим крупнейшим международным соревнованиям, рассказала венгерская молодежная газета «Табад ифьюшаг».

* * *

Участникам летних олимпийских игр не нужны будут особые паспорта для приезда в Австралию — достаточно карточки участника, выданной национальными олимпийскими комитетами.

Согласно предварительным данным, в XVI олимпийских играх примет участие тридцать азиатских стран, в то время как в XV играх в Хельсинки участвовало только двадцать стран Азии. Европейские страны из-за дальности расстояния и материальных затруднений, повидимому, будут представлены небольшими спортивными делегациями.

Из Европы в Австралию можно добраться двумя путями: пароходом и самолетом. Пароходом дешевле, но путешествие это более продолжительно, и, что имеет немаловажное значение, спортсмены лишены возможности в дороге тренироваться.

Как стало известно, олимпийские комитеты северных стран решили организовать совместную поездку своих команд. Они наняли три самолета, на которых полетят через Северный полюс. После двухсуточной остановки в Гонолулу шведы, норвежцы и финны отправятся в Мельбурн. Само воздушное путешествие продолжится 42,5 часа. Пролетая над Северным полюсом, спортсмены Скандинавии сбросят олимпийское знамя.

Летние олимпийские игры начнутся 22 ноября 1956 года. Австралийский премьер-министр Роберт Мензис 22 ноября 1955 года сделал заявление, в котором говорилось:

«Ровно через год в этот день герцог Эдинбургский объявит об открытии олимпийских игр. Мельбурн будет одиннадцатым городом в истории современных олимпиад, который организует это мероприятие мирового значения. От имени всего австралийского народа я горячо приветствую все нации, участвующие в XVI олимпиаде. Приехав сюда, спортсмены всех стран смогут сами убедиться в гостеприимстве и дружбе нашего народа, который более полувека верен олимпийским идеям, являющимся связующим звеном между народами мира».

Австралийцы проявляют довольно сдержанный интерес к предстоящим играм. Объясняется это тем, что в Австралии наибольшей популярностью пользуются крикет, гольф, теннис и конные состязания. Ни один из этих видов спорта не входит в программу олимпиады. (Как известно, конные состязания состоятся летом в Стокгольме.)

Мельбурн — большой город с населением в полтора миллиона — не очень богат стадионами, спортивными залами и бассейнами. Центральное место соревнований—олимпийский стадион — перестраивается из крикетного стадиона.

В 1870 году в Мельбурне был организован крикетный клуб. Тогда и был построен Крикет Граунд, вмещающий до 60 тысяч зрителей. Когда владельцы стадиона услышали о планах перестройки Крикет Граунда, они заявили, что не позволят осквернить его присутствием футболистов и легкоатлетов. Только после длительных переговоров удалось придти к соглашению.

Сейчас в разгаре перестройка стадиона. Вместо дерновой площадки для игры в крикет оборудуются беговые дорожки. У австралийцев нет большого опыта в строительстве гаревых дорожек, и организационный комитет пригласил из Англии специалистов. Воздвигаются новые трибуны с таким расчетом, чтобы на стадионе смогли разместиться около 120 тысяч зрителей.

В парке Фаукнер строится новый бассейн, отвечающий всем современным требованиям. Внешне здание немного напоминает распростершую крылья бабочку. Эти крылья и являются трибунами. Не повезло австралийцам со стадионом для бокса. Несколько месяцев назад пожар уничтожил огромный зал, и теперь надо заново его строить. Однако работы идут быстро, и стальные каркасы уже установлены.

Соревнования по гимнастике и фехтованию будут проходить в одном из самых больших зданий Австралии — «Экзебишн билдинг». Велосипедисты померятся силами на новом строящемся стадионе, а шоссейные гонки пройдут в десяти милях от города, на участке дороги, изобилующем малыми и большими спусками и подъемами. В ста километрах на запад от Мельбурна, на расположенном возле небольшого города Балларат озере Вандоури, состоятся соревнования по гребле.

В северной части Мельбурна — в Хейдельберге — идет строительство коттеджей олимпийского городка, в котором разместятся 6 тысяч участников и сопровождающих их лиц. Согласно пожеланиям спортсменов, строятся финские бани, для чего были приглашены специалисты из Финляндии. Проявлена забота и о питании участников игр. Каждая страна может привезти своего повара и устроить свою кухню.

Количество журналистов, которые будут официально представлены на олимпиаде, составит 800 человек.

Е. ТУМАРКИНА

Ольга ПОЗДНЕВА

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА.

Воскресным днем Иван Кузьмич Маликов обедал в ресторане «Фантазия».

Джаз играл попурри из колхозных частушек. Кто-то подпевал, кое-кто танцевал, правда, без всяких правил, а так, что-то вроде фокстротного перепляса. Все это было не по душе Ивану Кузьмичу.

«Пожилые, а пляшут,— думал он неприязненно.— Вообще, что за время: кругом улыбки, куда ни повернись, везде эти улыбки, неужели нельзя построже, посолиднее?»

Тут он зевнул, закинул немного голову и обомлел: прямо над головой он увидел обнаженную богиню. Юная и розовая, она, нежно улыбаясь, неторопливо плыла куда-то на клубящемся облаке. Вокруг кувыркались толстые амуры. Иван Кузьмич счел это за неуважение, обиделся и вызвал к столику директора ресторана.

— Что это у вас? — тягуче спросил он, ткнув вилкой в потолок.

— Это? Это богиня, типа Венеры, образец красоты.

— Гм! А почему она не одета?

— Художники так изображают, им виднее. Эта богиня еще при старом хозяине была, при купце Ковригине.

— И неужели никто не возмущается? Ведь у вас же семейные люди бывают, студенты, учащаяся молодежь...

— А чего возмущаться? Богиня как богиня. В ассортименте.

Иван Кузьмич немедленно покинул зал, но душу его жгло возмущение, и он решительно направился в ближайшее отделение милиции.

Миловидный чернобровый лейтенант милиции ввиду отсутствия воскресных происшествий с наслаждением читал, сидя за столом, роман Дюма «Граф Монте-Кристо». Выслушав гневное сообщение о том, что в ресторане «Фантазия» находится неодетая дама, он отложил «Монте-Кристо» и нахмурился.

— Что же они там сами не справятся? Салакин! — крикнул он через окошечко в соседнюю комнату.— Пойдешь сейчас в «Фантазию», там нарушение. Возьми с собой кого-нибудь. А вы, гражданин, сами-то видели эту женщину? Уж как ни нарушали, а такого не было. Давно она там?

— За точность не ручаюсь, но говорят, что ей уже больше семидесяти лет. На потолке она.

— На потолке? Салакин, останься. Если вы про ту картину, то мы из-за таких пустяков дело заводить не станем. Картина написана в соответствии с правилами красоты, и за нее отвечает трест ресторанов. И что в ней плохого? Я сам там сколько раз обедал...

— Я стою на страже добродетели,— солидно сказал Иван Кузьмич.— Такие картины во мне лично вызывают отвращение.

— А мы здесь при чем? Если по-вашему рассуждать, то в музей изобразительных искусств нужно всю городскую милицию стянуть. Вот так!

И он нетерпеливо поглядел на Дюма-отца.

Сердце Ивана Кузьмича закипело.

— Дело не стоит заводить?! А вот увидим!

И дело на богиню было заведено. Иван Кузьмич составил списки тех учреждений, что должны были противоборствовать ее вредному влиянию, и подал туда жалобы. Богиня обвинялась в подрыве семьи и брака. Она, как догадывался заявитель, способствовала росту хулиганства среди несовершеннолетних и растратам казенных денег.

Официанты «Фантазии» долго не могли понять, почему в тихие дневные часы, когда испокон веков полагается затишье, в зале стали появляться группы людей, трезвых и приличных, но со странным поведением. Они нерешительно заказывали себе обед и, сев за стол, все враз задирали вверх носы и уставлялись на потолок. Потом шептались и что-то писали.

Это были представители учреждений, смущенных бумажными воплями Ивана Кузьмича. Ревизоры красоты придирчиво глядели на богиню, и она им нравилась. Она была прекрасна, грациозна, чиста, и они думали: «Молодец художник, сколько поэзии в этой богине!»

Но писали они не так, как думали, а осторожно и с затемнением:

«В связи с В/заданием произведена проверка сюжета живописи на потолке ресторана «Фантазия». Изображение Венеры с амурами не отвечает по теме требованиям сегодняшнего дня. Желательна замена».

Плохо пришлось богине. Но она все еще улыбалась. Ненавистная эта улыбка доводила до белого каления стража добродетели. Он нажимал, пугал «вышестоящими» лицами. И главный бухгалтер ресторана, старик с голубоватыми усами, не выдержав, сказал, глядя в его постное лицо:

— Считаю своим наиприятнейшим долгом заявить, что вы ханжа, фарисей и невежда!

Директор с наслаждением захохотал, а на другой день поборник добродетели привел с собой родительский совет средней школы № 24, помещавшейся наискосок от «Фантазии».

Родительский совет обедать здесь не стал, а недоуменно поглядел на потолок и начал расходиться. Но одна из родительниц, неестественно тощая и длинная дама, похожая на казацкую пику, обернутую в голубой драп, с ненавистью сощурилась на розовый торс богини и высказала свое особое мнение:

— Конечно, для детей непосредственной опасности в этом нет, но ведь здесь бывают отцы этих детей. Ограждая отцов, мы тем самым заботимся и о детях.

И спасение неустойчивых отцов началось с такой сокрушительной силой, что не прошло недели, как в главный зал «Фантазии» ввалились, отряхиваясь от весеннего дождя, два представителя художественной артели «Козерог». Озабоченно пройдясь по залу, они рассмотрели потолок с разных точек зрения, а Козерог постарше, долговязый, с плаксивым старушечьим лицом, даже залезал на буфетную стойку.

— Ну как? — спросил его ленивый и пухлый младший Козерог.

— Подходяще. Мифологию эту, конечно, побоку. Можно будет жанрик развернуть... поактуальнее.

— А хорошая вещь,— сказал младший, глядя на богиню.— Прямо-таки гимн юности и красоте. А? Ты погляди, старик, как пластично у нее плечо идет. Прямо плакать хочется.

— Охры много,— поморщился старший.— Подновлял кто-то. Охрой старался. Амуров-то как зажелтил, болван!

— Помнишь, старик, «Ночевала тучка золотая...».

— Брось ты, ей-богу. У нас план горит, а ты тут с лирикой. Помолчи, директор идет. Послушайте, уважаемый, вот наше мнение. Сделать можно. Дадим вам монументальный жанровый мотив. Например, «Утро на МТС». Или что-нибудь в пейзаже: «Косовица» или «Осушение болота». Можно скопировать известное полотно художника Сюсюкина «Пять с плюсом».

Идея скопировать знаменитое полотно польстила директору. Он представил себе, как прославленный Сюсюкин ужинает с компанией прямо под собственным жанровым мотивом. Начались переговоры. Козероги, щеголяя словами «монументальная пропаганда», запросили несуразно, но в конце концов смирились и предложили вариант подешевле: богиню закрасить, амуры остаются, а в центре помещается новый сюжет — громадная корзина, обвитая цветами. В ней гора фруктов и туда-сюда торчат бутылки с шампанским.

Бухгалтер в пику Ивану Кузьмичу завел дремучую волокиту со сметой. Торжество добродетели отодвигалось на неопределенное время, но неукротимый пенсионер посовещался с дамой, похожей на казацкую пику, и она, нажав на светские знакомства, устроила ему прием у академика живописи Настюкова.

Войдя в великолепный, увешанный картинами кабинет, пенсионер Маликов увидел еще нестарого человека с длинным нескладным носом и щегольскими маленькими усами. Не переставая быстро подписывать бумаги, он ласково улыбнулся.

— Товарищ Маликов? Да, мне звонили. У вас что-то важное? Присядьте, прошу вас. Еще один «рескрипт», и я к вашим услугам.

«Маститый»,—почтительно вздыхая, думал Иван Кузьмич.

— Слушаю вас.

Иван Кузьмич, уже изрядно уставший, воевал без прежнего огня. Он только пробормотал:

— Вот в советском ресторане... Заступитесь за правду...— и положил на стол фотоснимок злополучного потолка. Выхоленная рука с кольцом взяла фотографию, маленькие быстрые глазки лениво скользнули по ней, потом всмотрелись, впились и... маститый Настюков испустил громкий, суматошный вопль, отнюдь не шедший к его корректному облику.

Дальше началось что-то совсем непонятное. Настюков нажимал кнопки на столе, кричал что-то в телефон, восторженно хохотал, и слышно было, как весь старинный особняк пришел в движение: где-то падали стулья, хлопали двери,

дробно топотали каблуки — сотрудники сбегались на зов своего «патрона».

— Вот!— Настюков торжественно показал на оторопевшего Ивана Кузьмича.— Вот, дорогие мои, перед вами скромный, но замечательный человек, пенсионер Маликов, благодаря которому я могу сделать вам сейчас интереснейшее сообщение. Мы все, вся наша художественная общественность должны благодарить его. Пожмем ему руку.

И он первый с чувством обнял поборника добродетели. Затем с криком кинулись остальные. Иван Кузьмич, конечно, рассчитывал на благодарность, но такого триумфа он никак не ожидал. Немного успокоившись, Настюков взял со стола фотографию.

— Дорогие мои, перед вами снимок с плафона, расписанного одним из славнейших наших живописцев, самим Корзинкиным. Это его ранняя, никому не известная работа. О ней есть только одно упоминание в письме самого мастера, где он пишет, что в юности, будучи студентом школы живописи, ваяния и зодчества, сильно нуждаясь, он расписал плафон в каком-то маленьком московском ресторане. Мы думали, что плафон давно погиб, но он уцелел! Сейчас мы его увидим! Туда, туда! Я не могу ждать ни минуты!

Тут все снова кинулись поздравлять, благодарить, благословлять Ивана Кузьмича. А жизнерадостный Настюков требовал, чтобы ему вызвали вертолет, не то остановки у светофоров сведут его с ума. Но потом послушно сел в обыкновенный «ЗИМ».

Вереница машин увезла ликующих сотрудников, а Иван Кузьмич надел резиновые ботики и зашаркал по мокрой улице.

Он устал. Он отступил. Его добродетель воевала с теми, кто громко смеялся или собирал джазовые пластинки; его добродетель внушала, что женщинам после сорока лет стыдно делать перманент, а женатым мужчинам нельзя ходить в балет. Эта добродетель оказалась ненужной, она встречала ненависть, как пережиток чего-то тяжелого, мешавшего дышать.

Весна наступала со всех сторон. На ее стук открывались окна и двери, она звала — ей выходили навстречу, она обещала — ей верили...

— А мне что? — думал Иван Кузьмич, хлюпая ботиками.—Будьте любезны, пляшите хоть до утра, хоть по два обручальных кольца надевайте. Бог с ней, с богиней, да и с прочими! Себя нужно пожалеть. Там нервы, тут нервы — годы уже не те.

Он вышел на сквер, и здесь, у цветочного киоска, ему преградила путь продавщица, тащившая волоком корзинку с первой весенней мимозой, желтой, легкой, как цыплячий пух, и у киоска быстро собиралась очередь.

— ...Годы уже не те,— задумчиво повторил Иван Кузьмич и встал в очередь.

ГДЕ ЖЕ ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ?

Штефан САБО

Наш директор Петер Циболен ничем от прочих директоров не отличается.

Когда видишь, с каким почтением склоняются перед ним головы подчиненных, начинаешь невольно предполагать, что его даже любят.

Во время его посещений то и дело слышно: «Пожалуйте сюда, товарищ директор», «Как здоровьице, товарищ директор?»... Словом, порядок полный. Неделикатного словечка о нем никто не скажет.

И вдруг недавно...

Было у нас общее собрание. На повестке стоял вопрос о выполнении плана. С докладом выступил директор. Все в знак согласия кивали головами, поддакивали, даже в ладоши хлопали...

Но только председатель собрания предложил открыть прения, наступила гробовая тишина. Стало слышно, как у товарища Вавры бурчит в животе, хотя он слова не просил... Потом все снова стихло. Мне стало стыдно, и я выступил.

— Товарищи, — говорю, — наш директор тут правильно докладывал. Ну, а что же сделало руководство нашей конторы, чтобы эти недочеты устранить? Ничего или очень мало...

Например, то-то, то-то и то-то...

Удивленные взгляды сослуживцев, словно мячики, перескакивали с меня на директора, но в конце концов все-таки обратились к директору, как бы говоря ему:

— Вот так так! Что это ты себе позволяешь?..

Хотя объективности ради следует признать, что нашлись и такие, которые взирали на него иначе:

— Ну, как? Этот тебе показал!..

— Что ты на это скажешь?

Но директор ничего не сказал. Пошептал что-то на ухо председателю, и тот объявил:

— Были сделаны очень важные замечания, товарищи, руководство этим займется, и на ближайшем собрании мы эти вопросы разберем...

Собрание закончилось, и мы отправились по домам. За углом меня поджидал товарищ Гайдош.

— Разреши пожать тебе руку, — сказал он мне прочувствованным голосом. — Такие люди нам в учреждении давно нужны, а если бы ты знал, что к тому же директор на служебной машине ездит на прогулки...

Я зашел в ресторан поужинать. Не успел сесть за стол — в зал вскочил Пеняжка. Оглянулся и подбежал ко мне.

— Ты молодец, — прошептал он и еще раз оглянулся, — но тебе следовало бы еще заявить, что руководство не ценит кадры. Например, меня жмут, а за что? За то, что я их не боюсь!..

Я уже собирался лечь спать, когда позвонил Маковица:

— Не сердись, что мешаю, но я не знал, один ли ты...

Я рассердился, но ему это не помешало.

— Послушай, ты не все сказал. Я мог бы тебе дать еще материал. Такой материал, ты себе даже представить не можешь!

Утром перед домом меня ожидала моя невеста:

— Скажи, пожалуйста, что ты там снова натворил? Заходила ко мне Роспоркова. «Я, — говорит, — однажды убирала у директора, так нашла у него бутылку сливовицы и рюмки». Она требует, чтобы об этом ты тоже заявил...

В учреждении на лестнице меня остановил Болеразик:

— Ты бы еще о семейственности несколько слов сказал. Ты только посмотри...

В умывальной я столкнулся с Калерабом. Он, очевидно, меня подкарауливал.

— Хорошо, что ты пришел. Хочу выразить тебе мое восхищение. Но почему ты не заявил также о землячестве? Разве тебе не известно, что все наше руководство с директором из одной области?

Так продолжалось до следующего общего собрания. Но на этом собрании директор ответил на все мои замечания и предложил путь для устранения недочетов.

Председатель открыл прения.

Мучительная тишина.

Даже у Вавры в животе не бурчит. Через десять минут председатель объявил собрание закрытым. Замечаний не было.

Я задумчиво отправился ужинать. За углом меня поджидал товарищ Гайдош.

— Мне хочется тебе сказать,— процедил он сквозь зубы,— что я в тебе разочаровался! Прощай!

И ушел.

В ресторане ко мне подскочил Пеняжка:

— Хорош, нечего сказать! Так обмануть мое доверие!..

Маковица поздним вечером явился ко мне домой:

— Трус! Такой материал я тебе дал, а ты!..

Утром я ждал невесту.

— И чего ты никак не угомонишься, скажи на милость. Была у меня Роспоркова и заявила, что ты просто обманщик!..

Болеразик остановил меня на лестнице:

— Хорош герой!.. Дезертир!

Калераб подкарауливал меня в умывальной:

— Знаешь, кто ты? Не хочется о такого руки марать!..

И все они сошлись во мнении, что я человек без принципов...

Перевела со словацкого В. ПЕТРОВА.

Птица секретарь

Юрий ЯКОВЛЕВ

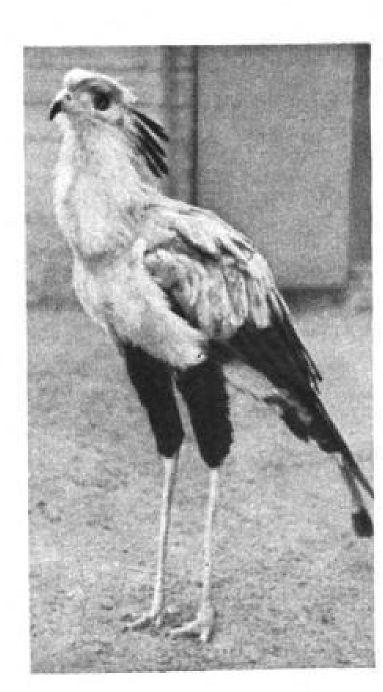

Фото А. Анжанова.

В саду зоологическом
Есть птица-секретарь.
При свете электрическом
В глазах горит янтарь.

На нем манишка и пиджак,
Короткая бородка.
Неторопливый, мелкий шаг,
Как у людей походка.

Ему просторы не нужны,
В полет он не стремится,
И крылья вовсе не важны
Для канцелярской птицы.

По клетке ходит секретарь;
Мечтает, видно, он,
Чтоб появился календарь
И звонкий телефон.
Была бы запись на прием,
Была бы очередь при нем.

Чтоб посетитель падал ниц
И нес ему подарки.
Встречаем мы подобных птиц
Не только в зоопарке.

Из почты «Огонька»

БОЛЬШОЙ МУРАВЬЕД

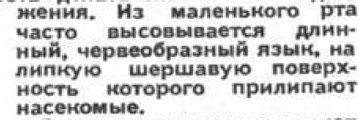
В Ленинградском зоологическом парке есть несколько редких животных. К ним относится и большой муравьед, или нуруми.

По своей внешности муравьед настолько необычен и своеобразен, что привлекает внимание даже самых рассеянных посетителей зоопарка. Тело у него косматое, голова вытянута в трубку, из 2,3 метра общей длины около метра приходится на хвост, плоский и широкий.

Родина муравьеда — восток Южной Америки. По всей вероятности, это редкое млекопитающее имело своими предками лазающих животных. Род пищи животного — муравьи и термиты — определил и его внешние особенности.

Так муравьед ест. Рот животного лишен зубов, а челюсти срослись и потеряли способность делать жевательные движения. Из маленького рта часто высовывается длинный, червеобразный язык, на липкую шершавую поверхность которого прилипают насекомые.

В зоопарке муравьеду дают мясной фарш, смешанный с молоком, медом и яйцами.

Так муравьед спит. Он не строит себе логова и отдыхает там, где его застанет ночь или усталость. Муравьед ложится на бок, свертывается кольцом и надежно, как одеялом, укрывается своим роскошным хвостом.

В. АЛЕКСАНДРОВ

Фото Ю. Левковича.

КИТАЙСКИЕ ЗАГАДКИ

Издали смотришь — беседка,
А вблизи — палка.
Наверху вода течет,
А внизу человек идет.

Из-за себя я бил тебя.
Из-за тебя я бил себя.
Убил тебя,
А кровь текла моя.

Домик двухэтажный полон людей.
На втором этаже люди показываются,
Но не разговаривают.
На первом этаже люди не показываются,
Но разговаривают.

На больших — два отрезка,
А на остальных — три.
Всего 28 отрезков.

Ответы: зонтик, комар, кукольный театр, десять пальцев.

Перевел с китайского Лу Гун.

Исчезнувшая планета

Солнечная семья не всегда была такой, какой мы ее знаем. Она была больше, в нее входило не девять ныне известных планет, а десять. Но, прежде чем говорить об этой десятой планете, напомним древнегреческий миф о Фаэтоне.

Фаэтон был сыном Гелиоса — бога Солнца. Однажды, уступая настойчивым просьбам сына, Гелиос разрешил ему проехаться по небу вместо себя на солнечной колеснице. Огнедышащие кони, не чувствуя могучей руки Гелиоса, подхватили с места и понесли. Когда испуганный Фаэтон бросил вожжи, кони взвились, увлекая колесницу то высоко к звездам, то спускаясь к самой Земле. Земля запылала, вскипели реки. Разгневанный Зевс, царь богов, метнул свои перуны и потушил пожар. Он разбил колесницу, разбросав ее обломки и упряжь коней по небу. Кони Гелиоса разбежались, а сам Фаэтон был низвергнут в реку.

Эту легенду о крушении Фаэтона напоминает судьба десятой планеты.

Изучая строение астероидов — малых планет, обращающихся между Марсом и Юпитером, ученые обнаружили, что они не имеют присущей планетам формы шара, а представляют собой глыбы материи с неровной поверхностью, разной величины обломки какого-то более крупного тела. Такими же обломками и осколками являются ядра комет и метеориты.

Членом - корреспондентом Академии наук СССР С. В. Орловым была высказана разделяемая и другими учеными мысль, что «астероиды, кометы и метеориты составляют единый комплекс тел солнечной системы. Всех их можно рассматривать как обломки когда-то распавшейся планеты, подобной нашей Земле».

Эта планета, десятая по счету, была пятой по порядку от Солнца и когда-то во тьме времен существовала между Марсом и Юпитером. Она была молода и неустойчива, и распад ее был вызван притяжением гиганта Юпитера, в опасном соседстве с которым она находилась.

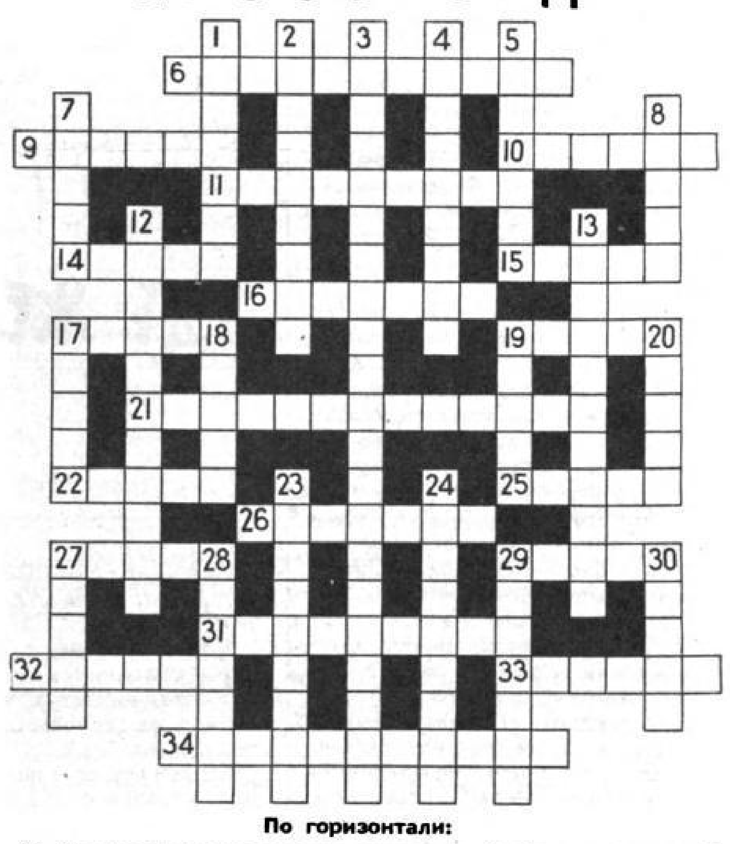
Подобно тому как Зевс разметал по небу обломки колесницы Гелиоса и низвергнул Фаэтона, Юпитер, под именем которого у римлян был известен Зевс, разрушил эту планету. Ее обломки и осколки, сталкиваясь и снова дробясь, разошлись в пространстве, то сверкая для земных наблюдателей как астероиды, то проносясь кометами, то падая на Землю как метеориты.

Эти небесные камни — вещественные доказательства существования в неизмеримо далеком прошлом десятой планеты.

С. В. Орлов дал ей имя; он назвал ее Фаэтоном.

Б. АЛЕКСЕЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Распространение знания, культуры. 9. Специалист в области изыскания полезных ископаемых. 10. Одна из величайших рек СССР и всего мира. 11. Крокодил. 14. Русский зодчий XVI века. 15. Роман А. Барбюса. 16. Цельная каменная глыба. 17. Принадлежность игры в хоккей. 19. Стая рыб, птиц. 21. Аппарат для сортировки минеральных зерен. 22. Документ на выполнение работы. 25. Режиссер и актер, народный артист СССР. 26. Артиллерийское орудие. 27. Порт на Черном море. 29. Способ. 31. Исследование с целью проектирования. 32. Порт на Янцзыцзяне 33. Условный знак. 34. Ступень развития культуры.

По вертикали:

1. Производственная группа. 2. Движущаяся лестница. 3. Вид дефектоскопии. 4. Период роста и развития растений. 5. Картина художника И. С. Остроухова. 7. Французский композитор. 8. Жидкое горючее вещество. 12. Справочник цен. 13. Взаимное расположение частей. 17. Русский скульптор. 18. Писатель и общественный деятель Индии. 19. Электрод. 20. Химический элемент. 23. Колючий кустарник. 24. Краевой центр в РСФСР. 27. Ветер. 28. Основоположение. 29. Авторитет, влияние. 30. Басня И. А. Крылова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

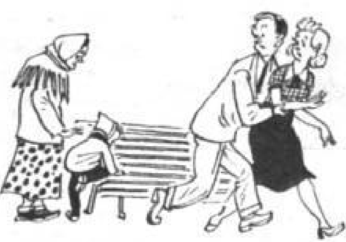
4. Условие. 7. Папирология. 10. Домкрат. 11. Лачинов. 15. Горн. 16. Пятилетка. 19. Орск. 20. Лонжерон. 21. Мостовик. 22. Мирт. 23. Галактика. 27. Азия. 28. Флорида. 29. Европий. 31. Суперфосфат. 32. Черника.

По вертикали:

1. Аспирант. 2. Посол. 3. Киловатт. 5. Майкоп. 6. Ширина. 8. Сомножитель. 9. Боронование. 12. Боровик. 13. Клиника. 14. Юстиция. 17. Ягода. 18. Киоск. 23. Гарпун. 24. Лядвенец. 25. Известка. 26. Аромат. 30. Афины.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин В. А. Тропинина и четыре страницы цветных фотографий.

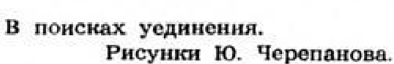

В поисках уединения.
Рисунки Ю. Черепанова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление В. Епанешникова.

А 03807. Подп. к печ. 28/III 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 268. Заказ № 722. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В магазинах книготорга и киосках Союзпечати имеются в продаже альбомы:
«В ЦЕНТРЕ АРКТИКИ», «СТО ДНЕЙ В КИТАЕ»

Издательство «ПРАВДА»

Цена номера 3 руб.